

Жанна Лебедева

ЗВЕРЬ

ПРИДЕТ С РАССВЕТОМ

Лили — деревенская девушка, и у нее две проблемы: как избежать нежеланного замужества и как скрыть от окружающих опасный темный дар, что проснулся и не дает покоя. Йон — принц-бастард. Валари — беспризорник, в руки которого волей рока попал один древний ключ. Что их объединяет? Судьба быть шахматными фигурами в жестоких играх властелей мира. И все же они готовы изменить предначертанное, потому что рассвет уже брезжит, а зверь, как говорят предания, приходит с рассветом.

Глава 1. Невеста поневоле

Лили мчалась вперед по весенней грязи.

Спотыкалась, падала, поднималась и бежала снова. Распутица растянула дорогу за края в стороны, растворила в залитых водами лугах, размазала грязными пятнами холодных луж. Небо раскрывалось ледяной синью. Солнце, стоящее в зените, прошивало мир тонкими спицами лучей.

Лили поскальзывалась.

Вся одежда ее давно промокла и испачкалась так, что не осталось на ней и пятнышка прежнего цвета.

Бежать. Быстрее! Быстрее...

Ветер вырвал из дали за бирюзовым леском пьянящий запах приготовленной к празднику пищи. Специи, мясо, свежая зелень, выкопанная из-под снега...

Туда нельзя. Еще долго будет нельзя, пока не кончится — будь он проклят! — весенний праздник. Пока не разъедутся гости, доев ароматные угощения. Пока Нерин Март не отправится восвояси в компании своего старого отца...

Восвояси, а лучше сразу в подземное царство ко всем зубастым демонам!

И снова бешеный бег. Снова размытая в кашу дорога.

Лили сама выбрала этот путь. Коню Нерина Марта тоже несладко придется. Галопом он тут не пройдет. Не рискнет и рысью — оступится, и тогда уж точно останется Нерин Март и без невесты и без дорогого породистого скакуна.

А на одежду плевать! Сейчас ли до одежды?

Падая и поднимаясь в очередной раз, Лили безмолвно завидовала северянам, что три года назад приехали с побережья с обозом в несколько семей и осели тут, в Нерке. У северян не было дурацкого обычая охотиться на сговоренных невест. Их восемнадцатилетние дочери с удивлением и жалостью смотрели на местных девиц, некоторые из которых по наивности гордились своим предрешенным замужеством. Выглядела эта гордость пугающе. По сговору девушек обычно отдавали за старых мужчин. Молодые жили уже другими, новыми обычаями.

Вот и Нерин Март почти что годился Лили в отцы. Разница в двадцать лет приводила девушку в ужас. К чему ей такой муж? Разве будет он уважать ее? Опыт общения со взрослыми мужчинами — жителями Нерки и знакомыми отца, — красноречиво говорил о том, что ни о каком уважении не стоит и мечтать. Ее будут наставлять, поучать и наказывать, возможно, хвалить, быть может, даже одаривать подарками. Если произойдет чудо, то даже ценить. Но не уважать. Никто не будет считаться с ее мнением, ведь то всего лишь мнение юной девицы, а все девицы, как говорит отец, априори легкомысленны и недалеки. Никто не даст ей права решать и выбирать, как не дают такого права корове, курице и прочей домашней скотине. Есть, безусловно, те добрые хозяева, что искренне любят своих животных, но даже любя, они никогда не ставят их на одну ступень с собой...

Никогда.

— Остановись, дуреха! Стой!

Ветер хлестнул по ушам надменным Мартовским окриком. Конь заржал истошно и дико, не желая ступать на скользкий путь.

Лили обернулась.

Метрах в трехстах от нее жених пытался справиться с непослушным скакуном, хлестал того плетью и поводом, но норовистый, серый в яблоках жеребец лишь крутился на месте волчком, не желая идти дальше.

Обрадовавшись, что получила фору, Лили уверенно двинулась вперед. Туда, где начинался ольховый подлесок. Молодые деревья стояли еще голые после зимы, но росли они густо и прятали за собой низинку с быстрой извилистой речкой, под крутыми берегами которой вода вымыла глинистые гроты.

Спрятаться там, и никакой Нерин Март не найдет. А если найдет...

Даже думать о таком не хочется. Если охота жениха окажется удачной, он сможет забрать юную невесту раньше брачного возраста. В случае Лили — на целый год раньше. Конечно, он не тронет ее в этот год — таковы правила, — но ей придется жить в чужой семье, под приглядом будущей свекрови и Нериновых замужних сестер. Чужая семья — не сахар. В особенности, если берут тебя в эту семью с одной лишь целью, чтобы ты послушно обслуживала мужа и его родню, а также исправно приносила детей.

О Мартовских матери и сестрах Лили знала не понаслышке. Ее соседка Ильза в позатом году попала на охоте среднему Неринову брату. Ильза была лишь немногим старше Лили, ее тоже забрали сперва на воспитание, а потом и свадьбу сыграли... Лишь один раз после этой свадьбы она приехала в Нерку. Вместе с мужем. Матушка Лили тогда наглядеться на соседку не могла и все завидовала, все укоряла дочку, что та не смогла вот так же, как Ильза, приглотнуться достойному кавалеру из зажиточной семьи.

Сама же Лили смотрела на Ильзу, и внутренности ее покрывались холодной слизью страха. Подруга детства сидела за столом красивая, но не живая. Совсем не живая. Ее взгляд был пуст, лицо бледно, а мысли и душа... они были где-то далеко. Лили ясно почувствовала эту странную, мертвую отрешенность. Потом она пыталась спорить с матерью, доказывая той, что Ильза, верно, не так уж и счастлива со средним Мартом, но матушка знала лучше. Разве можно быть несчастной, когда получила ты все? И богатого мужа из сильного рода, и красивое платье, и золото, что на шее и пальцах ярче солнца сверкает...

Мать считала, что Лили еще глупая, поэтому не права.

Но Лили оказалась права.

Полгода назад Ильзы не стало.

Родственники Марта, пару раз заезжавшие в Нерку, рассказывали, будто она умерла при родах, но Лили знала точно — все было не так. Однажды ночью она увидела сон. В нем бледная, уже давно мертвая Ильза говорила ей, что не хочет и не может больше жить в семье Марта. И ребенка его носить не хочет. А потом Лили увидела длинную веревку в амбаре, через черную балку перекинутую... Она не стала говорить матери про сон. Что толку? Но теперь точно знала, что в Мартову семью идти нельзя. Ни под каким предлогом.

И Лили быстрее побежала к деревьям. К невидимой за ними реке, где стремительная вода жадно вылизывала глину, расширяя тайные гроты.

Под берег она скатилась кубарем и быстро заползла в темный холод подземной пещеры. Спустя время над головой глухо топнул конь, потом еще раз — влажная земля мягко поглотила шаги.

Нерин Март был рядом...

...но Лили он не нашел. То ли побрезговал лезть в прибрежную глину, то ли побоялся.

Копыта над головой еще раз тяжело прозвучали и затихли. Конь ушел с берега в подлесок, а потом, наверное, в поле, на дорогу. Там и будет Нерин поджидать свою добычу,

надеясь, что холод, грязь и сырость выгонят ее из потайных нор, направят к человеческому жилью, к теплому дому в Нерке.

Лили вздохнула и обняла себя за плечи. Долго придется ей еще сидеть в этом сыром холоде. Она принялась подбадривать себя детскими воспоминаниями, как часами играла с подружками на этих берегах — и ничего! До самой тьмы они тут возились, и никакие холод и сырость их не пугали.

Значит, и теперь она тут просидит сколько нужно. А нужно до полуночи. Тогда закончится праздник, и Нерин Март не заберет ее к себе. Уедет на год. И будет у Лили еще один год спокойный жизни.

Будет жизнь.

Она обернулась за спину, в темноту. Там блестело что-то на дальней глинистой стенке. Красиво блестело, желто и ярко.

Как золото...

Сердце Лили забилося восторженно. Не может быть! Не могло случиться с ней подобной удачи! Она осторожно приблизилась к торчащему из стены драгоценному камешку, нежно коснулась его рукой, ощутив кожей вязкую, покрывающую сокровище слизь. Потом подцепила изломанными грязными ногтями, пытаясь выковырять. Но золотой самородок скользил и не желал поддаваться.

Лили принялась подкапывать его и царапать, с восхищением осознавая, что самородок — вовсе не маленький камушек. Он огромен! Сорванная замерзшими пальцами глина открывала все новый и новый блеск. Золота было много. И Лили копала, как одержимая. Ведь в этом гигантском золотом куске было ее спасение! Будет золото — станет она богатой и влиятельной, сама начнет выбирать свою судьбу, и не нужен будет постыдный брак с Нерином Мартом...

Никому не нужен...

Когда она в очередной раз впиалась в глину окоченевшими пальцами, скрюченными, как ненасытные когти совы, в земной толще охнуло и застонало. Протяжный гул далекого обвала вышел из глубин, заполнив слух тяжким басом. Грот содрогнулся, и Лили, вынужденная бросить раскопки, поспешно выползла из него. На щеках ее блестели слезы досады и разочарования. Сейчас грот обвалится и погребет под собой ее золото.

Ее спасение...

Грот действительно обвалился, но, словно тронутый плачем мокрой, измученной девушки, сокровище свое отдал.

Глиняные пласты тяжело разошлись в стороны, обнажив нечто золотое и яркое. Древнее, как сама жизнь.

Лили смотрела перед собой, открыв от удивления рот, и медленно отступала.

Перед ней, наполовину все еще скрытый в почве, предстал золотой зверь. Не просто зверь — царь зверей, величайший предводитель их и владыка. Голова его хоть и почти не имела шеи, но гордо вскинута была к небу мордой. Длинные челюсти с огромными клыками, разомкнутые, были длиною в рост Лили — она бы могла целиком поместиться в пасти зверя. Его ноги были массивны и заканчивались копытами. Грудь казалась неохватной.

— Кто ты? — произвольно шепнула девушка, и тут же мысленно обругала себя.

Зверь ведь не живой.

Или...

Она медленно, шаг за шагом приблизилась к статуе и перед тем, как коснуться

ладонью золотой лапы, предупредила:

— У меня есть дар слышать мертвых. Я никому про него не рассказывала... Прости, но я во что бы то ни стало должна узнать, кто ты такой.

Закрыла глаза.

Глубоко внутри, у самых границ восприятия пробудилось нечто. Свет. Он разгорелся ярче, вырисовывая на темной стороне век картины забытых времен. Рассвет, и идущие в его лучах великие звери. А потом тихий голос, похожий на отзвуки далекой грозы заговорил в тишине: «Пало третье, последнее царство Драконье — отступила Великая Смерть. Потеплел мир так, как не теплел еще никогда. Странное время настало — все еще древнее, но уже новое. После него пришло царство Рассветное. Родились в нем все звери земные, и все сокровища земные. Моря забирали части суши. Падали горы с небес, пробивая в тверди дыры и проваливаясь в преисподнюю. Я родился в рассветных лучах, а умер, когда солнце поднялось в зенит. Мои братья отказались от мяса и ушли есть траву, сестры отказались от ног и уплыли в моря...»

— Как твое имя. Скажи мне имя свое, — одними губами, без голоса, произнесла Лили.

«Мое имя...» — и слабая связь прервалась.

Лили резко пришла в себя, будто из ледяной воды вынырнула. Затрясла головой, сбрасывая флер таинственного видения. Отступила — почва двигалась вокруг золотой статуи, вновь погребая ее.

— Нет! Не уходи! Нет...

Она размазала по щекам злые слезы, но сдаться не согласилась — приволокла от воды огромный тяжелый камень и установила его там, где под слоями жирной глины скрылся удивительный зверь. Притащив еще один — установила сверху на круче.

— Я не оставлю тебя теперь. Ты мой, — сказала, топнув промокшим кожаным сапогом по скользкому берегу. — Дай мне силы! Хоть немного той силы, что прежде была у тебя. Она так нужна мне... Ты даже не представляешь, как нужна.

После полуночи Лили вернулась домой.

Срок поимки сговоренной невесты истек. Нерин Март, разочарованный и сердитый уехал восвояси. Конь его не стоял у забора, как утром. Лили проверила — в конюшне Мартовых лошадей тоже не было.

Мать уже ждала с хворостиной на крыльце их длинного, сложенного из тяжелых бревен одноэтажного дома.

— Ты чего это удумала, а? — свела на переносице рыжие брови. — Ведьма малолетняя! Жениха ей искали-искали, а она нос своротила? Такого человека обидела, дура!

Лили только голову низко склонила. Вся сгорбилась, готовая принять удар. Но его не последовало. Лишь горькое циканье разорвало повисшую тишину. За последнее время мать сильно сдала, уменьшилась, состарилась. Зато Лили выросла. Перестала бояться прута. Где-то внутри перестала, в душе. Тело-то по-прежнему корежилось и скручивалось узлом при виде занесенной розги. Лили злилась на себя за эту неудержимую, выученную реакцию. «Разве я кобыла, чтобы так жаться от одного вида хворостины? Я человек».

Человек.

Мать не ударила. Буркнула что-то себе под нос и канула в темноту за дверью. Лили, молча, отправилась следом. Сквозь духоту жилых комнат пробралась к тонкой лесенке на чердак, поднялась под самую крышу. Там, возле крохотного, затянутого пыльной паутиной окошка, стоял старый сундук, укрытый рогожей. Лили спряталась под нее, свернулась и

принялась слушать стук собственного сердца.

Она спаслась от страшной участи. Нерин Март уехал.

Уехал!

Он ее не поймал.

Глава 2. Сектант

Приглушенный свет распускал по подземелью длинные тени, черные и гибкие, как щупальца осьминога. Лампа качалась в руках старой женщины, закутанной в серую накидку.

— Бабуль, куда мы идем? — Худой подросток в грязной одежде испуганно дернул старуху за рукав.

— Вниз, к самому сердцу земли.

— Я боюсь. Зачем нам туда? — Внук поежился, собрав вместе затертые полы кожаной куртки.

— Пока я еще жива, ты должен узнать кое-что важное об этом мире. Наша община много лет хранит тайну, настало время и тебе узнать ее.

— О мире? Я уже достаточно знаю о мире. Господин учитель в нашей школе для бездомных зачитывает нам на уроках отрывки из Пресветлого Писания. Он говорит, что на все воля великого Эвгая...

— Эвгая? — Старуха развернулась к парнишке и гневно посмотрела на него. — Пообещай мне, что никогда, даже под страхом смерти ты не станешь рабом Эвгая.

— Но... Когда я заикнулся, что рабство — это плохо, господин учитель избил меня палкой.

Старуха скривилась, на впалые щеки легла, скрыв глаза, черная тень.

— Знаю я этого твоего «господина учителя». Никчемный, подлый человек. Сильным мира сего он вылизет ступни языком, чтобы потом вытереть свои собственные грязные ноги о тех, кто слабее. Поэтому не связывайся с ним — молчи. Но и в сердце свое Эвгая не принимай. Помни, каковы адепты, таков и бог. И пресветлый Эвгай точно таков же, как твой учитель — жестокий, подлый, самолюбивый...

— Бабуля... — Парнишка остановился, и глаза его блеснули в полумраке. — Ты будто знаешь других богов?

— Знаю. — Сухая ладонь раскрылась, приглашая. Дрогнула на стенах свет. — Идем!

Они спустились еще ниже, на самое дно города. Корни древних деревьев, живших когда-то на этой земле, выступили из стен.

Еще ниже.

Подросток затаил дыхание. Перед глазами возникла дверь из металла. На ней были изображены две беременные женщины с крысиными головами. Сцепив руки, стояли они и скалили страшные клыки. Их открытые плечи оплетал узор из полосок и пятен, а в огромных, набрякших животах пряталось восходящее солнце.

— Кто это, бабушка? — Внук нерешительно замер на месте.

— Наши праматери — Майи. Эомайя Скансория, Мать Рассветная, и древняя Юрамайя Драконовидица. Запомни их имена, мой мальчик. Запомни на всю жизнь! Они породили нас — тех, кто зовется гордым именем териа...

— Териа? Кто это, териа? Бабуль, поясни?

— Териа — это все звери земные. И мы в том числе.

— Звери? Но разве мы звери, бабуль? — Внук вопросительно приподнял брови.

— А разве нет? — Старуха прищурила желтые, покрытые сетью кровавых дорожек, глаза. — Мы смотрим двумя глазами и нюхаем двумя ноздрями. Мы вынашиваем детей в своих животах и кормим их молоком. Мы — териа. А териа — это мы. А еще, мы хозяйева

этой земли. Эта земля создала нас из себя самой, руками великой Эво, поэтому она наша. Ни бог Эвгай с его псами-адептами, ни жестокие хенке, ни даже могущественные хати не смеют претендовать на нее...

Подросток потупил глаза в пол, тяжело вздохнул, костлявые плечи ссутулились под белыми длинными волосами.

— Но мой отец... Он ведь хати... Значит, и я наполовину...

Старуха подошла к пареньку, взяла его за подбородок, заставив поднять лицо и выпрямиться.

— Кровь териа сильнее крови хати. И териа сильнее хати. Выбери сам, кем тебе суждено быть. Будь тем, кто сильнее, и однажды могущество териа возродится под знаменами, которые понесешь ты.

— Но я ведь такой слабый. Посмотри на меня — кожа да кости. Что я могу один?

— Многое, мой мальчик. Многое! — Старуха погладила стальную Эомайю по скрывающему всходящее солнце животу. — И не будь один. Всегда держись своей стаей, своих друзей. Выбери самых преданных и верных. Научись разбираться в людях — и это станет главным твоим преимуществом.

— Я понял, бабуль. Все запомню. Все сделаю.

Женщина удовлетворенно кивнула.

— Ну и хорошо. — Пошарив под одеждой, она вытянула из потайного кармана ключ на длинной цепи и передала его внуку. — Вот, возьми. Это ключ от дверей, за которыми лежит древняя реликвия нашей общины — книга Эво. И помни, эта книга — величайшее сокровище.

— Жизнь за нее отдам. — Паренек смиренно склонился, принимая в ладони тяжелый холодный ключ. — Я сохраню ключ, клянусь. А можно мне взглянуть на книгу Эво, раз уж мы пришли сюда?

— Не сейчас. — Старуха прижала палец к губам, призывая к тишине, чутко вслушалась в происходящее наверху. — За нами проследили.

Высоко над головой раздался топот тяжелых сапог. Храмовая стража — их шаги мальчик не перепутал бы ни с чьими другими шагами.

— Что будем делать?

Старуха не ответила. Помрачнев еще сильнее, склонила голову.

— Вот и все...

— Что значит — все? — Глаза внука округлились от ужаса. — Нас за все это убьют, да?

— Нет. — Бабушка мягко коснулась его теплой щеки высохшей холодной рукой. — Послушай, мой мальчик, ты должен пообещать мне три вещи. Первое — ты сохранишь ключ от дверей, за которыми спрятана книга. Второе — ты запомнишь это место, узнаешь и найдешь его, даже если его погребет земля. Третье — ты даже под пытками не расскажешь о нашей тайне никому из адептов Эвгая или любых других новых богов.

— Бабушка... — Губы паренька предательски задрожали. — Что значит «погребет земля»? Не говори таких страшных вещей сейчас...

— Обещай! — почти выкрикнула старуха, вытягивая из земляной стены нечто похожее на кривой железный рычаг.

— Обещаю... — Подросток испуганно шмыгнул носом, растер по грязной щеке сбежавшую слезу. — Пойдем отсюда, пожалуйста! Давай обманем стражников. Они нас отпустят, вот увидишь...

— Уходи! — Голос женщины звякнул сталью. Она уже все решила. — Времени мало. Беги вверх по лестнице быстро, как ветер, и считай до десяти. Когда досчитаешь — лети быстрее ветра. — Она поманила внука к себе, крепко обняла свободной рукой и легко поцеловала в макушку. — Я надеюсь, что сегодня великая Эво подарит тебе немного удачи, и ты выживешь. Спасешься. Прощай, Валари.

— Но, бабушка... Как же...

— Пошёл отсюда! Времени нет!

И он покорно понесся, не чуя ног, по лестнице вверх. Один-два-три-четыре... Когда на верхних ступенях мелькнули яркие кафтаны стражников, было уже восемь... Он все равно бежал вперед, прямо на вооруженных людей. Девять-десять...

...и земля содрогнулась.

Растрескались и развалились под ногами каменные ступеньки лестницы...

Вверх!

Как сказала бабушка — вверх!

Он лишь на миг позволил себе обернуться и беззвучно закричать, видя, как за спиной все — лестница, стены, корни деревьев — обратилось бездонной черной пастью. Воронкой непроглядно мрака, затягивающей все кругом вглубь земли.

И единственное, что может еще спасти — это бешеный бег...

Валари собрался силами и вихрем взлетел по остаткам стонущей лестницы к свету. Там, на краю потайного хода вглубь земли, шатаясь и падая, толпились перепуганные стражники. Падение неосторожных соратников в неведомо откуда взявшуюся бездонную дыру ошеломило их так, что Валари они даже не заметили. Им было не до беглеца — сами помышляли лишь о том, чтобы спасти собственные шкуры, убраться подальше от голодного черного зева.

Валари оттолкнул ближайшего воина, ловко нырнул под руку второму и крысой шмыгнул в узкий проулок. Побежал со всех ног.

Все дальше и дальше от страшного места по лабиринтам Города-Солнце.

Он доковылял до темного, заваленного мусором тупика и, заливаясь слезами, прислонился к стене. Ноги не держали, спина сама поехала вниз по шершавым камням. На рушащихся ступенях он, кажется, подвернул лодыжку...

Бабушка...

Бабушка погибла!

Там, в безжалостных жерновах взбесившейся земли...

Валари бессильно плюхнулся тощим задом на землю. В тот же миг рядом с ним возникли две бесшумные незаметные тени. Два существа, которых при беглом рассмотрении можно было бы спутать с людьми. Серые плащи с капюшонами полностью скрывали лица, лишь тихие низкие голоса выдавали, что незнакомцы мужчины.

Один из них грубо схватил подростка за шкуру и с легкостью оторвал от земли.

— Думаешь, этот и есть? — поинтересовался у спутника.

— Вроде не слишком похож. — Второй громила вынул из-за пояса свернутый в рулон портрет, раскатал его, покрутил так и эдак. — Трудно судить, больно грязный да тощий щенок попался. Хотя... — Рука в кожаной перчатке крепко ухватила добычу за подбородок, повертела из стороны в сторону. — Взгляни, какие у него глаза. Они точно от хати. И волосы. Если отмыть, будут, как серебро. Этот уличный ублюдок и есть нужный нам полукровка.

Перепуганного Валари не слишком аккуратно вернули на землю. От страха он утратил дар речи, совершенно не понимая, что происходит. Вот только он потерял бабушку, выбрался из-под земли, сбежал от стражи. Остановился перевести дух — и из огня да в полымя!

Он внимательно взгляделся в сумрак под капюшонами незнакомцев. Там проступали нечеловеческие черты. И огромный рост, и проглядывающая из-под серых пол брони в виде птичьих перьев красноречиво говорили об одном — его поймали хенке. Слуги великих хати.

— Ты, мальчишка, иди за нами, — рявкнул тот хенке, что сверялся с картинкой, он был выше и уже своего товарища в плечах.

— Зачем я вам? — Пленник нашел в себе силы поинтересоваться.

— Тебя хочет видеть господин Йоремуне, — прозвучал короткий и емкий ответ. — И даже не думай о побеге, мелкий ты засранец!

Йоремуне...

Хати? Один из самых великих и могущественных? Зачем ему понадобился бездомный полукровка из общины городских бродяг? Ничего хорошего встреча явно не предвещала, но и избежать ее было невозможно. Убежать? Убежать можно, вот только какой в этом смысл? Если хенке взяли след — уже не отстанут. В этот раз они были не слишком любезны. В следующий — станут вести себя еще грубее. Таких лучше не злить.

И Валари принял решение. Быстро, как всякий полудикий подросток, привыкший к тому, что события жизни летят стремительно, а опасности, подстерегающие за всяким углом, не оставляют времени на лишние взвешивания и раздумья.

— Я пойду с вами. — Он миролюбиво развел руками. — Не убегу никуда. Позвольте только зайти домой и взять свои вещи.

— Какие у нищего бродяги могут быть ценности? — рыкнул первый хенке.

— И дом? — ухмыльнулся второй.

— Я живу в катакомбах под торговыми рядами, — пояснил Валари. — В ярмарочные дни, когда нет занятий в школе для бедных, сижу возле дороги и играю проходящим добрым людям на мандолине. Песни пою...

— Избавь нас от подробностей, — недовольно фыркнул высокий хенке. — Заберешь свое барахло.

Валари соврал насчет дома. Все остальные люди из его общины жили в другом конце города. На окраине, в подвале разрушенного и заросшего кустами особняка. Парнишка и под пыткой не выдал бы хенке их истинное убежище. Тут же, под рядами, он иногда ночевал сам и прятал во время торговых дней свои нехитрые пожитки, чтобы не уходить от кормушки далеко.

Они подошли к шумному и многолюдному рынку. Длинное строение с каменными арками-подпорами тянулось вдоль проезжей улицы и тонуло в лиловом мареве цветущих сиреней. Под скошенной крышей и навесами прятались от жары многочисленные лавочники и коробейники.

Валари обошел ряды кругом. На задворках, заросших акациями, лавочники сваливали отходы и мусор. За его душной горой виднелся отмеченный двумя сколотыми гранитными глыбами ход под землю.

Паренек собрался нырнуть туда, но высокий хенке больно ухватил его за шкуру, сквозь одежду прямо за кожу, резко вздернул над землей.

— Попробуешь обмануть нас и сбежать — выслежу и спущу шкуру, понял?

— Я не собирался сбежать, — болезненно прошипел в ответ Валари.

Хенке с напускной небрежностью грохнул его о землю. Еще и пинка сопроводительного дал. Когда пойманный скрылся в темной норе, оба воина присели на камни и принялись ждать.

— Надо было привязать его на веревку, Скайскиф, — зевая, протянул коренастый хенке.

— Щенок вернется, Клайф, — отмахнулся его высокий соратник. — Я здорово напугал гаденьша.

Валари действительно вернулся вскоре. В одной руке он нес заштопанный вещевой мешок, в другой — убранный в потертый кожаный чехол мандолину. Подняться обратно к хенке его вынудил не страх, а забота. Обеспокоенность за остальных, оставшихся в общине нищих. Бабушку преследовала городская стража. Самого Валари — воины могущественного хати (что еще хуже). Возвратиться к своим — значит, накликать на них беду.

И встреча с настоящим хати вдруг перестала пугать его так сильно. Хенке, конечно, грубы, но великие духи, говорят, вовсе не такие, как их суровые слуги. По слухам хати мудры, великодушны и одухотворенны. И Хати-Йоремуне — великое существо! — просто не может обойтись с Валари дурно...

Он тешился надеждой, как мог, успокаивая себя и покорно шагая за быстрыми гигантами, что плыли бесшумно через рыночную толпу.

А вокруг город пестрел и цвел яркими прилавками разномастных торговцев и дорогими одеждами обеспеченных горожан. Ткани, фрукты, специи, украшения. Валари мазал взглядам по диковинным безделушкам — эх! Сколько продуктов можно было бы выручить за один такой тканевый отрез, за красные с бирюзовым тяжелые бусы...

На выходе с рынка хенке завернули в таверну. Всю дорогу дотуда они трепались о еде и выпивке. Из диалога конвоиров Валари выяснил их имена: тот, что пониже — Клайф, высокий — Скайскиф. Лиц своих они так пока и не показали. И лица ли у них, вообще? По слухам, у них и вовсе звериные морды.

И когти...

Хенке велели пареньку сесть на засаленную скамью у окошка таверны, а сами направились к торчащему возле отполированной до зеркального блеска стойки трактирщику, чтобы сделать заказ.

— Сиди тут и жди нас, — процедил сквозь зубы Скайскиф.

— И не вздумай лезть к девкам-прислужницам, — насмешливо бросил Клайф. — Живое у меня по шее огребешь.

Валари нахмурил брови, демонстративно отвернулся к закопченному окну и бросил зло: — Я умею адекватно воспринимать людей другого пола.

Хенке его не слышали — слишком торопились набить бурлящие от голода животы.

С ясного утра слуги господина Йоремуне носились по шумному жаркому городу в поисках заказанных полукровок. Сначала нашли четверых — богатых, избалованных, знатных детишек из породистых семей. Четверка сомнений не вызывала, а вот этот, последний, нищий и грязный бездомыш вызывал вопросы. И все же его надо было предъявить Йоремуне — пусть сам с этим странным щенком разбирается.

Когда сопроводители принялись увлеченно спорить с кравчим о сортах местного пива, Валари уткнулся взглядом в их спины. Дикари. Грубые, неотесанные дикари. Не заслуживают ничего, кроме презрения. Кем они считают его? Честного сына улиц? Пусть эти хенке по себе не судят. Его, Валари, с детства учили уважать других людей — их слова, их тела, их желания. Он вспомнил, как холодной зимой все подростки его общины спали

вместе, сбившись в кучу — мальчики, девочки — и никто никого не трогал, соблюдая негласный закон общежития разумных и цивилизованных существ, при котором комфортно и безопасно должно быть всем...

Фраза, невзначай оброненная Клайфом, подняла в душе волну омерзения. Эти хенке... В какой мир они его отведут? Что ждет впереди? Надо быть осторожным. Придется быть скрытным. Подозрительным. Что бы кто ни говорил, а хати — слишком избалованные создания, чтобы считаться с бедами простых смертных. Каких-то териа...

Териа...

Валари невольно положил руку на грудь, где под старой тканью ношеной одежды прижимался к самому сердцу заветный ключ.

«Я не подведу тебя, бабушка, обещаю», — шепнул сам себе едва слышно. Посмотрел в окно. За мутным стеклом солнце стремительно падало за горизонт, выбрасывая в темнеющий зенит кровавые всполохи вечерней зари.

Вскоре хенке вернулись за стол. Следом за ними, как тени, стали подходить слуги с подносами. Стол быстро заполнился едой, от восхитительного запаха которой у Валари закружилась голова. Неужто ему тоже перепадет?

Перепало.

Скайскиф подтолкнул под нос пленнику большую плоскую тарелку с кроличьим рагу. Бросил деревянную ложку — сами хенке ели железными, — приказал:

— Жри, пока дают. Нас ждет долгий путь. Дня три будем идти без остановок. Так что набивай брюхо.

Глава 3. Принцесса

Утро разбудило запахом горячей похлебки и громкими разговорами.

Лили как всегда ночевала на чердаке и не спешила спускаться вниз. Под крышей было спокойнее. Уходили ввысь могучие стропила. Над головой паук сплел круглые сети, в которых дрожали капли просочившегося через крышу дождя. За маленьким окном стеной стоял туман.

Мать и отец обсуждали с соседом приезд какой-то важной особы. Керед-охотник, живущий через дом от них, рассказывал, что еще вчера вечером видел, как с дальнего холма стекает к Нерке нарядный караван.

— Не иначе какой-то вельможа решил к нам пожаловать, — матушка мечтательно закатила глаза.

— Ты губу-то закатай, — грубо осадил ее отец. — Лучше пусть мимо едут, а то сожрут тут у нас все или девок попортят. Знаю я этих богатеньких горожан. Мы для них не люди, а так — грязь под ногтями, топливо для печи.

— Зачем ты так говоришь? Ты же староста — твое дело представлять деревню и встречать гостей, — огрызнулась, было, матушка, но тут же потупилась и умолкла под суровым взглядом недовольного супруга.

Лили скривилась от отцовского голоса. Всегда неприветливый и грубый, будто все ему должны. А мама еще удивляется тому, что она, Лили, сбегает от женихов. Если брак — это постоянные унижения, которые нужно выносить изо дня в день со смирением, то чему удивляться? О каких женихах вообще может идти речь? Тем более, если в будущем супруги прочтат Нерина Марта. От него у Лили мороз по коже.

— Мимо не проедут, и не надейся, Лот, — почесывая жидкую черную бороду, расстроил отца Керед.

— Почему это?

— Едет к нам в Нерку не абы кто, а родня самого великого Тарха.

— Что? — Лот побледнел, не поверив словам Кереда. — Что членам семьи владыки Куттана делать в нашем захолустье?

— По слухам их интересуют целебные источники и грязи Вересковой Пустоши. Новая жена Тарха везет сюда на лечение больную дочь. Так что, Лот, я бы на твоём месте не жался, а наоборот, готовил радушную встречу, ведь и оплата за прием, наверняка, будет щедрой. Говорят, в казне Тарха денег столько, что если засыпать ими всю нашу Нерку, на месте нее вырастет гора золота...

Лили слушала разговор старших с интересом.

Значит, Вересковая Пустошь?

Это место и ее саму всегда привлекало, но взрослые строго-настроено запрещали молодежи туда ходить. Вересковую Пустошь считали опасной для простых смертных, ведь когда-то давно там стояла твердыня древних — великий град, ныне заброшенный и забытый. Жители Нерки верили, что первородная магия все еще живет среди глубоких моховых ям, темных гротов, слоистых каменных платформ и гигантских валунов, покрытых неведомыми письменами.

Среди сиреневых вересковых цветов.

Было на Пустоши несколько странных источников с теплой йодистой водой. Она

считалось целебной, и иногда деревенские, осмелившись, набирали ее украдкой для лечения. И все же лишней раз без особой нужды на Пустошь никто не совался.

Кроме Лили.

Родители не знали, что она облазила там каждый камень. Правда, пару раз не в меру бойкая девчонка после таких вылазок попадалась и бывала наказана. Лот и его жена наивно полагали, будто дочь усвоила уроки и более запретов не нарушает. Но Лили их, конечно же, нарушала, просто вела себя осторожно.

Один раз, блуждая в мареве цветущего вереска, она зашла особенно далеко. Туда, где между круглых кустов и кочек растекались потоки таинственного тумана. Рискую заблудиться, Лили двинулась сквозь него и через некоторое время наткнулась на древнюю стену.

Из-за нее, окруженная столбом почти непроглядной белесой мглы, к самому небу поднималась башня. Старая, местами порушенная — кладка из мощных камней там и тут прорывалась дырами — она тонула в низких облаках, что всегда, независимо от погоды, тяжело нависали над этим неприветливым местом.

Лили хорошо все запомнила.

Она знала, что, не смотря на все запреты, этим удивительным местом надо дорожить, ведь где-то в самом его сердце хранится нечто, способное полностью изменить жизнь.

Загадочные гости приехали к вечеру и остановились в доме старосты.

Пока разгружались вещи, и жутковатые, закованные в броню охранники осматривали двор и дом, Лили пряталась в кладовке, скрытой шторами.

Это была ничтожная щель между печкой и стеной, где скрывались залежи старого ненужного хлама: какие-то обколотые горшки, поломанные ухваты, гнутые медные ложки — все, что не пожелал выбрасывать бережливый хозяин дома.

Один из охранников, услышав шорох, заглянул в убежище Лили, но, посчитав, что девчушка не несет никакой опасности, сразу потерял к ней интерес.

Все проверив, воины ушли — освободили место для своей хозяйки. Она всплыла в комнату, вся такая высокая, важная и невероятно красивая. Золотистые волосы растекались по плечам, укрытым дорогой парчой дорожной накидки. Длинное светлое платье колыхалось в такт шагам.

Следом за красавицей в комнату толпой прошли слуги, внесли дорожные короба с вещами. Гости принялись располагаться. Потом шум и голоса отдалились в сторону выхода.

Лили решила, что все ушли, и с любопытством выглянула из-за занавески чуть дальше, чем было необходимо для того, чтобы оставаться незамеченной. Красивая женщина — она, как оказалось, дома не покидала, — тут же заметила чужое присутствие и, ласково улыбаясь, поманила Лили к себе.

Та вышла из укрытия, осторожно приблизилась к дивной даме.

— Чего? — буркнула под нос.

— Ух, какая бука. — Гостыя не обиделась на грубость, лишь ласково потрепала по макушке. Спросила: — Как зовут тебя, деточка?

— Лили.

— Ты служанка хозяйская?

— Нет. Дочь.

— Ох, извини. — Женщина приложила к сердцу ухоженную ладонь. В медовом взгляде

плавился луч сочащегося из-за занавесок заходящего солнца. — Не обижайся.

— Я и не обижаюсь.

Лили посмотрела на странную гостью с удивлением. «Извини... Не обижайся». Знатная госпожа просит у нее прощения? Странно как-то. Настороженность быстро уступила место любопытству.

— Меня зовут госпожа Виргин, — представилась женщина. — А это моя дочь Табита, — указала на лавку под окном. — Я уверена, она будет рада подружиться с тобой.

С лавки девчушка возраста Лили — интересно, когда она вошла? — смотрела с опаской и недоверием. На дружелюбное «привет» тоже чуть заметно улыбнулась. Сказала тихо-тихо:

— Здравствуй.

— Ну вот вы и познакомились, — обрадовалась госпожа Виргин. — Позаботишься о Табите, Лили? Покажешь ей свою деревню и дом?

Лили выпрямилась, расправила плечи, вдохновляясь собственной значимостью, отчеканила:

— Конечно, госпожа Виргин. Ваша дочь не будет скучать. — Повернувшись к Табите, предложила: — Хочешь, посмотрим на поросят, которых вчера родила пестрая свинья?

Глава 4. Бастард

Дворец был построен высоко в скалах. Невесомый, светлый, издали он напоминал облака.

Просторную беломраморную террасу перечеркивали лиловые тени. Вишневые и грушевые деревья качались, осыпая белыми лепестками лазурную гладь декоративного бассейна с фонтаном в центре.

На бордюре, свесив в воду босые ноги, сидел подросток. Загорелый и стройный, он натянулся, как струна, высматривая что-то на тонкой дороге, ведущей к перекидному мосту над ущельем.

Ветер развевал золотистые волосы. Голубые глаза с любопытством разглядывали струящиеся в воздухе флаги с полуденной луной и точеные нечеловеческие силуэты всадников.

Их было трое.

Два воина в пластинчатых доспехах, похожих на птичьи перья, сопровождали третьего — главного визитера. Тот ехал на белоснежном коне, и сам был белоснежен, как ледник на вершинах гор. Длинные одежды стекали с его плеч, почти касаясь земли.

Навстречу гостям выехал начальник стражи — старый Грэм. Приблизившись, — подросток рассмотрел это даже с большого расстояния, — подслеповатый Грэм резко остановил коня, спрыгнул на землю и грянулся ниц. То же сделали и шестеро его солдат. Взволнованные лошади перебирали ногами, взбивая пыль. Сквозь ее клубы в безмолвии проплыли трое странных гостей.

— Мама! — Паренек как птица сорвался с бортика бассейна и закричал прямо в черный зев неосвященного зала, что открывался за террасой: — Там кто-то важный приехал!

Из темноты выплыла светловолосая женщина, с глазами, подобными звездам. Высокая, гибкая, как ива, она грациозно подошла к парапету и посмотрела вниз.

— Это господин Йоремуне. Давно он нас не навещал.

— Тот самый Йоремуне, который хати, как ты? — Паренек поднял на мать восторженные глаза.

— И как ты, — улыбнулась женщина. — Почти как ты... Йон, тебе лучше гостям не показываться. Иди к себе.

Подросток послушно кивнул и бесшумно исчез в одной из галерей.

Хозяйка дворца встретила гостей в большом зале, окна которого выходили на сторону рассвета и открывались видом лилово-синих заснеженных гор. Большой стол из окаменевшего дерева укрывало кружево скатерти, сплетенной сильными и умелыми руками горных дев. Ветер петлял меж белых колонн, подхватывал цветные вымпелы, дергал края гобеленов.

Гость, достопочтенный господин Йоремуне, один из самых старых и уважаемых духов-хати, опустился напротив женщины в кресло. Охрана, телохранители-хенке, встала за ним, безмолвная, будто неживая.

— О, прекрасная госпожа Иханна, не тяжело ли вам жить в этих диких местах?

— Не тяжело, господин Йоремуне. Здесь тишина и покой. Воздух первозданно чист. — Хозяйка улыбнулась, и в этой улыбке скрылась фальшь.

Гость не был желанным и долгожданным в ее поднебесном дворце.

И он все понимал, поэтому сразу перешел к делу.

— Только ли ради воздуха вы переехали сюда? Или для того, чтобы скрыть от сплетен и слухов свою тайную связь, плод который сейчас наблюдает за нами из-за вон той портьеры?

— Что? — Женщина вздрогнула всем телом и прижала руки к тяжелой груди, открытой вырезом изумрудно-зеленого платья. — Йон, зачем ты ослушался? Я же просила тебя быть в своих покоях...

— Значит, Йон? — Йоремуне поманил паренька жестом и тот пошел, замороженный плавным движением гибких длинных пальцев. — Не бойся, мальчик, подойди.

Подросток опасливо замер, как любопытный молодой зверек, что ни разу в жизни не видел еще капкана, но запах старой крови на металле уже почуял и насторожился. Теплые карие глаза матери наполнились волнением и страхом. Ее алые губы казались розой на побелевшем до цвета снега лице.

— Что ты хочешь от моего сына, Йоремуне? — спросила она наконец.

— Я возьму его к себе в ученики.

— В ученики? — удивилась Иханна. — Но мой Йон ведь не хати, его отец...

— Знаю я все про его отца. Он из рода Эндрюзов, тех самых, что метили на королевский престол в Валансе, да проиграли. Но это и не важно. Главное, твой сын — полукровка. Именно таких я собираю.

— Зачем тебе полукровки людей и хати?

— То мое дело. Но если коротко, я хочу я создать из них собственную особую гвардию, а прежде изучу их умения и особые свойства, — неохотно пояснил Йоремуне.

— Какой из Йона гвардеец? Он тихий послушный мальчик... — встревожилась Иханна.

— Послушный, — коварно улыбнулся гость. — Этого качества достаточно. Сегодня я заберу твоего сына.

Госпожа Иханна ничего не ответила. Печать злого бессилия сковала ее сердце. Ей было нечем крыть, не с чем идти против наглого расчетливого Йоремуне. Дух был слишком влиятелен и слишком много знал про нее.

Всякого.

Разного.

Такого, о чем не говорят вслух. Что не разносит ветер...

Иханна тряхнула густыми кудрями, низко склонила голову, чтобы не видно было глаз:

— А если я не соглашусь отдать сына? Ты ведь меня вынудишь, да?

— Ты уже согласилась, — бескровное, как у фарфоровой куклы, лицо духа чуть покривилось от почти незаметной усмешки. — По голосу чувствую. Да и вообще, к чему тебе меня обижать? Разве ты находишь меня недостойным учителем своему сыну?

Хозяйке замка не чего было сказать.

Сердце терзала горькая досада. Почти пятнадцать лет она пряталась тут, в горах, среди людей. И сына своего — случайный плод краткосрочной запретной любви — прятала. Жизнь, тревожная и полная оглядок сначала, спустя уже смешной для хати десяток лет, стала легкой и беззаботной. В звонах ледяных ручьев, в пении ветров, птиц и свободолюбивых горных дев тревоге просто не осталось места. И все следы были стерты. По крайней мере, так казалось.

Но Йоремуне нашел Иханну в тайном убежище спустя двенадцать лет ее затворничества и сперва просто заявился в гости, видимо, чтобы только разнюхать и проверить. В тот, первый раз, Йон его, кажется, вовсе не интересовал.

И Иханна расслабилась — гость и гость. Пусть будет.

Прошло три года, и дух объявился снова. Теперь Иханне стало ясно как никогда, что Йоремуне никого не навещает просто так. В этот раз он пришел за ее сыном — единственным ее ребенком, той солнечной основой радости и тепла, согревающей сердце прекрасной владычицы озорных горных ручьев.

— Прикажи слугам собрать его вещи.

— Я поеду с сыном, — встрепелась взволнованная мать.

— Нет, — осадил ее гость. — Ты останешься здесь. Йон должен ехать один.

— Позволь мне остаться с ним, прошу тебя, — в отчаянии взмолилась Иханна. — Я знаю, что ты не отстанешь теперь от нас, Йоремуне, и я не обману тебя, мы не сбежим. Просто позволь нам собраться без спешки. Позволь самим приехать туда, куда нужно.

Хати-Йоремуне задумался на минуту, потом кивнул, соглашаясь.

— Хорошо, я дам вам время. Я не стану забирать твоего сына прямо сейчас, но ты должна будешь к середине лета привезти его в Эводеон.

— В Эводеон? — удивилась Иханна. — Но это же древний город, что согласно легендам пал тысячи лет назад? Разве Эводеон не миф?

— Нет, — мотнул головой дух. — То, что осталось от великого града, лежит в туманах завоеванной куттанцами Райлы, в Вересковой Пустоши возле крошечной деревеньки Нерки.

— Я поняла, — смиренно согласилась хозяйка замка. — Ко дню летнего солнцестояния мы с сыном будем там.

Они действительно долго тащились куда-то за город.

У границы Города-Солнце хенке ждали оседланные лошади и закрытый фургон, запряженный парой быков. В нем теснилось четверо полукровок — юношей примерного одного возраста с Валари. Они и похожи были — такие же светловолосые, стройные, с глазами-звездами. Лишь одно отличало незнакомцев — наряд. Дорогая и яркая, расшитая серебром, а то и вовсе золотом их одежда красноречиво указывала на высокий статус. Все полукровки, ютящиеся в кибитке хенке, происходили из уважаемых родов и были не чета уличному беспризорику Валари.

И они немедля решили установить дистанцию.

— Эй, не усаживайся подле меня! — фыркнул недоброго вида парень в золотых серьгах.

Он вытянул в проход между лавками ногу, не давая новому соседу пройти и сесть к окну.

Валари, как истинный сын улиц, прекрасно знал, что идти на прямой конфликт с заносчивой знатью не стоит, но от колкости все же не удержался:

— Ты, верно, болен и заразен, господин? Что ж, спасибо за заботу, сяду в другое место.

И он нарочито отсел подальше от хмурого соседа. Опустился на лавку рядом с добронравного вида улыбчивым здоровяком, самым высоким и мощным из всех присутствующих. Тот захохотал довольно, оценив язвительность новичка.

Похвалил:

— А ты не промах, приятель. Как тебя зовут?

— Валари.

— И из какого ты рода? — презрительно поинтересовался парень в серьгах. — Явно из бедного. Одежка у тебя уж больно драная.

— Я из благороднейшего рода городских нищих, — снова отшутился Валари, зная, что постоянно переводя все в шутку, в игру, он быстрее сгладит назревающий конфликт и завоюет расположение соседей по повозке.

Продолжая свои нападки, задира рискует быть высмеянным перед своими же родовитыми соседями. Пижону в серьгах это не надо, да и Валари тоже. Сейчас они все тут в одной упряжке. Лишние ссоры ни к чему...

Здоровенный парень снова благодушно заржал. Подхватили его и двое других, что сидели до этого молча.

Прохохотавшись, они представились:

— Никадо.

— Дарэ.

— Роггу, — кивнул здоровяк, — а это Демин, — указал он на недовольного с серьгами. — Ты правда с улицы или пошутил?

— Правда. — Валари беззаботно пожал плечами.

— А это у тебя что такое в чехле? — полюбопытствовал Дарэ.

Он был самым низкорослым и изящным из всех. Его волосы, собранный в хвост, отливали теплой рыжиной.

— Мандолина. Сыграть вам, благородные господа?

— А ты можешь?

— Конечно! Иначе зачем мне таскать с собой инструмент?

Благовзвучные переливы струн понеслись над высушенными солнцем окраинами великой столицы. Чистый голос запел о героях и сражениях, о чести и предательстве, о смерти и любви так душевно и искренне, что даже унылые быки, тянущие кибитку, пошагали быстрее.

Недовольный Скайскиф хотел было дать по тенту повозки с размаху кулаком, но Клайф, любитель музыки, остановил его.

— Уж больно тошно он воет, — пожаловался высокий хенке. — Тебе разве уши не режет?

— Нормально он поет. Пусть поет, — щурясь на заходящее солнце, ответил Клайф.

К ночи они прибыли в небольшое поместье, укрытое жидкой тенью акаций.

Маленький дом с аскетичным убранством чуть не по окна затянуло пылью, летящей с большой дороги.

Внутри было тесно и не слишком уютно. Но то для привыкших к достатку хенке и знатных полукровок — Валари дом показался роскошным. Еще бы! Тут всюду были ковры, пусть и выцветшие, и запыленные, но ковры! И красивые гобелены на стенах. И посуда — не грубо обожженные глиняные миски, и не деревянные, кое-как вырезанные, а белые, с росписью и невиданным бедняками блеском.

Валари так и застыл в проходе, не веря, что ему разрешат находиться в таком красивом, просто роскошном жилище.

Демин грубо толкнул его под лопатки.

— Чего встал как столб? Проходи... Ну и дыра, — пробурчал себе под нос. — Какая-то яма помойная...

Все остальные юноши, судя по лицам, тоже были не слишком довольны пристанищем. Глядя на них, не стал восторгаться местом вслух и Валари.

Насладиться добрым ночлегом можно молча...

И все же сдерживать восторг было сложно. Из дальних комнат вышли слуги и принялись ухаживать за важными гостями. Они отвели полукровок в большую комнату, помогли переодеться с дороги в чистое, забрали старую одежду, чтобы постирать. Чуть позже приехавших ждал щедрый ужин, после которого всех потянуло в сон.

Клайф и Скайскиф разделили это желание, поэтому, загнав подопечных в выделенную тем комнату с кроватями и накрепко заперев, завалились спать первыми. Вскоре их бодрый храп сотряс стены дома. Бедолага соловей, что разливался в жидких акациях замысловатыми переливчатыми трелями, какое-то время пытался соперничать с хенке в громкости звуков, но быстро сдался и улетел.

Улегшись на кровать, Валари как мог боролся с приятной сытой сонливостью. Его избалованные соседи, побрезговав большей частью слишком простого для их сиятельных желудков ужина, сыпали в полумраке догадками о том, что ждет их всех впереди.

— Говорят, нас везут к Хати-Йоремуне, — вещал в полголоса Дарэ. — Вот только зачем?

— Дух хочет взять нас себе в ученики, — уверенно заявил Демин.

— А я слышал, что в охранники, — вмешался Никадо.

— Да ну, парни! Какие из нас охранники для самого-то великого духа? — усомнился Роггу.

Они продолжили дальше болтать, а Валари понял, что сил бодрствовать у него совсем

не осталось. Забравшись с головой под одеяло, он незаметно развернулся там так, чтобы ноги оказались под подушкой, и уснул в полглаза.

Ему так показалось, что в полглаза.

Иллюзия контроля над ситуацией рассеялась спустя миг. Сон победил — окунул с головою в самые глубины. И все же чуткий Валари, пусть и разомлевший в сытости и уюте, привычек своих уличных до конца не растерял. Пока парни болтали, он спокойно дрых, неосознанно ощущая сквозь дрему монотонное течение их тихой речи. Наконец они утомнились и тоже уснули, тогда настала тишина, почти полная, нарушаемая лишь привычными ночными звуками: отдаленными всхрапываниями ездовых животных да перестуком далеких и редких колес по дороге.

И в этой тишине звук человеческого шага на половине был для Валари подобен раскату грома.

Он тут же проснулся, услышав, как кто-то из соседей тихо поднялся с постели. Откинув край одеяла, Валари стал наблюдать, как черный силуэт крадучись проплыл в его сторону, размахнулся и ударил...

Ноги сковало болью — злоумышленник попал по ним. А целил-то в голову!

Валари рванулся с места и в прыжке повалил обидчика на пол. Оказавшись сверху, ударил в лицо, но не попал — враг оказался ловким, увернулся, впился пальцами в ворот. Валари не собирался сдаваться. Резким рывком сбросив чужой захват, он клацнул зубами как волк и ткнул кулаком противнику в лицо.

Раздался крик, зажегся свет, прибежали в комнату подопечных обозленные сонные хенке.

Потом Скайскиф долго орал на всех. Валари он выписал хорошего пинка, тогда как зачинщик драки, Демин, остался безнаказанным. Пообещав в следующий раз поколотить вообще всех, конвоиры ушли, оставив полукровок шепотом выяснять отношения.

— Видишь, что значит быть знатным? — приосанился изрядно потрепанный Демин. — Что бы ни случилось тут между нами, пинать эти олухи-хенке станут тебя.

— Думаешь, ты меня этим напугал? — огрызнулся Валари. — Меня и посильнее пинали. Я пинков не боюсь, и терять мне особо нечего, так что в следующий раз я тоже бить тебя сильнее буду.

Жесткий непоколебимый тон подействовал на Демина отрезвляюще. Он пробурчал себе под нос какие-то ругательства и отвернулся.

Хенке кого-то ждали.

Время тянулось, как кисель, как неспешные обозы по пыльной дороге...

Дни сменялись ночами, ночи днями. Прошло всего-то от силы полнедели, а Валари уже начало казаться, что он с остальными полукровками торчит тут целый год.

Нет, на жизнь он не жаловался — кормили сытно, и высыпаться пока давали. Даже постоянные склоки с Демином были пусть неприятной, но все же мелочью.

Они сцепились по серьезному еще два раза. В последнем бою Демин чуть не лишился передних зубов, а Валари получил кулаком в глаз и теперь ходил с перекошенным лицом, пугая слуг и получая насмешки от хенке.

Исподтишка на него больше не нападали. Демин все верно уяснил — подкрасться к чуткому беспризорнику бесшумно и безнаказанно не удастся.

Все это было обычной ежедневной рутинной.

Единственное, что действительно беспокоило и раздражало — неизвестность.

К концу недели заскучавшие хенке придумали себе развлечение. С самого утра они выгоняли подопечных на задний дворик и устраивали с ними тренировочные бои.

Матерые воины подростков не щадили — от души дубасили палками, заменяющими настоящее оружие, заламывали в самых жестких захватах, швыряли о твердую землю, не заботясь о том, хорошо ли упал ученик, не ударился ли.

На возмущения Демина и Никадо ответ у Клайфа всегда был один:

— Хотите, чтобы великий господин не счел вас бесполезным мусором — тренируйтесь.

— Вы, слабаки, только и умеете, что пищать да жаловаться, — презрительно рычал Скайскиф. — Половину из вас вышвырнут на улицу, как вон этого когда-то...

И он кивал в сторону Валари с омерзением во взгляде, будто тот был прокаженным.

Валари на подколки внимания не обращал. Ночью он пытался выспаться, утром — как следует потренироваться, днем — наладить отношения с товарищами, а вечером — разобрать по полочкам все, что накопилась за день, и сделать выводы.

За неделю он добился того, что задумал. Знатные сверстники приняли его, как равного и как достойного. Даже Демин окончательно присмирел и на рожон больше не лез.

А главное, Валари перестал обращаться к товарищами, используя слово «господин». Он сделал это умышленно, с большой осторожностью. Сперва по отношению к самому расположенному из соседей — Роггу. Последним — к Демину. И даже тот стерпел, либо не заметил.

У Демина хватало других поводов для злости.

Задиристый и злобный Скайскиф, устав травить Валари за его нищету, — это не приносило никаких особых результатов, — переключился на вспыльчивого и обидчивого Демина. Теперь бедолаге доставалось за всех. Он получал за излишнюю гордость, и за привередливость, и за желание поспать подольше остальных.

Однажды вечером, когда все уже легли, Валари пошел по нужде во двор и услышал, как кто-то всхлипывает, прячась за старым колодцем у стены. Он заглянул в убежище и обнаружил там плачущего в одиночестве Демина.

Понимая, какой козырь получил в руки, Валари осознал, что пути у него теперь два: либо разыграть удачную карту и добить затравленного недруга, либо...

В общине, где он вырос, умели ценить и беречь людей. Когда весь мир и так против тебя, ни один новый товарищ не будет лишним. Пусть и не будет в полной мере надежным. Пусть и товарищем по существу не станет. И все же, если враг общий, лучше объединиться.

Сейчас у них с Демином враг один — неизвестность с лицом великого хати и кулаками его злобных хенке.

Поэтому Валари спросил:

— Что случилось?

На что получил сердитое:

— Отвали от меня, бастард.

Это было вполне ожидаемо. И до смешного необидно.

— В этом плане мы с тобой схожи. Оба полукровки, — усмехнулся Валари. — Если ты считаешь слово «бастард» оскорблением, то знай — ты обидел сейчас сам себя. Не меня. Меня такое прозвище не задевает.

— Так чего ты приперся? Зачем лезешь ко мне? Хочешь рассказать о том, что увидел сейчас, парням? — недовольно перебил его Демин. — Поглумиться пришел?

Позлорадствовать? Так давай! Мне уже все равно...

— Нет. — Валари холодно улыбнулся. — Меня глумление над другими не слишком забавляет. Просто хотел сказать тебе — не обращай внимания на подколки хенке.

Демин шмыгнул носом.

— Легко тебе говорить! Тебя они больше не позорят перед остальными. Не высмеивают. Не задевают. Не травят за каждый чих...

— Потому что я плюю на их собачий лай. И если ты думаешь, что их обидные слова про тебя что-то значат для меня, ты ошибаешься. Я не сужу о людях по оценкам хенке. Остальные парни, думаю, тоже.

— За всех говоришь?

— Да. Потому что если кто-то из других полукровок решит посмеяться над тобой впредь, я встану на твою сторону и прекращу это.

Демин в недоумении заглянул в непроницаемое лицо Валари.

— С чего тебе заступаться за меня? Я же тебе враг?

— Ты мне не враг, а товарищ, пусть и не слишком хороший. Вы все мне товарищи, хотите вы того или нет. И я буду поддерживать справедливость. Только будучи справедливыми друг у другу мы сможем ужиться рядом и противостоять нападкам этих хенке. Если здесь кто и враг мне — так это они. И я буду защищать каждого из вас, моих товарищей, от них... И от Хати-Йоремуне, если потребуется. Я не позволю никому смеяться над вами... Над нами всеми. Но если ты еще хоть раз попытаешься напасть на меня во сне или задумаешь ударить в спину — я убью тебя.

Он этих слов Демин содрогнулся. Глаза странного полукровки, глядящие на него в упор, были холодны и безжалостны, как у дикого хищника. Два куска льда, хранящие первозданную тьму.

— Х-хорошо, — Демин заикаясь кивнул и быстро утер слезы. — Х-хорошо, Валари, я рад, что ты не держишь на меня зла за то недоразумение. И вот...

Не зная, как закончить неудобный разговор, он просто протянул собрату по несчастью руку.

Глава 6. Баня

Баня стояла чуть поодаль, у сиреневых кустов. Из-за пожаров теперь многие в Нерке так строили — подалее от жилых помещений и скотных дворов.

Возле пруда.

Это госпожа Виргин попросила сопроводить Табиту на помывку.

— Конечно, — согласилась Лили и протянула тихой девочке руку. — Пойдем. — Она не отпускала ладонь важной гостьи, пока вела ту по тропинке. — Сейчас погреемся. Чую, банька будет теплая. Отец сегодня дров не пожалел.

— А обычно жалеет? — подала голос Табита.

— Да, — смутилась Лили, почему-то испытывая чувство вины из-за обычной жадности отца. — Он не любит лишний раз растрачиваться. Говорит, что это называется домовитость и хозяйственность.

— А у нас такое обычно скупостью называют.

— Ну у вас там порядки другие. А еще вы богатые, можете себе позволить, а мы бедные.

Лили стало обидно за свое положение. Она хоть и не одобряла отца, но понять могла. Да и вообще. Легко этой знатной девочке рассуждать. Она небось в нужде не жила. Правильно мама говорит — сытым голодных не понять...

— Извини, — сказала вдруг Табита. — Не хотела тебя обидеть.

— Да ладно... — Лили удивилась. — Знаешь, ты такая странная. В хорошем смысле. Ты просишь прощения у меня, обычной деревенской девчонки, хотя сама являешься знатной госпожой. Твоя мама тоже необычная... И добрая.

— Она мне не мама.

— Не мама? А кто?

— Мачеха. Вторая жена моего отца, правителя Города-Солнце, владыки благословенной земли Куттана, — призналась Табита.

— Эта добрая женщина — твоя мачеха? — Лицо Лили вытянулось от изумления. — Даже не верится. Мне казалось, что мачехи злые. Прямо злющие! Так в сказках рассказывают.

Табита пожала плечами.

— А в жизни по-другому.

— А отец твой правда правитель?

— Да.

— Ого! Так ты настоящая принцесса?

Принцесса Табита.

Лили своему счастью поверить не могла. Она, простая селянка, общается с настоящей принцессой. И не как прислужка, не «принеси-подай», а почти по-дружески. Понятное дело, что настоящей дружбы меж ними завестись не может, но так ведь похоже...

Пока что...

Они подошли к бане.

Из каменной трубы валил ароматный дым.

В предбаннике на лавочках разделись. Лили, скомкав, отшвырнула в сторону платье. Потом, вспомнив о знатной гостье, помогла той раздеться.

Платье у принцессы было красивое, но какое-то неудобное. Узкий корсаж, на спине

шнуровка, подол невероятно широкий и длинный — запутаться можно. Такое, и верно, самой в одиночку не снять и не надеть.

В помывочной раскаленные камни исходили щипучим жаром. Лили хотела плеснуть на них из берестяного ковша, но Табита чуть ли не взмолилась:

— О нет! Пожалуйста, не надо. И так жарко.

— Какая ты неженка, — беззлобно пожурила ее Лили, наслаждаясь иллюзией собственной власти. — И тело у тебя такое беленькое. Ты вообще на солнце не выходишь?

— Нет. Лекари не разрешают. Говорят, здоровье слабое.

Она сжалась в комок на деревянном полке, такая болезненная и беспомощная. Лили стало искренне жаль эту хрупкую долговязую девочку со странными лучистыми глазами, и она поинтересовалась участливо:

— А почему ты болеешь?

— Все из-за крови. Моя мама была рождена от союза человеческой женщины и духа хати. Обычно такие дети сразу гибнут, но мама выжила. Она умерла, когда рожала меня. И я тоже родилась нездоровая. Неправильная. Слуги в доме говорят, что отец был тогда очень зол на меня — мало того, что я «убила» его красавицу-жену, так еще и родилась не сыном-наследником, а девочкой. Когда отец взял новую жену, госпожу Виргин, он хотел избавиться от меня, сослать в монастырь Солнца, но моя добрая мачеха заступилась. Она пообещала, что родит отцу наследника, лишь бы он только не трогал меня и двух ее дочерей от первого мужа...

— Ого! — Лили даже подпрыгнула от интереса. — Значит, у госпожи Виргин был еще один муж?

— Да. Она вдова, — кивнула Табита. — А еще она очень родовитая и богатая. Ее род ведет начало от самого Солнца, даже род отца не так велик, хоть он и владыка. Думаю, отец только поэтому на ней и женился. Из-за денег и достойного положения. Знаешь, Лили, мне кажется, он не любит госпожу Виргин. Просто ненавидит.

— Как можно не любить такую прекрасную и добрую женщину? Ума не приложу... Погоди, схожу в предбанник за квасом.

Лили ловко спрыгнула с полка, прошлепала босыми ногами по мокрым жарким доскам, скрипнула дверью. Вскоре вернулась с большим кувшином и двумя глиняными чашками, встревоженная.

— Мне сейчас показалось, будто за дверью бани кто-то был.

— Должно быть, кто-то из нашей охраны следит за мной, — призналась Табита.

— Тогда ясно, — успокоилась Лили, протягивая новой подруге чашку получше.

Ту, под потрескавшейся глазурью которой проступал силуэт грифона.

Зажурчал, наливаясь, квас. Растекся в парком помещении вкусным хлебным запахом. Лили снова запрыгнула на полку, подтянула под себя ноги. Жмурясь от удовольствия, продолжила разговор.

— Я вот спросить хочу, а зачем таким знатым господам как ты и мачеха твоя в наше-то захолустье?

— Из-за моего недуга, — пояснила Табита. — Недалеко от Нерки есть целебные источники. И воздух тут, говорят, хороший. У меня скоро свадьба, и мачеха боится, что я с моим здоровьем... В общем...

— Свадьба? Бр-р-р, — Лили поежилась. — И ты не боишься?

— А чего бояться?

— Да всего!

— Не особенно, — пожалала плечами Табита. — Лекарь сказал, что если немного окрепну, то при родах не умру. Если ты об этом?

— И об этом тоже... А ты отчаянная девчонка, — протянула Лили, с сомнением глядя на собеседницу. — Я вот от своего жениха еще на год сбежала. Он старый и противный. Злой. И взгляд у него такой неприятный — смотрит на меня, как на кусок мяса. Я его очень боюсь. Боюсь и ненавижу... А тебя что, выходит, твой жених все-таки догнал на охоте?

— У нас не бывает охот. Отец считает этот обычай варварским развлечением для простолюдинов. Поэтому меня просто помолвили с принцем из соседних земель. И все.

— У-у-у, — провыла Лили. — Так у вас все еще хуже, чем у нас, обстоит. Я хоть убежать смогла, а тебе даже шанса такого не дали. Жуть.

Табита мягко улыбнулась.

— Мой жених не такой вроде и страшный. И не старый. Он моего возраста. Мы общались несколько раз. Гуляли по саду, разговаривали. Он хороший, вроде бы. Не думаю, что такой человек когда-нибудь обидит меня.

— Ну ладно, — недоверчиво фыркнула Лили. — Надеюсь, так оно действительно и есть.

— Одно меня смущает, — призналась вдруг Табита. — Если я рожу ребенка, у меня, возможно, совсем не останется времени для моего любимого занятия — чтения.

— Чтения? — Лили задумчиво почесала нос. — Тебе это правда нравится?

За свою недолгую жизнь сама Лили прочитала пяток книг. Матушка чуть не силой заставила ее выучить буквы и грамоту, аргументируя это тем, что грамотной невесте можно будет найти жениха получше.

«Будешь подсчитывать и записывать доходы и расходы мужа — очень полезное знание», — говорила она всегда.

Наверное поэтому у Лили и возникло стойкое отвращение к книгам.

Да и сами книги, что имелись дома, были до жути скучные и неинтересные. Среди них имелись переписная книга и пара унылых житий каких-то святых. Лишь букварь и азбука казались занимательными.

Особенно старинная, затертая до дыр азбука с витиеватыми буквицами и рисунками-дроллери. По полям и меж строк скакали волшебные зайцы, и вились крошечные драконы, смешные рыцари сражались с улитками, а тонконогие единороги увозили на спинах прекрасных дам.

Табита была о книгах другого мнения. И имелось их у нее, по ее же словам, невероятно много.

— Я обожаю читать, — вдохновенно призналась принцесса, когда обе девушки вышли продышаться в предбанник и сели там, укрывшись льняными полотенцами. — Обычно читаю триста книг в год.

— Триста? — у Лили от удивления глаза на лоб полезли. — Ничего себе. Наверное, ты очень умная.

— Мне так не кажется. Чем больше я узнаю, тем скорее понимаю, что все мои знания — лишь ничтожная крупица в огромном океане мудрости.

Лили успокоила ее:

— У меня и той крупички нету. Тс-с-с! — Прижав палец к губам, она скользнула в помывочную, ковырнула в печи совком. Вернувшись с горстью тлеющих углей, пояснила: —

Кто-то опять под окном шуршал. Вот я ему сейчас покажу, как подглядывать.

С этими словами она приоткрыло маленько окошко и швырнула угли наружу. Послышалась возня и злое шипение. Тихие шаги быстро утонули в цикадном звоне.

— Это не из наших, не из деревенских, — хмуро произнесла Лили. — Наши подглядунуны обычно орут, а этот терпел.

— Значит, все же охранник.

Лили переглянулась с принцессой.

— Тогда извинись перед ним за меня. И скажи, что все равно он был не прав. Под окном бани не лучшее место для дозора.

Она хотела добавить что-то еще, когда в дверь оглушительно постучали.

— Госпожа! Госпожа принцесса! Я могу заглянуть? Вы одеты? Это важно!

Лили и Табита снова переглянулись. Замотались в свои полотенца до ушей.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в помещение заглянул встревоженный мужчина. Лили видела его среди воинов, прибывших вместе со знатными гостями.

— Что случилось, сэра Бонем? — с тревогой поинтересовалась Табита.

— Я был приставлен, чтобы охранять вас, госпожа. Стоял на посту вон под тем деревом, что у пруда, напротив этого входа. Все было тихо, а потом из окна вылетели искры и кто-то убежал в кусты. Тут был кто-то чужой. Я его не заметил, простите госпожа! Вам ничего не сделали?

— Нет, все в порядке, — мило улыбнулась Табита.

— Ты опоздал, служивый, — раздулась от собственной удали Лили. — Я сама разобралась с негодяем — поджарила ему зад отборными углями.

— Это хорошо, — оценил поступок девушки верный страж. — Утром мы опознаем негодника по ожогам.

Лили нахмурилась.

— Этот точно не Нерковский был. Наши-то обычно орут, как свиньи резаные, если их кипятком из окна окатить или углями осыпать. Да и, сказать по правде, научены они уже горьким опытом. Только сильно выпивши и раздурившись рискнут к женщинам в бане подойти. Точно не наш.

Охранник тоже нахмурился и побледнел.

— Чужие, значит?

— Скорее всего.

— И часто к вам чужаки заходят?

— Нечасто. С вами, видать, пришли...

Глава 7. Горы

Госпожа Иханна восседала на белоснежном жеребце. Йон ехал на гнедой тонконогой кобыле. Гривы лошадей, заплетенные в сложные косы, спускались почти до земли.

А вокруг простирались горы, высокие, острые, вечные. Сверкали на вершинах далекие ледники. Ручьи наполняли воздух мелодичными переливами. Играли в кустарниках цветные птицы, и ловкие ящерицы, будто сплетенные из цветастого бисера, прыскали в камни из-под копыт.

Эта земля, прекрасная и дикая, лишь формально принадлежала Куттану. Вотчина хати — раньше их тут проживало довольно много — теперь стала заповедной территорией для простых смертных.

Иханна обвела взглядом крутые отроги.

На некоторых из них до сих пор проступали силуэты ажурных замков с тонкими шпилями — заброшенные жилища духов. Раньше тут проживало много хати. Теперь она одна осталась — владычица рек и ручьев, звонких и ледяных, смеющихся днем в свете солнца, а ночью в мерцании звезд...

— Мама, скажи, а великие хати умирают? — оторвал ее от мыслей чистый голос сына.

— Нет. Они живут вечно или... — Иханна задумчиво оглядела растущий над лесом бирюзово-лиловый дворец, весь увитый кудрями плюща, — превращаются в хиси — диких чудовищ, потерявших разум, озлобившихся, ставших врагами всякому живому существу.

— Но не умирают?

— Хиси уже смертны, а хати еще нет. Говорят, при особых обстоятельствах мы можем терять свои тела и становиться бесплотными, но я с таким не встречалась, милый мой.

Йон продолжил расспрашивать:

— Выходит, если хати бессмертные, то они всегда будут и были всегда? — Глаза его восторженно вспыхнули. — Мама, ты помнишь, как впервые оказалась в этом мире? Как попала сюда? Откуда? Говорят, великие духи появились в других мирах, а на наши земли пришли гораздо позже?

— Так и есть, сын. Все хати, великие путешественники, долго плыли в небытии на своих небесных кораблях, а потом нашли это место — огромный голубой шар, парящий среди вечной ночи в звездных россыпях, — улыбнулась Иханна.

— О! Ты об это никогда не рассказывала. Поведай мне о звездах, прошу! И о небесных кораблях...

— Ты и не спрашивал. — Иханна звеняще рассмеялась. — Можешь не утруждаться расспросами, о своем небесном путешествии я уже ничего не помню. Память хати не безупречна. Далекие события стираются. Самое отдаленное, что я могу припомнить, это как мы возводили Купол над Плоскими землями, как прятали под ним от чудовищ открытого мира первых людей.

— А что люди? — уточнил Йон. — Они сами хотели, чтобы вы их под Куполом спрятали?

— Нет, — с грустью ответила мать, — их мнения, к сожалению, никто не спросил.

— Это неправильно.

— Согласна. Это было неосмотрительно с нашей стороны. Многие хати уже поплатились за свое высокомерие. Видишь это? — Иханна отпустила повод и взмахнула

руками. — Все замки кругом пусты.

Йон остановил свою лошадь, поставив ладонь козырьком, взгляделся в светлую громаду ближайшей башни.

— Тот, кто жил здесь, теперь хиси?

— Да. Тесная связь с людьми изменила нас. Мы возжелали иной жизни, чем положено великим духам. Мы поддались искушениям и страстям. И смерть познать некоторые из нас тоже захотели. — Иханна потупила сияющий взор. — Смерть... То, чего хати желать неприемлемо. То, что мы не можем позволить себе...

— Почему? — прозвучал тихий вопрос.

— Потому что люди оставляют после себя новых людей, несущих телесную память о предшественниках своего вида. Мы же созданы в единственном экземпляре.

Она поняла, что сболтнула лишнего. Последнее «мы» воздвигло непреодолимую преграду между нею и сыном. И он это, кажется, понял.

Они разные.

Он смертен, она всемогуща.

Он не хати, несмотря на то, что она любит его так называть.

И, все равно, он не хати...

Просто человек. Даже хуже! Полукровка — чужой на любой стороне.

— Мама, покажи волшебство. — Йон будто ничего и не понял.

Сделал вид... Он улыбался во весь рот, указывая на ртутную ниточку петляющего среди камней ручья.

— Это не волшебство. Это ответственность.

— Ну покажи ответственность. Пожалуйста, мама!

Иханна наклонилась из седла, сделала неуловимый пасс рукой, и ручей на глазах переменил свой путь, свившись новыми петлями.

— Вот так. Но играть с силой не стоит, Йон.

— А я так смогу? — не унимался подросток. — Научи меня?

Мать подъехала к сыну вплотную, взяла его руку в свою, попросила раскрыть ладонь во всю ширь.

— Делай вот так и направляй силу. Видишь?

Вода в ручье плеснула в стороны сильной волной, но больше ничего не произошло.

— Не выходит, — расстроился Йон.

— Тренируйся, и все получится...

Иханна хотела сказать что-то еще, но вдруг напряглась и направила взгляд в сторону нагромождения острых скал, заросших зеленым мхом.

— Госпожа! — окликнул ее начальник охраны, старый Грэм. — Там что-то есть. Будьте осторожны!

Он и его люди сопровождали Иханну с Йоном в долгом пути.

— Я знаю. — Хати склонила голову, в ее блестящих глазах мелькнула тоска. — Там хиси... Отойдите все, я попробую поговорить с ним.

Грэм послушно кивнул, подхватил коня Йона за повод и оттянул в сторону. Остальная стража взялась за луки — встала поодаль, готовая вступить за свою госпожу.

Хиси вышел из-за камней — громадный лось, весь полуистлевший, прогнивший до дыр. Сквозь дыры просвечивали наружу желтые ребра и потроха. Из пустых глазниц тянулись склизкие ленты черного гноя.

Заметив владычицу горных ручьев, он предупреждающе склонил тяжелую голову, выставил вперед внушительные рога.

Иханна показала ему раскрытую ладонь в знак мира.

— Пропусти нас. Мы не подойдем к твоему замку.

Хиси зашипел, забормотал нечто невнятное глухим голосом, распадающимся на несколько тонов.

— У-хо-ди-те про-о-о-очь...

— Мы уйдем, не переживай. — Иханна отступила на шаг. — Мы уйдем... Оставайся тут, с миром...

— С ми-и-и-р-о-о-м? — Смолистый гной хлынул потоком из залепленных глаз хиси. Под ним в глубине гниющего черепа отыскиались алые угли глаз. — Не будет больше ми-и-ира-а-а! Никогда-а-а-а...

Чудовище медленно двинулось на Иханну, но она не стала отступать — вскинула руку вверх, потом уронила вниз и стремительным пассом обозначила над землей росчерк новой стремнины. Хлынула из-под камней вода, прорезала твердь между хати и хиси зеркальной молнией.

— Мы уходим. Успокойся.

Только теперь, когда монстр испуганно попятился от колдовской воды, она позволила себе развернуться к нему спиной.

Спутники ждали в недоумении и страхе. Йон чуть заметно дрожал от волнения и восторга. Прежде он не видел мать такой. Прежде она всегда была мягкой и обманчиво беззащитной. Сговорчивой...

— Мама, ты победила его!

— Не победила. — Иханна горестно потупила взор. — Лишь попросила оставить нас. Знаешь, Йон, я так рада, что тебя не постигнет их судьба.

— А тебя, мама?

— Меня? — Она не допускала подобной мысли по отношению к себе самой, а теперь слова сына прозвучали подобно небесному грому.

И Иханна промолчала.

— А нравы в Куттане не то, что у нас в горах, на свободной земле... Прескверные. — Они ехали дальше, в основном молчали. Иханна молчала — за нее теперь рассказывал Грэм. Он говорил про Город-Солнце и про владыку Тарха, тринадцатого сына прежнего владыки, про верования и обычаи страны, в которую предстояло им сойти с благословенных поднебесий хати. — И вспыльчивы они, и самолюбивы, и за золото друг друга псами погрызут, а уж женщин своих в такой строгости держат, что стыдно сказать. Еще и многоженствуют вместо того, чтобы верно с любимой-единственной жить — все у них не по-людски. Даже духам куттанцы не поклоняются, с Эвгаем — так и сяк, по большей части же верят они в нового бога — Дам-Ахума. Говорят, этот самый Дам-Ахум — есть свет солнца, вот Город-Солнце в его честь и построили. Ох, и богатый! Дома там такие... — Грэм заговорщицки наклонился из седла к собеседнику. — Что и вы с госпожой Иханной удивились бы, даже после вашего поднебесного замка. Тарх роскошь любит. У него и зверинец есть со всякими диковинными тварями, и сад, расстеленный ступенями по склонам высокого холма, на котором стоит главный дворец. А еще...

Йон слушал, кивал, а сам все поглядывал на мать. Она ехала в задумчивости,

всматривалась в островерхие гнезда заброшенных замков, коих по мере спуска в долину становилось все меньше...

...и меньше.

— А что на севере? За Куттаном? — спросил он наконец.

— Язычники там живут, — ответил старик с плохо скрытой теплотой. — Смелые воины, дерзкие пираты, отважные путешественники, что бороздят моря на своих кораблях.

— И ты оттуда? — догадался Йон, глядя на седые косы старика, бывшие когда-то темными.

— Оттуда, да...

Скалы сошлись стеной, стиснув тропу. В их высоком нагромождении прорезалась арка, украшенная полустертой резьбой. В узорах прятались сцены охот, празднеств, войн и какие-то древние письмена. Вился по камням резной плющ. В полукруглом проеме играли блики солнца, небо впереди сочно голубело. За спиной же высились белые вершины, с зацепившимися за них космами облаков.

За аркой земли хати кончались, и начинался Куттан.

Глава 8. Слепая ярость

Нового полукровка привезли в середине второй недели.

Выглядел он не слишком впечатляюще — низкорослый (правда, довольно коренастый и крепкий в отличие от хрупкого Дарэ), а еще слепой.

Хенке привели его рано утром, когда воспитанники только-только проснулись и оделись к тренировке. Они стояли, ничего не понимающие, сонные, и беззлобно таращились на странного незнакомца.

— Познакомьтесь, это Хэйя — ваш новый соратник, — представил гостя Клайф, а Скайскиф при этом как-то особо мерзко заулыбался.

Валари сразу отметил эту улыбочку, но прикинуть, что к чему, не успел...

...все последующее произошло слишком быстро.

Подтолкнув слепого в спину, хенке стремительно переместились за дверь и накрепко претворили ее. Странное поведение! Вот только удивило оно на первых порах лишь Валари.

Заинтересованный Никадо первым шагнул к новичку, желая представиться, но тот вдруг сделал резкий выпад — едва уловимое, стремительное движение, — и Никадо мешком рухнул на пол.

— Он его вырубил? — непонимающе завертел головой Роггу. — Что произошло вообще?

— Эй! Ты чего творишь? — настала очередь вспыльчивого Демина знакомиться.

Парень даже успел подскочить к слепцу вплотную и толкнуть его что есть силы в грудь. Расплата за дерзость оказалась незамедлительной и жесткой. Новый скоростной удар сокрушил лицо Демина. Тот устоял, рискуя получить еще раз — и получил. После чего упал с грохотом на ковер. Чудом успел отползти в угол и теперь тихо скулил там, баюкая свернутую набок челюсть.

Никадо так и валялся без сознания рядом.

— Вот урод! Сейчас я ему! — выкрикнул ошалевший от происходящего Дарэ и двинулся на драчуна, но миролюбивый Роггу его оттеснил, приговаривая:

— Не стоит тебе лезть, братец. Дай-ка я. Уж я этого коротышку...

Валари успел только предупредить:

— Не надо, Роггу...

И прыгнул, выдергивая товарища из-под нового невероятного удара. Проклятый слепец подхватил табуретку, намерившись раскрошить ее об голову добродушного здоровяка. И он все-таки попал своей не в меру медлительной жертве по предплечью.

Нужно было срочно что-то делать!

Оттолкнув заохавшего Роггу к кровати, Валари кинулся к выходу, выкликивая Скайскифа и Клайфа. Оба хенке находились рядом — они, оказывается, стояли прямо за дверью и на помощь воспитанникам спешить не собирались.

— Остановите его! Он тут всех покалечит! — попытался воззвать к их милосердию парень, но результат оказался плачевным.

— Иди-иди, доходяга, — брезгливо помахал на него Скайскиф. — Я на слепого три монеты поставил. На то, что он вас тут всех уложит.

— А я поставил на вас, слабаков, — хмуро буркнул Клайф. — Вижу, зря.

Хенке довольно расхохотались, пихнули ученика обратно в комнату и подперли

снаружи дверь. Валари стиснул зубы, сжал кулаки.

Этот бесноватый слепец пришел сюда не друзей новых завести, а калечить и возможно даже убивать. И терять ему нечего. Злоба, что гложет его — обида на весь мир. За то, что природа обделила его зрением? За то, что он родился не таким, как все? Нет... Пожалуй, не родился.

Валари прищурился, разглядывая, как бешено дергаются под бледными бельмами полыньи зрачков. Агрессивный безумец успел повидать свет, и боль потери теперь терзает его, как мучает старого волка обломок давно загнанной под шкуру стрелы...

Слепая ярость.

Ну, ничего... Ничего!

Дав оставшимся в сознании окружающим знак молчать, парень бесшумно двинулся к слепому.

Биография городского нищего никогда не будет кристально чистой. В особо голодные времена бывало всякое. Валари приходилось воровать, прокрадываясь в чужие дома. Он умел передвигаться тихо. Пришлось вспомнить полезный навык.

Шагая мягко, как кот, юноша стал обходить слепца по кругу. Тот дышал, словно бык, широко раздувая ноздри и громко сглатывая слюну.

Видно, подустал.

Предыдущие противники пусть не сильно, но все же его вымотали.

— Чего притихли, псы? — зазвучал в тишине грубый голос. — Разбежались? По щелям расползлись? Трусы поганые! — Почувствовав ветер чужого движения, Хэйя сообразил, что кто-то из ненавистных врагов находится совсем рядом. Это взбесило его сильнее. — Вот оно что! Твари подлые! Кто тут у вас такой тихоня? Иди сюда...

Пока он шумел и ругался, Валари, воспользовавшись ситуацией, быстро зашел слепому за спину. Он понимал, что шанс на победу есть только один, и проворонить такой шанс нельзя ни в коем случае. Поэтому как зверь молча кинулся на спину буйному новичку. Подсунув одну руку Хэйе под горло, второй схватил сам себя за запястье, замкнув кольцо, и принялся душить противника.

Слепец понял, что с ним хотят сделать — прижимая изо всех сил подбородком предплечье напавшего, заскреб по грязному полу ногтями.

На свою беду Валари неверно истолковал этот жест, решив, будто Хэйя скребет по доскам от злости. Нет! Противник задумал совсем иное! В один миг его пальцы согнулись, подобно когтям, и острые, забитые грязью ногти прошли по руке Валари, оставляя глубокие рваные борозды. К ногтям тут же присоединились зубы — Хэйя ослабил хват врага и без промедлений впился ему чуть ниже локтя.

Рванул и зарычал болезненно...

В бой вмешался Дарэ — стукнул со всей силы слепцу кулаком по переносице. Брызнула кровь, два сцепленных тела раскатились в стороны. Валари успел вскочить первым и, не давая противнику шанса встать, ударил его ногой под живот. Хотел пнуть снова, но в драку вмешались хенке.

Скайскиф грубо отшвырнул Валари в сторону. Клайф поднял с пола за шкурку Хэйю. Спросил примиряющее:

— Цел?

В ответ донеслось рычание вперемешку с руганью.

— ...я вас всех перелломаю... ночью... когда уснете...

Низкорослый Дарэ подскочил вплотную к Скайскифу и, закинув голову, принялся возмущаться:

— Он безумный! Посмотрите, что с ребятами сотворил? Нельзя его с людьми держать! Этого зверя!

— Кто там скулит? — шипел в ответ Хэйя. — Тебе, чую, меньше всех от меня досталось? Ну, так я это сейчас исправлю!

Слепой рванулся, но Клайф удержал его. Встряхнул.

— Все! Угомонись! А то в сарае запрю с быками и лошадьми.

Как ни странно, предупреждение хенке возымело действие, и драчун притих.

Его увели на время в другую комнату. Скайскиф вернулся с лекарствами, стал врачевать раны. Вставил на место челюсть Демина, дал ему съесть что-то, унимающее боль. Сделал примочки Никадо — у того лицо превратилось в один сплошной синяк. Только Валари заботы хенке обошли стороной. Скайскиф брезгливо оглядел его раны и, покривившись, отвернулся.

— Заживет, как на собаке.

На следующий день раны Валари воспалились и загнили. Он никому об этом не говорил — прятал свою боль под спущенными рукавами.

Во время тренировки он еле стоял, на ужин не вышел, к вечеру слег с лихорадкой, а ночью к нему явился Клайф с лекарствами, наградил отборной бранью и, велев съесть несколько круглых шариков, обработал раны, после чего оставил в покое.

— Ты как? — поинтересовались у больного соседи, когда хенке ушел.

— Нормально.

— Что будем делать дальше? — спросил Дарэ. — Сумасшедший слепец не даст нам мирной жизни.

— Да, действительно! — подхватил Никадо.

— Скажи, как нам быть? — пробасил Роггу.

Валари поднял на товарищей усталый взгляд.

— Почему вы спрашиваете у меня, будто я знаю ответ?

— Потому что ты — наш вожак, наш командир теперь, — спокойно и без сомнений сообщил Демин, который подошел последним и посмотрел на бывшего врага в упор.

Неожиданное признание окрылило Валари и придало ему сил.

Вожак... Командир...

Как командир он не может и дальше разлеживаться. Вожак стаи не должен показывать слабость... Вожак стаи должен быть непобедимым. Он должен что-то придумать, что-то предпринять и обезопасить свой отряд. Вот только Хэйю, как Демина, расправой не запугаешь. Да и диалог, как с тем же Демином, с ним не построишь.

Видимо, придется снова драться.

И обязательно победить.

Три последующих дня Хэйя держался от всех обособленно и делал вид, будто в доме вовсе и нет других полукровок. Он их не видел в упор во всех смыслах этих слов.

Юноши опасливо сторонились новичка, один лишь Валари не спускал с него глаз и все думал, как все-таки найти со злобным соседом общий язык. Кулаками дело не решишь — глядя, как неукротим и свиреп слепой, Валари отмел идею о том, чтобы сломить его превосходством силы. Да и где это превосходство взять? Если даже могучие хенке

справляются с Хэйей еле-еле.

Прошлым вечером Скайскиф отвесил слепцу подзатыльник, за то, что тот наступил ему на ногу — Валари был уверен, Хэйя сделал это специально, чтобы спровоцировать. Хенке тут же получил в ответ наглый тычок под ребра.

Броня полностью погасила удар, но сам факт агрессии от какого-то слепого полукровки, от воспитанника — подчиненного! — взбесил хенке. Скайскиф снова замахнулся, чтобы ударить сильнее, но Хэйя ловко увернулся от занесенной руки, после чего дерзко бросился на обидчика и пнул его под колено, потом в пах, потом вцепился скрюченными пальцами великану в горло — еле отодрали.

Неожиданная наглость так поразила хенке, что тот на некоторое время впал в ступор и даже наказывать Хэйю не стал. Правда, чуть позже Скайскиф вернулся с Клайфом, и они вдвоем увели наглеца, чтобы запереть его в отдельной комнате.

Валари сделал неутешительный вывод — теперь и хенке злобного слепого побаиваются. И слепой это понимает, поэтому всячески пугает их — о, это у него получается отменно!

Жуткий тип. И непонятный. С момента его появления им так ни разу и не удалось поговорить.

Что известно про этого Хэйю, кроме того, что он озлоблен и слеп? Узнать бы хоть что-то о нем поконкретнее. Хоть пару строк из биографии. Тогда, возможно, найдутся причины его вечной ярости, и получится, если не сладить, то хотя бы понять...

А еще, Хэйя темноволос. Что странно. Обычно полукровки светлые. А с этим что не так?

К вечеру следующего дня приехали четверо незнакомых хенке.

С собой они привели две большие кибитки в которых насчиталось еще десять полукровок-новичков. Все они были как на подбор — высокими, светловолосыми, стройными. Незнакомые хенке, в отличие от Скайскифа с Клайфом, постарались на славу и собрали знатный во всех смыслах «урожай».

В доме сразу стало тесно и шумно.

Слуги заметались, спешно открывая необжитые комнаты, готовя помывку, одежду и постели. Про Хэйю все временно забыли — и зря! Уже через пару минут он затеял драку с кем-то из новеньких.

Вновь прибывшие хенке терпеть беспредел не стали — поколотили зачинщика и выговорили за поведение подчиненного Скайскифу. Тот, раздраженный суматохой, не стал церемониться со вздорным слепцом и приковал того бычьей цепью на заднем дворе.

Вскоре про Хэйю забыли, а Валари, воспользовавшись случаем, скользнул в ночи на задний двор, предварительно захватив на кухне кое-что из еды и флягу хмельного меда.

— Эй, — позвал во тьму. — Ты тут как?

— Чего приперся? Я тебя звал что ли? — раздался из-за колодца сердитый ответ. — Проваливай, пока не получил.

— Жрать хочешь? — скопировав тон слепца, бросил ему Валари.

— Чего?

— Ничего. — Миска проехала по земле, ударилась о вытянутые в пыли ноги. — И это лови!

Плотно закрытая фляга, кувыркаясь в воздухе, полетела и оказалась пойманной быстрее,

чем Валари успел глазом моргнуть. Раздался звук откупоренной пробки — Хэйя понюхал содержимое, громко глотнул, после чего высунулся из-за колодца. Сквозь извечное недовольство на лице его проступало любопытство.

Легко поднявшись, слепой встал и сделал пару шагов в сторону Валари. Тот не двинулся с места, понимая, что настроение прикованного к бычьему кольцу парня может измениться в любую секунду. Тогда Хэйя бросится, и новой схватки не избежать. С тяжелой длинной цепью на шее — ничто не помешает ее части оказаться и в руках, — исход боя может быть весьма печальным...

И все же показывать страх было нельзя.

Валари шагнул навстречу, протянул руку и спросил невозмутимо:

— Ты хочешь отдать флягу?

— Нет, — на лице слепца мелькнула ухмылка. — Оставлю себе.

Он снова жадно отхлебнул меда — на серых щеках проступил румянец. Валари на то и ставил — уж мед-то должен приглушить ярость этого бесноватого. Ну, хоть реакцию замедлить...

— Я могу попросить за тебя у хенке, если не будешь больше кидаться на нас.

— Вряд ли получится, — слепой улыбнулся уголком губ.

Упертый, как буйвол. Но Валари не собирался сдаваться. Он задумал докопаться до истины, во что бы то ни стало.

— Так за что ты возненавидел нас, Хэйя?

— Я? Возненавидел? О чем ты?

— Издеваешься? Ты кидаешься на нас, пытаешься убить...

— Да, брось! Ничего я такого не хочу, — Хэйя еще отхлебнул из фляги, поперхнулся, поморщился, плюнул в сторону. — Привычка такая, понимаешь? Меня в семь лет продали гладиатором на подпольные бои. А я ведь слепой. Чтобы выживать, приходилась нападать на все, что движется. Никогда не знаешь, что там в голове у чужака, стоящего перед тобой.

Взгляд Валари наполнился интересом.

— Вот как. Понятно. Только у нас тут не бои. Мы товарищи, понимаешь?

— Теперь понимаю. — Очередной громкий глоток нарушил повисшую тишину. — А вот ты, Кошачья походочка, меня, видимо, не понимаешь. И никогда не поймешь. Ну если конечно эти хенке не выколуют тебе глаза за какой-нибудь проступок.

Валари сделал вид, что не заметил колкость собеседника. Спросил на свой страх и риск:

— А ты как потерял зрение?

Иногда прямота подкупает.

— В раннем детстве. Мой отец, ярл Арнберн, считал это проклятием, насланным хати на северный край. Он ненавидел духов. В том числе за то, что один из них, по его мнению, был моим настоящим отцом... Хати-Ибиру. Владыка морей, будь он неладен. У отца не было доказательств, чтобы обвинить мою мать, только ненависть. Внезапную слепоту он счел подтверждением и вышвырнул меня за борт своего корабля, но море меня пощадило. Я попался в руки пиратам, и они продали меня скупщикам рабов, а те ради потехи перепродали хозяевам боевой арены. Вот и вся история. Хочешь еще о чем-нибудь расспросить?

— Нет. Я достаточно услышал.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы понять тебя.

Так и вышло, что Лили приставили к Табите в качестве то ли фрейлины, то ли подружки. Принцессе больше не приходилось скучать одной среди взрослой свиты ее мачехи.

И Лили стало веселее.

Не только от компании Табиты, но и от внезапной новости, сотрясшей матушкину душу крахом давней надежды. От Мартов пришла весть: Нерина забрали по указке на войну солдатом. Службы дали три года сроку. Мать целый день сердилась и кричала на Лили:

— Случись что со сговоренным женихом, кто тебя еще возьмет? Вот случись что?

Отец хмурился, и рычал на жену:

— Да какая к бесам свадьба, если война подошла к самому порогу? Не о том надо думать. О войне, а не о женихах.

Лили молчала. Ее не пугала далекая война, а отложенная свадьба радовала до безумия. Она успокоилась и стала лучше спать. Мертвая соседка больше не являлась ночами. Будто прознала, что Лили пока ничего от Мартов не грозит, и успокоилась. Три года — это много. Меньше, конечно, чем в детстве, но все же.

Вот за три предыдущих года Лили, например, успела превратиться из маленькой девочки в юную девушку. Изменения произошли разительные, и научиться мириться и жить с ними стоило многого. Все докучало теперь — и высокий рост, и новые формы, и кровавая ежемесячная порука...

За короткое время они сдружились с Табитой так сильно, что леди Виргин даже разрешила Лили жить в одной комнате с падчерицей-принцессой. Вместе было хорошо — нестрашно и нескучно. Скучать приходилось лишь когда Табиту увозили на источники лечиться, но это обычно длилось недолго.

Днем подруги смело гуляли по округе под приглядом пары охранников, а ночами шептались о жизни и хохотали в подушки, чтобы не разбудить остальных. Лили припомнила кучу уморительных историй про жителей Нерки и теперь от души делилась ими с принцессой.

Рядом с решительной, бойкой Лили Табита постепенно раскрылась — стала общительнее и веселее. Принцессе очень хотелось увлечь подругу своей страстью к книгам. Она старалась вовсю, вытаскивая из коробов удивительные фолианты. Один за другим, как уличный чародей, выпускающий из рукава цветных птиц.

И Лили наконец заинтересовалась.

Привлекли ее правда не яркие сборники легенд и не полные диковинных тварей бестиарии. Кое-что иное. То, что сама Табита старалась лишней раз не открывать.

Старинный Некрономикон в черной кожаной обложке. Серые страницы плотно сжаты, между ними, как язык убитого змея, свисает шнурок закладки...

Табита рассказала, что в этой книге, должно быть, собраны поучения тем, кто взаимодействует с мертвыми.

Сама принцесса Некрономикон хранила, но не читала.

— Ого! — Лили увидела его на дне большой книжной корзины.

Руки сами потянулись.

— Жуть, — не разделила ее восторга Табита. — Страшная книга, но очень дорогая.

Стоит, как целое состояние, а досталась мне от одной родственницы. Хочу ее продать, но никто не берет...

От этих слов Лили захотелось плакать. Ну, почему! Почему она такая нищая? Эта чудесная книга запала в ее сердце сразу, с первой же секунды... А еще, говорят, любви с первого взгляда не бывает. Вот же она, любовь!

Лили погладила черную кожу. Ласково перелистнула страницы, ощутив на кончиках пальцев холодный ветерок, что родился из этого движения. Открыла начало, а там...

— Что это за язык?

— Это так называемый терский. На нем говорили и писали в мифической Терсе, но некоторые книжники считают, что его просто выдумали, чтобы пугать народ жуткими чародеями-некромантами и колдунами-убийцами. Я думаю, что все это пустые сплетни.

— Да? — Голос Лили дрогнул разочарованно. — Как жаль, что непонятно... А ты хоть примерно знаешь, что тут написано?

Она ткнула пальцем в ряды рубленных грубых значков.

— Нет. Не учила терский, да и словарей с ним почти не осталось. Я как-то пыталась найти один такой, но ничего не вышло.

Лили не любила сдаваться, поэтому, шмыгнув носом, несколько секунд пристально смотрела на пляску незнакомых букв, словно хотела прожечь их взглядом. И вдруг ей в голову пришла одна мысль, опасная и в то же время очевидная.

— Послушай, Табита, я, кажется, видела эти буквы в одном тайном месте.

— В каком месте? — заинтересованно посмотрела на подругу принцесса. — Что ты имеешь с виду?

— Только тс-с-с, — Лили схватила Табиту за руку, притянула к себе и рассказала зловещим шепотом: — Это на Пустоши. Мне туда запретили ходить, но я хожу. Там у границы с туманом есть камни в письменах всяких непонятных. Древних, наверное. На одном были похожие знаки. Напротив каждого стояла буква, вроде бы кутганская.

— Ты не шутишь? — Спокойное лицо принцессы вдруг просияло и зарумянилось. Никогда прежде она не выглядела такой заинтересованной и взволнованной. — Ты мне покажешь?

— Как же, покажешь тут, — сердито пробурчала Лили. — Сейчас нам с тобой на Пустошь не пробраться. За мной вон родители — глаз да глаз, за тобой — охрана. Заругают.

— Меня не заругают. И я попрошу их, чтобы ничего твоим родителям про наш поход не говорили.

— А мачеха твоя как же?

— Мачеха? Думаю, она не рассердится. Она никогда на меня не ругается. Она не злая, разве что иногда беспокойная, если у меня вдруг сильно ухудшается здоровье.

— Знаешь, — отметила Лили, — твое лицо сейчас такое румяное, а взгляд такой бодрый... Уверена, наша вылазка пойдет тебе только на пользу. Твоя мачеха еще и по второму разу нас туда отправит, как только увидит твои сияющие глаза и порозовевшую кожу. К тому же, ради Пустоши тебя сюда и привезли, а значит, мы не сделаем ничего плохого, если сходим к тем камням.

— Да, ты права — улыбалась в ответ Табита. — Уж, поскорее бы отправиться туда.

— С утра пойдем, — решила Лили. — Ночью на Пустишь лучше не соваться.

— Ты никому не расскажешь? Правда, Кай?

Табита с надеждой заглядывала в лицо молодому краснощекому охраннику.

— Нет, госпожа, — зевнул тот. — Какое мне дело, куда вы пошли? Мое дело охранять и быть при вас. Ваше дело — делать ваше дело... и чтобы я был при вас.

Странное то было объяснение, благо, из всех неразборчивых слов Табита и Лили поняли, что добрый Кай их не выдаст, хоть и до заповедного места одних не отпустит.

Пришлось взять его с собой.

И потянулась дорога, ухабистая, вертлявая. Не дорога — тонкая тропка меж мшелых кочек и заболоченных перелесков. Кай предлагал взять коней, но городские капризные лошади тут бы не прошли — переломали б все ноги в каменистых оврагах, похожих на разверзнутые великаныи рты.

— Ох, и долго идти, — жаловался ленивый Кай.

— Скоро будет стена, только балку пройти осталось, — уверила его Лили.

Балка оказалась глубокая, вся в валунах и кореньях. Противоположный ее склон зарос кустами и был столь крут, что лезть на него, ссаживая ладони и колени о камни, приходилось на карачках.

В какой-то миг Лили подумала, что слабенькая Табита не осилит крутой подъем, но принцесса и не думала сдаваться — измазавши и изорвавши подол дорогого платья, она решительно продвигалась вверх. Жажда неведомых знаний манила ее, заставляя не думать об усталости и боли.

За подъемом начались непролазные кусты сирени. Продравшись сквозь них буквально с кровью, они вышли, наконец, к остаткам каменного фундамента, над которым высились оглодки тяжелой узорчатой решетки из незнакомого зеленоватого металла. Высокая арка бывших ворот, увитая плющом, приглашала пройти, маня единственной оставшейся створой, повисшей криво на покореженной петле.

— Это западные врата Пустоши, — торжественно сообщила Лили. — Будьте осторожны.

— Может, не пойдем туда, а, госпожа? — засомневался Кай, но отступить было поздно.

А глаза Табиты жадно сияли — она очистила от зарослей вывалившийся из фундамента стены валун. На нем виднелись глубокие линии неведомых символов.

— Невероятно, — шептала принцесса в восхищении. — Просто невероятно...

За вратами потянулась Вересковая Пустошь — такая, как она есть. Ковер вереска — сиреневая дымка над темной зеленью брусничника и мхов. Глубокие ямы, раскрывающиеся под ногами. Редкие деревья, валы из камней. Какие-то резные стелы в древних письменах. Тяжелые плиты, испещренные тайными знаками. Черные бездонные гроты, в глубине которых переливалась вода подземной реки.

Ошалевшая от восторга Табита бродила от одного валуна к другому. Что-то читала на них: когда знакомое — радовалась, хмурилась — когда неизвестное.

— Гляди сюда, — позвала она Лили, встав перед круглым белым камнем, похожим на гигантское яйцо. — Ты спрашивала про язык Некрономикона. Вот тут есть словарь с переводами на древнекуттский. С него уже можно перевести на современный и что-то понять.

Лили с восторгом уставилась на вязи мудреных закорючек. Разочарованно сморщилась — ни в жизнь ей этого не понять и не выучить. Она ж не головастая Табита...

— Стой! Ах... — заглядевшись на камень-словарь, она чуть не проворонила коварную дыру, на край которой рассеяно ступила увлеченная познанием принцесса.

Табита ойкнула и замерла. Кай, опоздав, подскочил и принялся упрашивать свою госпожу покинуть опасное место.

— Тут и ноги, и голову можно сломать, госпожа, — причитал он, но обе девушки не слушали его.

Они смотрели в дыру, скрывающую нечто древнее и тайное.

Чарующее, как сама тьма.

— Давай спустимся туда, — предложила вдруг Табита, и Лили ее поддержала.

Она легла на край, заглянула вниз. Пятно света вырвало у мрака кусок гладкого пола с непонятым нагромождением острых камней и расходящимися из-под него пятью глубокими желобами.

— Без веревки не получится.

На следующий день Табиту увезли на источник, а через день они вернулись к яме с веревочной лестницей, которую Лили сплела когда-то, чтобы удобнее было лазать на чердак. Закрепив ее — пришлось обвязать дополнительные веревки-крепления вокруг длинной, лежащей во мху глыбы — по очереди спустились вниз. Лили соскочила ловко, как белка, помогла слезть Табите, достала из заспинного мешочка лампу и огниво.

Вскоре подземелье осветил дрожащий огонек. Свет желтого пламени вырвал из подземной вечной ночи ниши в стенах, заполненные каменными табличками и старыми книгами, покрытыми слоями плесени и мха.

— Ого! Да тут настоящие сокровища, — выдыхала принцесса, перемещаясь от ниши к нише.

Вдруг она вскрикнула и отшатнулась. Из проема между фолиантами выпрыгнуло какое-то существо размером с кошку и метнулось в темноту.

Лили, не раздумывая, бросилась за зверьком в погоню, зажала его в углу, прыгнула, желая навалиться на добычу сверху и прижать к полу. Раздалось недовольное ворчание. Из мрака глянуло злобное костяное лицо — маленький человеческий череп. Блеснули фонарики алых глазок. Лили отступила в нерешительности:

— Я думала, что там лисенок или кролик, а это пакость какая-то... Мертвая.

Табита тронула подругу за рукав:

— Страшно. Эта штука, видимо, книги сторожит. Вдруг нападет на нас?

— Не бойся, — храбрилась Лили. — Не нападет. Она мелкая — справимся. Сейчас я с ней поговорю. Я умею. — Она протянула руку к пульсирующему комку мрака, в котором затаилось существо. — Иди сюда, не бойся. Мы не станем обижать тебя...

— ... и книги твои не украдем и не испортим, — тихо добавила Табита.

Тут, услышав их громкие разговоры, в дыру заглянул охранник Кай. Поинтересовался:

— Чего там у вас случилось, госпожа? Все в порядке?

Таинственное существо снова раздраженно рыкнуло и исчезло — растворилось в воздухе с громким хлопком.

— Ну вот... — Лили недовольно посмотрела на Кая.

Принцесса облегченно вздохнула. Чужеродное создание сильно испугало ее. А Лили хохотала от души. Ее охота на странную тварь почему-то воодушевила. Было в этом процессе нечто завораживающее и многообещающее.

Книги, найденные под землей, очаровывали. Даже Лили спустя несколько посещений загадочной библиотеки прониклась к ним превеликим интересом. Конечно, в отличие от

Табиты, она мало что понимала, но старалась постичь даже то, что казалось совершенно непостижимым.

Принцесса радовалась увлечению подруги и всячески поощряла его. Она даже принялась за перевод Некрономикона, хоть ей самой мрачный фолиант и не был особенно интересен.

Каждый раз, приходя в библиотеку, Лили искала глазами подземную тварь, и та иногда появлялась — смотрела недовольно с дальних полок. Лили несколько раз пыталась поймать ее, но не вышло.

А вот Табита эту костяную зверушку боялась.

— Не надо, не тревожь ее. Мы же даже не ведаем, кто это? — упрасивала она подругу об осторожности.

— Не бойся ты, — успокаивала робкую принцессу Лили. — Хочешь, завтра собаку с собой возьмем? Я у Керета спрошу одну — охотничью! Такая любую животину в два счета изловит.

Табита задумку с собакой не разделила, да и не вышло из той идеи ничего путного. Пес, маленький злобный терьер, всю дорогу рычал и огрызался на Кая, так и норовил вцепиться в штанину. Костяного зверька он почему-то не увидел, как Лили ни науськивала, как ни указывала пальцем. Маленький сторож пещеры насмешливо смотрел на нее с высокого стеллажа, и его зубастое личико казалось при этом особенно улыбочным.

— Отстань ты от него, — вздохнула принцесса. — Оно ведь нас не трогает.

— Оно необычное, — нахмурилась Лили. — Я хочу выяснить, что оно такое.

— Так поговори с ним еще раз. Нормально. Попробуй.

Лили расстроилась, что сама не додумалась до такой простой вещи. Тем более, говорить с мертвыми — ее особый дар. Вот только все прежние мертвые, с кем ей удавалось беседовать, были действительно мертвыми — они не бегали по пещерам и не блестели из-под потолка глазами.

— Эй! Ты кто? — крикнула Лили существу.

— Ты кто... — повторило эхо. — Ты кто... Ты кто...

— Я Лили. Отвечай, когда спрашивают, а не передразнивай!

— Спрашивай... Передразнивай... Отвечай... — вдруг отозвалось эхо так громко, что Табита выронила из рук каменную табличку и чуть не разбила ее.

Лили угрожающе наклонила голову, руки в бока уперла.

— Ты меня не пугай тут эхом своим. Скажи, как зовут тебя, и мы отстанем. И, знай, книги твои мы не испортим и не заберем. Почитаем — и все. Можно?

— Все... Все... Все... Можно... — раскатилось под сводами и осело на камнях.

— Вот и договорились.

Довольная собой, Лили повернулась к принцессе. Потерла руки, с видом человека, закончившего важное дело.

Табита с сомнением произнесла:

— Жуть какая-то.

— Не переживай. Если бы эта штука хотела, она бы прогнала или даже убила нас еще во время первой вылазки. Мы ей скорее интересны, чем неприятны.

Тут Табита посмотрела на подругу таким взглядом, словно поняла про нее нечто важное, судьбоносное.

— Некрономикон и мертвый зверек — у тебя определенно мощнейший дар в этой

стеже...

— Только не говори никому, — испугалась Лили. — Не надо, хорошо?

— Хорошо, — понятливо кивнула Табита и даже тему перевела на другое. — Как ты думаешь, зачем здесь эти камни и желоба?

— Не знаю, — Лили обошла вокруг странной кучи, пнула откатившийся булыжник. — Может, от дождя? Чтобы не залило? А камни во время обвала нападали.

— Не думаю, что так.

Принцесса с сомнением покачала головой и, присев возле кучи, скovyрнула с ближайшего булыжника белесый мох. Под них открылась черная с золотистыми прожилками гладь. Если приглядываться, в молниевых зигзагах блестящих жил угадывалось нечто похожее на символы и буквы.

— Что это? — шепнула подруге пораженная Лили.

Вместо Табиты ответило эхо:

— Жертва... Жертва... Люмафора...

Глава 10. Выбор судьбы

Больше всего Валари не нравились копья. Скайскиф быстро это понял и теперь на каждой новой тренировке давал именно копье. Попробуй, поспорь с ним! А у Валари ладони потели и скользили по древку...

И страшные мысли ползли из памяти.

В нищенской общине всякое бывало. Случался и голод, такой, что нечего даже украсть. Что даже нищим красть стыдно, потому как ни у кого ничего нет. Даже в благословенном Городе-Солнце. Там только вельможам позволялось пользоваться помощью и поддержкой Тарха, а нищим да беднякам, да рядовым горожанам оставалось лишь умирать.

Где богатый сохнет, бедныйдохнет...

Тогда и ходили охотиться в пригороды. Людей гибло много, их хоронили в больших общих ямах прямо за старой крепостной стеной. Ночью туда стекалось всякое зверье, от лис до кабанов. Всем было несладко, все хотели поживиться хоть чем-нибудь. Чужая мертвая плоть манила, преображаясь голодным звериным разумом в настоящие деликатесы.

Кабанами промышляли немногие. В основном те, кому что так, что эдак путь предстоял один, в могилу. Ведь когда голодаешь долго, сил особенно нет, а куттанский кабан — противник серьезный. Зато уж коль добудешь его, будешь долго и по-настоящему сыт! И община тут в помощь — никто добытого не отобьет. Нищие, как звери, утягивали тушу в свои подземелья, там резали, разбирали, готовили и хранили. К ним никто не совался.

Валари пошел на охоту с украденным у какого-то беспечного стражника длинным копьем. Другие взяли рогатины и заточенные палки — так безопаснее. За незаконное ношение оружия в Городе-Солнце могли казнить, но голод был сильнее страха смерти.

Кабан им попался особый — здоровенный секач, свирепый и сытый. Он, похоже, пришел из заповедных охотничьих угодий самого Тарха, но алчущих еды подростков это не остановило. Они сделали все, что смогли, и в живых тогда остался лишь Валари.

Хваленое гвардейское копье не помогло. Оно пробило толстую кабанью шкуру и засело в ней, только раззадорив зверя...

— Держи копье! Поднимай! Париуй! Не спи! — рывкнул Скайскиф, тыкая тупым концом своего оружия Валари под ребра.

Нижнее ребро с хрустом согнулось, наполнив все тело болью. Боль породила ярость, поддавшись которой, Валари ударил Скайскифа прямо в лицо. Тот был без шлема, и чудом успел увернуться. Острие рвануло щеку, на секунду сдвинуло капюшон, явив миру звероподобный лик хенке.

— Ах, ты!

Град ударов заставил Валари опомниться и, бросив копье, скрутиться на земле. Против разъяренного хенке он был бессилен, поэтому сделал то, что делал прежде, попадая в неравную уличную драку. Если пинает толпа — бесполезно сражаться. Остается только свернуться, закрывая голеньями живот и пах, спрятать за предплечьями лицо, чтобы не выбили глаза и не сломали челюсть...

— Хватит! — Клайф одернул товарища, помог Валари встать на ноги. — Твоя рана, Скайскиф, говорит лишь о том, что ты неплох, как учитель.

— В пекло твои похвалы! — рыкнул в ответ Скайскиф. — Однажды я придушу этого помойного щенка. Он мне не нравится. С каждым днем не нравится все больше.

Зато хоть с Хэйей стало проще.

Не то, чтобы сильно проще — немного понятнее. Слепец еще не раз устраивал драку, и получал за нее, но когда рядом был Валари, удавалось усмирить его словами и закончить дело миром.

Валари все понимал.

Когда-то Хэйю приводили в чужое место и оставляли там. Потом появлялись невидимые незнакомцы и сразу начали бить. Кулаками в лучшем случае. Это если бой намечался без оружия. Его никогда не предупреждали, куда и зачем привели. Зрителям нравилась неожиданность. Именно поэтому, слыша новый голос, Хэйя предпочитал всегда нападать первым.

Так было проще.

Так было надежнее.

Когда Хэйю забрали хенке, жить ему стало гораздо сложнее. Все стало иначе — не разобрать, на кого бросаться, а на кого нет. Кругом было слишком много чужаков, за агрессию к которым наказывали, но Хэйя не мог вести себя иначе. Только сила против силы. Злоба против злобы.

Бей первым, чтобы выжить...

Надо сказать, что Валари озадачил его, проявив сдержанность и дружелюбие и в то же время давая понять, кто тут главный. Это парень с бесшумной походкой и спокойным голосом был самым опасным из всех присутствующих. Хэйя помнил кольцо его рук — беспощадная петля на шее. Страшный враг — беззвучный, как зверь в ночи.

Хэйя привык различать людей по запахам. От большей части полукровок разило ароматическими маслами и дорогими притираниями, которыми они пользовались в той своей жизни, когда у них еще были ванны и дорогие дома, полные слуг. От хенке воняло псиной — смесью животных, мускусных запахов. Один лишь Валари ничем не пах. Или, наоборот, всем.

Городом.

Он пах городом. И почуять это Хэйе удалось лишь там, на заднем дворе. Там, где должен был стоять привычный дух цветущей акации и расположившихся неподалеку животных, но Валари подошел, и в воздухе пахло теснотой улиц Города-Солнце. Пылью на горячих камнях мостовой, выпечкой, стираной одеждой, конями и кожей, маслом, углями жаровен, цветами из клумб и садов, людским потом в жару — смесью из тысяч оттенков. Будь они в городе, Валари был бы совершенно неощутим, а Хэйя полностью слеп.

Неощутимый противник — неминуемая гибель, приходящая отовсюду.

В любой момент.

«Не зря они избрали этого парня вожаком. Лучше с ним не ссориться. Если выпадет шанс — убью его потом, если он первым не убьет», — думал Хэйя, почесывая раздраженную шею. Красный след от ошейника проступил ярко и покрылся волдырями. Но Валари никого из полукровок обижать не собирался. Наоборот, пытался сплотить и собрать в одну крепкую, единую стаю. Хэйя успокоился: «Хотел бы убить, убил бы сразу — что ему стоит? Лучше подружусь с ним, глядишь, чего и выйдет из этого дельное».

Он позволил Валари быть своими глазами.

Когда входная дверь открывалась, и кто-то незнакомый проходил в дом, вместо привычной атаки на все и вся слепой поворачивался к своему новому вожаку, спрашивая:

— Кого там принесло? Драться будем?

— Пока не нужно, — отвечал Валари. — Если будет нужно, я сообщу тебе первому.

Так случилось и в тот день, когда в дом явился незнакомый хенке.

Судя по дорогой одежде и роскошной лошади, это был один из особых приближенных Хати-Йоремуне.

Чужой хенке не носил капюшон и не скрывал свою звериную сущность, однако, тонкие черты лица и раскосые, миндалевидные глаза выдавали в нем иную породу, весьма отличную от той, к которой принадлежали Клаф со Скайскифом.

Визитера звали Офу.

Когда он отдал приказ: «Постройте их!», полукровок мгновенно расставили линией во дворе. Офу прошелся перед ними туда-сюда, взгляделся в лицо каждого внимательно, но с нескрываемой брезгливостью.

— Возьму десятерых, — сказал наконец и огласил свой выбор.

Глава 11. Зло

Золотой зверь смотрел на них.

Золотой глаз матово поблескивал в лучах рассвета. Глаз был единственным, что получалось разглядеть в глиняном месиве — зверь ушел глубже в почву, сполз в самую реку, зарылся под жирный глинистый пласт.

— Что это? — спросила Табита.

— Мой зверь. Сейчас он из золота, но когда-то был живым. Ты, быть может, читала в книгах о том, как живая плоть может обернуться металлом? — отозвалась Лили.

— Читала. Это сложный процесс...

Они ушли с берега. Пока брели через перелесок, принцесса призналась:

— Я скоро уеду.

— Из-за свадьбы? Или из-за того, что ты начала себя лучше чувствовать?

— Из-за отца. Он не терпит, когда члены его семьи отлучаются надолго из дворца. Те члены семьи, которые женщины.

— Понятно. Тогда пусть ты опять заболеешь там, в своем Городе-Солнце, и вернешься сюда... Прости... Прости, Табита...

Лили поняла, что в сердцах сморозила глупость, но принцесса не обиделась, даже наоборот.

Сказала:

— Спасибо. Мне очень приятно слышать, что ты так дорожишь нашей дружбой.

Лили очень не хотелось, чтобы Табита уезжала.

Табита тоже говорила о расставании с тоской. Иногда на ее глаза наворачивались слезы, но она быстро смахивала их рукавом.

— А может, ты останешься? Может, приедешь еще раз потом? — Лили сыпала вопросами, полными надежды.

— Не могу, надо ехать...

Она только-только обрела подругу — и вот опять разлука. Опять одна.

В голову полезли неприятные мысли об Ильзе. Ильза покинула ее не по своей вине, не по своему желанию. Теперь Табита. Самое раздражающее — причина та же. Замужество. Лили никогда не видела жениха принцессы, но уже возненавидела его. Этот неведомый парень отнимал у нее нечто очень дорогое. Он изломал ту хрупкую иллюзию собственного везения и успеха, в которую Лили почти поверила. Она ведь и охоту пережила, и золотого зверя отыскала, и обрела новую подругу...

Она была счастлива...

Настораживало еще и то, что мертвая Ильза вновь стала являться во снах, а ведь когда появилась Табита, Ильза не приходила с предупреждениями — успокоилась, зная, что Лили в надежных дружеских руках. Теперь же вот мертвая соседка вернулась и стала еще тревожнее, чем прежде. Лили знала: дух предупреждает об опасности.

А опасность кроется в Табитином отъезде.

— Ты, как в свой Город-Солнце вернешься, пришли мне весточку хоть какую-нибудь.

— Пришлю, — улыбалась принцесса. — Голубя пришлю с записочкой. Ты мне тоже тогда ответ напиши, как тут дела у тебя складываются будут.

— Если этот твой жених тебя обидит, сразу мне сообщай.

— И что ты сделаешь ему?

— Поколочу! Приду пешком в твой Город-Солнце и устрою ему там!

Табита представила себе все это живо и ясно, после чего вдруг весело рассмеялась.

— Хорошо. Я тебе сообщу, если что-то пойдет не так. Кстати, у меня есть подарок для тебя. — Она сходила к своему дорожному сундуку, достала оттуда Некрономикон и отдала Лили. — Вот. Тебе он, кажется, очень понравился.

Лили взяла подарок, едва дыша. Это было слишком дорого. Слишком...

...сильно.

Нужно было что-то отдать взамен. Но Лили-то не принцесса. У нее и ценного-то — все в приданое сложено.

Приданое! Чтоб его!

Лили со злорадной улыбкой прокралась к сундуку, что стоял в комнате матери — благо, той не было в доме. Поворошив тряпки — одежду, простыни и скатерти, — вытащила шкатулку с незамысловатыми драгоценностями. Там хранилась пара хрустальных бус, серьги с мутным янтарем и кулон в виде звезды на золотой цепи. Этот кулон Лили отыскала на Пустоши. Мать увидела, отняла, убрала в заветный сундук. Курица по зернышку, как говорится.

— На, возьми на память, — Лили протянула Табите кулон.

— Что ты! Это очень дорогая вещь, — изумилась принцесса, — и древняя.

— Бери, мне не жалко. Да и не нужно. Я драгоценные побрякушки носить не собираюсь. У тебя будет обо мне память.

— Спасибо. Постараюсь всегда твой дар держать при себе. Мне кажется, он предает мне уверенности, — сказала Табита и обняла Лили крепко-крепко.

Потом был помпезный отъезд, а о самом страшном Лили узнала три дня спустя.

Керед-охотник сообщил. Он бродил с собакой возле выезда на тракт и увидел...

— И что же, всех убили? — без особого сочувствия всплеснула руками мать Лили, когда сосед в очередной раз пришел к ним в дом.

— Всех.

— А вещи? Вещи-то взяли? Золото, сундуки?

— Конечно. Разбойники же.

— А охрана что? — не поверил сказанному Лот. — При них воинов был целый отряд. Все важные такие, при оружии да в доспехах.

— Тю-ю, — морщась, присвистнул Керед. — Там в охране пижоны одни городские. Они те доспехи только красиво носить умеют, а как до настоящей драки дошло, так, небось, со страху позабыли с какой стороны за мечи хвататься. Разбойники им лютые, похоже, попались. Мужиков — кого распотрошили, кого на суку вздернули. Над бабами надругались, прежде чем порешить...

Лили за печкой холодела, слушая все это, и осознавая, что произошло нечто невозможное. Нечто непоправимое.

Убийственное...

В горло от живота поднимался тугой комок желчи, мешал дышать и глотать. Лили задыхалась от ужаса. От боли, в один миг пронзившей сердце. Будто кто-то насадил ее на вертел — проколол грудину и вырвал стальное острие меж лопаток.

— Табита... — Она сползла спиной по гладкому боку печи, плюхнулась задом на старую корзину с посудой. — Госпожа Виргин... Кай... Табита...

Слезы созрели, но так и не выкатились, забив собой пространство за переносицей. От этого заболела голова, больше не получалось думать. Думать и не хотелось. Хотелось забыть все услышанное немедленно, отмотать назад, стереть, переписать.

Поменять.

Но исправить свершившееся было уже невозможно.

Керед еще что-то рассказывал, когда Лили вылетела из своего убежища и стала кричать на него, чтобы заткнулся. Немедленно заткнулся и ушел! И больше никогда не приходил...

Родители пытались усмирить ее, но куда там! Проще было уговорить пробудившегося среди зимы медведя-шатуна.

Кончилось тем, что мать накинула на дочку одеяло и, спеленав ее, как маленькую, принялась баюкать и уговаривать:

— Ну, бывает. Всякое случается. Места у нас такие, понимаешь? Опасные места...

Лили не понимала. Не хотела понимать. Внутри, в перекорезженной спазмами грудной клетке, быстро и мягко разливалась черная, всепоглощающая пустота. И только губы сами собой, как молитву, шептали:

— Она живая... Живая... Ведь я не слышу... Не слышу ее...

Глава 12. Одинокая

Незадолго до главного летнего праздника в Нерку нагрянули очередные гости.

Йон и его мать въехали в деревушку, поразив заскучавших селян великолепием. Едва белый жеребец госпожи Иханны шагнул на главную улицу, по дворам разлетелись новости: «Хати! Настоящая хати в наше захолустье приехала!»

И все они, кроме Лили, моментально забыли о страшном событии, которое произошло с предыдущими гостями. Новых расположили опять же в доме старосты.

Йон с интересом осматривался в крошечном, на его взгляд, деревянном жилище. Странно, как можно жить в столь тесном помещении? Да еще и без слуг? Без огромных садов...

Все же, несмотря на тесноту, дом притягивал и казался вполне уютным. Деревянные стены, впитавшие запах еды, вечером отдали его втройне, когда подбрасывались в печку дрова.

Кухня и печь особенно понравились Йону.

Пока Иханна говорила с селянами, — они все вышли к ней, и как перед богиней молитвенно сложили руки, — Йон облазил дом вдоль и поперек. Заглянул на сеновал. Там восхитительно пахло и руки колело сухими травинками щекотно, но не неприятно. Потом он угостил в хлеву животных хлебом, поиграл с цепной собакой, проследил за кошкой и выяснил, где у нее запрятаны слепые еще котята.

Развлечений в деревенском доме было много. Здесь не как в горах, по-другому. Иные запахи, иные звуки. Много удивленных и восхищенных людей. Местная молодежь не решалась подходить к нему. Парни хмурились, поглядывая из-за ограды. Девушки смотрели с интересом, приседая за забором, чтобы скрыться, когда Йон их замечал.

После заката за окном закричали совы, и летучие мыши сорвались с чердака, чтобы потанцевать с мошкаррой. Следом за мышами оттуда спустилась девушка с мрачным, осунувшимся лицом.

Йон поздоровался:

— Здравствуй.

Девушка недовольно зыркнула на него, процедила сквозь зубы скупое приветствие. Потом уселась на лавку и демонстративно отвернулась к окну. Заявила:

— Мать сказала, пойти приготовить ужин, но я этого делать не собираюсь. Ненавижу готовить.

— А я люблю, — желая сгладить непонятно с чего возникший конфликт, миролюбиво улыбнулся незнакомке Йон. — Могу приготовить сам, если покажешь, где лежат продукты.

Девушка соизволила, наконец, взглянуть на него.

— Крупа на полках, мясо и масло в леднике, зелень в огороде. Ты кто вообще? Повар той хати, из-за которой сегодня такой переполох?

— Я ее сын.

— Что? — Грубиянка, кажется, потеряла от удивления дар речи. — Шутишь, да?

— Нет. Как тебя зовут?

Девушка оглядела Йона внимательно с головы до ног и поняла, что гость не врет. Черты хати в его облике проступали слишком красноречиво.

Ответила:

— Лили.

— А я Йон.

Когда матушка Лили пришла в кухню и увидела важного гостя, занятого готовкой и сидящую в уголке хмурую дочь, она побелела от страха. Схватив Лили за руку, потащила на улицу, а там, к своему ужасу, наткнулась на Иханну.

Хати нависла над ней, высокая, нечеловечески красивая, потребовала объяснений:

— Куда ты тащишь эту девушку?

— Она моя дочь, я хочу наказать ее за то, что она непочтительно обошлась с вашим сыном.

Иханна удивленно вскинула брови:

— Что же она сделала?

Мать Лили сжалась вся, испуганно пискнула:

— Нагрубила. И отказалась готовить ему еду. А ведь я ей велела! В итоге госпожа — о, ужас! — ваш сыну пришлось...

Хати рассмеялась:

— Ему не пришлось. Йон обожает возиться с продуктами, и если он взялся за готовку — лучше его не трогать.

После этого Лили целый день не выпускали к важным гостям.

Она и не рвалась — ну их. Спрятавшись в своей каморке под крышей, смотрела в мутную даль и думала про Табиту. И про то, что смерть подруг будто подламывает позвоночник. Душу выворачивает и топит сознание в море ужаса и безысходности...

— Лили! — позвали снизу.

— Что?

Внизу стоял Йон и смотрел в проем, ведущий на чердак.

— Я искал тебя.

— Зачем?

Лили ловко, как куница, прыгнула к нему из-под потолка.

— Я испек пирог с мясом и овощами. Ты не пришла ужинать. — Йон протянул девушке завернутый в белую тряпицу кусок. — Это тебе. Так почему ты не пришла?

— Наказана была, но теперь уже неважно. Твоя матушка-хати замолвила за меня словечко. Спасибо ей.

— Она справедливая, — кивнул парень. Потом спросил осторожно: — Почему ты злилась на меня при нашей первой встрече?

Лили вздохнула.

— Не на тебя. Просто подругу мою недавно... убили...

— Убили? — Взгляд Йона стал напряженным. — Что случилось?

И Лили рассказала ему.

Не собиралась, но рот сам раскрылся и выпустил слова. Сразу стало легче. Боли вытекала из груди и уходила сквозь половицы куда-то в подполье. Почему она прежде не говорила ни с кем? Потому что не с кем... Мать и отец не хотели слушать, а у сверстников про убийство Тарховой жены болтать было не принято — слишком скользкая и страшная тема. Разбойники, погубившие богатый кортеж, до сих пор бродили где-то в окрестных лесах.

Йон выслушал, ни разу не перебив, потом сказал с сопереживанием:

— Попрошу нашу стражу прочесать окрестности. Разбойники рядом с мирными людьми

— так нельзя.

Лили мысленно согласилась. Действительно, так нельзя! Совершенно нельзя, чтобы спокойнехонько и по-хозяйски где-то рядом бродили нелюди, лишившие ее Табиты. Лили бы своими руками их придушила, но их наверняка больше. Они наверняка сильнее, как бы ни больно было это признавать. А значит, Табита пока остается неотомщенной. Мысли об этом смердят в голове, как гнилая рана, от них не избавиться, к ним не привыкнуть.

С ними невозможно жить.

— Эй, ты в порядке? — Йон отвлек ее от грустных мыслей. — Что-то еще тебя беспокоит?

Лили взглянула на него, натягивая подобие улыбки на тонкие губы:

— Нет.

После этого она подумала, что, вообще, Йон хороший.

Хороший...

...но он никогда не заменит ей Табиту. И все же можно попробовать с ним подружиться.

Она спросила:

— Ты книги любишь?

— Наверное, — пожал плечами собеседник.

Глаза у него были голубые, как у северной собаки, а черты лица прекрасные, почти что неземные... И пальцы тонкие, длинные.

— Ты колдовать умеешь?

— Немного. Могу теперь воду из глубин земли призывать и ручьи разворачивать.

Время шло.

Все ближе было Солнцестояние. Лили постепенно привыкла и к Йону, и к его матери, и к их охранникам.

Вся охрана госпожи Иханны состояла из людей. Это совершенно точно были люди, но глупый упрямый Каллум, соседский средний сын, утверждал, что старый Грэм и его ребята никто иные, как хенке. Потому что у хати в охране всегда бывают только хенке, а иначе никак!

Все с глупым Каллумом спорили — ну, какие ж они хенке? У хенке полувзвериные морды и вроде как шерсть под одеждой, а тут...

Лили тогда просто спросила напрямую у Йона, он посмеялся, и сказал, что вся охрана Иханны из людей.

— ...потому что матушка хенке не терпит.

В тот же день Лили подумала-подумала, и решилась. Поведала Йону про тайного зверя, но с одним условием.

Сказала:

— Я тебе кое-что покажу, но только это «кое-что» надо будет сначала из глины водой вымыть. Попробуешь?

— Попробую, — послушно кивнул Йон.

— Не испугаешься? — сурово прищурилась Лили.

— Не испугаюсь.

Они пошли к реке сначала через поле, а потом сквозь трепетанье осинника.

Солнце нещадно пекло шею и плечи. У самой воды бродила чья-то лошадь. Лили попыталась поймать ее, но лишь поскользнулась на глине и разбила в кровь оба локтя о

попавшийся под руку камень.

— Больно? — участливо спросил Йон, а потом сложил ладони ковшиком, и в них непонятно откуда собралась вода. — Давай промоем.

— Давай, — кивнула Лили. Под ноги стекла перемешанная с кровью глина. Красные нити поползли по прибрежной мокроте. — Спасибо. Почти не болит. А реку вон туда направить сможешь?

Она показала на обваленную кручу.

— Эту? — Йон взглянул на быстрое движение темных вод. — Нет. Эта река слишком большая. Могу другую, маленькую.

— Тут нет маленькой.

— Есть. Под землей.

В толще почвы вправду отыскалась река. Тонкая, но сильная. Она вышла на зов и размывла глину.

Зверь под верхним слоем не было — он провалился ниже. Лишь после долгих стараний Йона все же показал самый кончик золотой морды. Лили прикоснулась к холодному носу, ощущая, что зверь тревожится и в тревоге этой все предвидит, все ждет какой-то рассвет.

Какой именно — неясно.

Зверь и прежде о нем говорил. О рассвете.

И называл его Эо.

А рассветы летом ранние, скорые, в особенности перед Солнцестоянием. Тогда и вовсе ночи нет. Солнце уходит к западному горизонту, переползает от него на восточный небесный край и вскоре снова предстает во всем сиянии...

Луч отразился в испуганном взгляде Йона. Юноша недоверчиво изучил задранный звериный нос. Спросил, наконец:

— Кто он?

— Мой зверь, — ответила Лили.

Йон еще больше насторожился.

— Не хиси ли он, случаем?

— Нет, — заявила Лили и уверенно мотнула головой, хотя, кто такой «хиси», представляла весьма смутно. — Он из Рассвета. Рассветный зверь, понимаешь?

Да, именно так она и решила называть свою находку — «Рассветный зверь».

— Откуда ты знаешь? — не унимался Йон.

— Говорю с ним. Он мне сам рассказал про Рассвет. Он называет его «Эо». Он говорит, что люди его тоже видели, но другими глазами. И даже то, что было раньше, они видели.

— Раньше Рассвета? — уточнил Йон.

— Да.

— А что, по мнению твоего зверя, было раньше Рассвета?

— Драконьи Царства и Эпоха Средней Жизни.

Йон поежился.

— Звучит как-то жутко.

— А по мне, так здорово звучит! — не согласилась Лили...

Они вернулись домой поздно, усталые и грязные.

По возвращению Лили подумала, что Йон как-то не слишком приспособлен к жизни, и его тоже нужно беречь, как Табиту. Он хороший, но слабый. Даже магия его, она вроде мощная, но вот сможет ли Йон хладнокровно направить ее на врага? Вряд ли... Пока с ним

мать, он, конечно, в безопасности, но вечно так жить не получится. Без Иванны ему будет трудно.

Очень трудно!

Наверное, все потому, что этому милому парню еще при рождении не свезло. Так же, как Табите.

Все из-за крови...

Глава 13. Солнцестояние

В день солнцестояния Нерка бушевала нарядными одеждами, столь редкими в этом бедном краю. Их доставали лишь ради особенных дней, и праздник Солнцестояния был одним из таких.

Самым летним и радостным.

Самым древним.

С самого утра деревенские занимались готовкой, выносили на поляну у реки, что возле плеса, скамьи и столы. Стелили скатерти, украшенные знаками солнца и древних начал.

На одной из скатертей, самой старой, — говорили, что ей уже лет сто, — была вышита странная схематичная женщина с крысьей головой. Кто-то из деревенских старух назвал ее госпожой Майей — древней прародительницей.

Никто и не спорил.

В день Солнцестояния в честь нее выбирали из юношей и девушек символическую пару — лорда и леди Майи. Короновали их венками из цветов. Сажали на троны из ветвей ивы сплетенные. Клали к ногам символические дары — первые грибы и ранние ягоды, мелкую речную рыбу и цветные камни с речных берегов.

— Кто в этом году будет лордом Майи? — выясняли деревенские девчонки у колодца.

— Да понятно кто, — объявила дочь пасечника Ирэна. — Сын сиятельной госпожи. Егс выберут — уж больно гость знатный.

— Думаешь? — усомнилась ее троюродная сестра по матери Грэтта, но, прикинув так и эдак, согласилась. — А вообще, да. Кого ж еще выбрать?

— Уж не Турма же дурака? — раскатисто хохотнула громогласная Фая, чуть не перевернув наполненное и отставленное в сторону ведро.

— Говорят, его твой отец тебе в женихи прочит? — поддразнила ее Ирэна.

— Да не... — тут же смутилась Фая, покраснев щеками. — Брешут...

— Был бы он лордом Майи, тебя бы, Фай, в леди Майи избрали, — загадочным голосом произнесла Грэтта. — Да-да. Парни, если лордами становятся, всегда своих стоворенных невест выбирают.

— Интересно, кого этот выберет, — заговорщицки понизила тон Фая. — У него невесты тут нету. Да и не пристало такому знатному господину из селянок себе леди брать, хоть и шуточную...

— Кого захочет, того и выберет, — озорно хихикнула Грэтта. — Мы посмотрим.

— Может, он бабусю Карлу к себе позовет ради потехи, — загоготала Фая и все-таки опрокинула ведро.

— Вот она тебе задаст, если узнает, что ты ее потешной обозвала, — снова принялась подтрунивать над подругой Ирэна. — Бабуся Карла ого-го какая! Всех за пояс заткнет. Я б ее леди Майей без лишних разговоров назначила.

— Не леди Майей, а леди Майи, — поправила ее Грэтта. — Майа — это древняя мать, а лорд и леди ей служат.

— Ага, — отмахнулась Фая и вновь открутила тяжелый ворот. Ведро гулко ударилось о воду. — Я так танцевать хочу, аж ноги горят. А лордом с леди, думаю, какую-нибудь пару из старших выберут. Обычно ж выбирают тех, у кого свадьба на днях.

— Самых красивых выбирают, — зевнула Ирэна. — Мне это не грозит. К счастью. Не

люблю у других на виду быть.

— Да красивая ты! Красивая, — попыталась похвалить ее Грэтта.

— Некрасивая, — отрезала Ирэна рассерженно. — Я же сказала. И красивой зваться не хочу. Проблем от той вашей красоты больно много...

Лили молча наблюдала за их беседой, стоя в сторонке, как тень. Соседки не особо с ней общались, хоть она и тянулась к ним робко. Как могла. Не знала, как заговорить и о чем.

— А ты хочешь, чтобы тебя выбрали? — вдруг спросила ее Грэтта на полном серьезе. Отступила от колодца, позволяя взяться за ручку ворота и спустить вниз ведро. — А, Лили?

— Нет, — раздалось в ответ. — Не хочу.

Грэтта задумалась:

— В том году все хотели, а в этом многие не хотят.

— Леди Майи во время праздника слишком много внимания, — поделилась Лили своими догадками. — К тем девушкам, что в прошлые года ими были, потом женихи свататься приходили сразу. Мне этого не нужно.

— У тебя же есть жених вроде? — спросила простодушная Фая, не сообразив, что резанула по больному.

У Лили сердце забилось, и потупил меж лопатками пот. Нерин Март. Остро в памяти всплыло его лицо, пугающее, неровное, обрамленное неприятной бородой...

Она промолчала.

Ирэна вступилась за нее.

— Не хочет Лили такого жениха. Не зря ж на охоте от него весной сбежала. Думай, Фая, прежде чем говоришь. Она трясется вся, видишь?

— А мой прошлый жених на охоту не приехал, — послушно перевела тему Фая. Поделилась расстроено: — Я всю зиму готовилась, наряды вышивала и приданое, а его разбойники убили.

— Брат сказал, что он сам от старости помер, — скептически заметила Грэтта. — Ему ж за пятьдесят было. Мой брат двоюродный одного купца на ярмарки сопровождает в качестве охранника. Тот купец Фаиноного жениха прошлого знал. Говорил, что разбойники напали, да только даже рубануть не успели — старик сам с коня о землю брякнулся со страху. И все...

— Ну, хватит! — резко оборвала Фая неприятную тему. — Что было, то было. — Щеки ее зарделись, но она все же выдала признание: — Мне и правда Турм больше нравится. Он молод и собой хорош, так что...

— Глупый же как пробка! — заспорила Грэтта.

А Лили наполнила свои ведра и пошла домой.

Праздник ее не радовал.

Тревожил.

От него веяло охотой...

Уже вечером, в разгар гуляний, она пряталась в тени ракитового куста, не желая идти к общему столу. А потом с плетеного трона, с недостижимой, поднебесной высоты голос Йона назвал ее имя.

Лили не сразу поняла, что произошло, но чужие руки тут же вытянули ее из укрытия и подтолкнули в спину. Пришлось идти вперед через толпу в сияющую огнями свечей неизвестность.

И в конце ее был Йон в венке из донника, улыбающийся и счастливый.

Грянули песни. Зазвучала музыка.

Йон протянул Лили руку.

— Ничего, что я выбрал тебя? — спросил виновато, с трудом перекрикивая шум.

— Ладно уж... — хмуро отозвалась Лили и села рядом с ним на место, положенное леди Майи.

— Тебе тут не нравится? — спросил ее Йон, наклонившись к самому уху. — Давай сбежим отсюда?

— Давай. — Лили покосилась на родителей и соседей, увлеченных танцами.

До новоиспеченных лорда и леди никому уже не было дела.

Дождавшись новых волн праздника, более яростных, стремительных громких, они улизнули, оставив плетеные троны пустовать. Пронеслись вихрем через ручеек из множества рук, бросились в разные стороны зайцами, потом снова встретились и помчались со всех ног к реке.

Там было тихо и безветренно.

Спокойно.

Лили и Йон просидели там до самого конца гуляний, пока все не утомонились и не разошлись по домам...

Вернулись в три часа ночи, разошлись по своим комнатам и легли спать.

А через пару дней после праздника Иханна с сыном уехали.

После этого Лили долго боялась, что к ним снова придет в гости Керед-охотник и расскажет новости...

Он пришел, но вещал только о том, как его пасеку разорил медведь.

И Лили сразу стало спокойнее.

Хати-Йоремуне всегда был самым дальновидным и изобретательным из всех хати. И теперь он радовался успеху своей последней задумки.

А задумал он нечто, что еще ни разу не приходило в голову его собратьям хати — изучить свойства смешанной крови. Многие ошибочно считали, будто хати и люди не могут иметь общих детей, но иногда это правило не работало.

Совсем.

Полукровок рождалось если не много, то вполне достаточно, но о них не принято было говорить. Жизнь их, правда, зачастую висела на волоске. Кто-то рождался слабым или нежизнеспособным — две крови мешались в разных пропорциях и порождали гремучую смесь, отравляющую своего носителя изнутри. Других уничтожали сами же родители, боясь разлада между двумя столь разными народами.

Небожители не любят, когда им в лицо тычут прошлыми ошибками.

Хати-Йоремуне был первым, кто обратил на полукровок внимание. Его заслуживали не все из них — лишь избранные, самородки с верной пропорцией крови.

Распотрошив нескольких таких, Йоремуне углядел в плодах любви столь разных созданий как хати и люди силы, спящие глубоко внутри.

Почти у каждого бастарда, дожившего до рубежа детства и отрочества, имелись такие силы. Но только у некоторых они могли пробудиться и быть задействованы.

Так Йоремуне решился на эксперимент. Он объявил своим подчиненным, что хочет создать гвардию из сильных, послушных и абсолютно новых для этого мира существ. Он знал, что все может не получиться, пойти крахом, и все же рискнул...

На белоснежных плитах дворцового двора стояли теперь перед ним, вытянувшись по стойке смирно, два с лишним десятка полукровок-подростков. Они старательно тянули вверх подбородки и разворачивали узкие, еще не набравшие достаточной шири, плечи, пытаясь казаться выше и мощнее, чем есть на самом деле.

Но Хати-Йоремуне вполне устраивало и то, что есть.

Парни были вполне хороши. Пропорциональные черты лица, чуть вытянутые крупноватые носы, с едва заметной горбинкой, миндалевидные разлетистые глаза и волосы особых, чистых с драгоценным отливом цветов — все выдавало в них примесь кровей духов. Да и по людской линии были они вполне породисты. Конечно! Уж не с простыми селянками проводили небожители свое приятное время...

Помнил Хати-Йоремуне, что в его времена приглашалась в поднебесные чертоги исключительно знать. Да не какая-нибудь там, а все из близкой к царям-королям родни.

Так что вполне хороши его полукровки.

— Как они вам, господин? — поинтересовался Офу, верховный вожак своры верных великому духу воинов-хенке.

— Превосходны, — кивнул ему Йоремуне.

— Можно вас спросить кое о чем, господин?

— Спрашивай.

— Почему только юноши?

— Потому что с ними мне будет легче справиться. Девам в этих краях приходится несладко. Именно поэтому большая часть моих соплеменников, попав сюда, выбрала

мужские ипостаси. А женщины... Всегда в подчиненном положении, без возможности решать за себя и жить согласно собственными стремлениям и мечтам — такое существование любого сделает недоверчивым и осторожным. Яростным. Непредсказуемым. Опасным.

— Да уж, незавидная тут у человеческих женщин судьба, — склонил голову Офу. — Если бы мы так скверно относились к собственным сестрам, они бы давно перегрызли наши глотки.

— И все же я нечасто вижу ваших сестер в Куттане и окрестных землях, — заметил хати.

— Мы оберегаем их от людей. От их грязных устоев и привычек.

Глаза хенке гордо сверкнули. Дух же задумчиво потеревил подбородок:

— Вот так, под видом заботы, одни и поработают других... Впрочем, стоит перевести столь скользкую тему. Итак, что тут у нас?

Хати прошелся туда-сюда вдоль притихшего ряда, внимательно заглянул в каждое лицо, осмотрел с ног до головы каждое тело.

Вдруг кто-то все же не хорош?

С превеликим усердием он отыскивал и отбирал их, кропотливо отсеивая лишний мусор. И теперь, когда селекция, наконец, была завершена, великий дух наслаждался плодами своей работы.

Иногда он хмурился, резко приближался к кому-то из полукровок и осматривал в раздумьях с головы до ног.

Вот этот вот, например? Крайний? Худоват. Хотя, вполне себе маслястый. Хорошая кость — большая. Веса он еще наберет. И плечи раскроются — как цветок, распустятся. Это уже заметно, как неестественно широко расходятся они над зажатой пока грудной клеткой...

А взглядом этим тоскливым, с красивой грустинкой, он и вовсе принц. Точно, принц. Принц и есть... Это ведь обещанный мальчишка Иханны. А отец его — кто-то из Эндрюзов. Эти самые Эндрюзы — очень старый род, который когда-то был королевским, но после Ройсы его подвинули...

А парень хорош. Между прочим, уже колдует...

— Господин великий хати! — раздалось вдруг из-за спины.

Йоремуне медленно обернулся, отыскал глазами того, кто самолично — без разрешения, без команды, — осмелился заговорить с ним. Взгляд упал на худого беловолосого парня, стоящего в самом конце ряда.

Дух приблизился к нему вплотную, посмотрел сверху вниз. Вопросил строго:

— Как зовут?

— Валари, — был ответ.

— Из какого рода ты?

— Не из какого.

— Как это? — нахмурился Йоремуне, а потом вспомнил. Точно, это тот, которого мать в большом секрете от чересчур ревнивого мужа держала и сразу после рождения отправила подальше — в глухой горный монастырь у края купола. Потом монастырь разрушили повстанцы из Куттана, и малец оказался на улице, среди городских нищих... — Можешь не продолжать, Валари. — Дух милостиво улыбнулся. — И впредь не болтай, когда тебе слова не давали.

Но парень не унялся. Последнюю настоятельную просьбу помалкивать, кажется, мимо

ушей пропустил.

— Скажите, зачем нас тут собрали?

— Какой ты любопытный, Валари. Не в меру любопытный. Ладно, расскажу тебе все, иначе замучаешь своими вопросами. И остальным тоже. Чуть позже. А пока вам достаточно понимать, что собрали вас тут ради одной важной миссии. И за это вы должны быть по гроб жизни благодарны судьбе и мне.

Он еще раз придирчиво осмотрел всех парней и, удовлетворенный увиденным, велел своим помощникам увести их и распределить по комнатам — каждому выделить по личным покоям и по слуге. Уже завтра мальчишек ждут тренировки и учеба. Йоремуне сам станет учить их магии. Специально нанятый учитель-мечник, известнейший в стране, займется с ними фехтованием. И еще один — непревзойденный копейщик. Найдутся и лучники и арбалетчики, и мастера рукопашного боя.

И многие другие.

Лучшие!

А пока мальчишки учатся, Йоремуне завершит свои многолетние поиски и добудет останки древних зверей — чудовищных хищников эпохи Рассвета — чтобы подготовить достойные ипостаси для своих питомцев. Тогда сила Рассвета сольется с всепоглощающей сутью хати и воплотится в обновленном теле земного существа — человека. Великий тройственный союз: древнее, нынешнее и будущее.

Даже почти разрушенный Эводеон внушал трепет.

Таких мест не осталось больше нигде.

Таких зловещих и величественных мест.

Старые камни, столь огромные, что сдвинуть с места их смогли бы, кажется, лишь великаны, были покрыты вязью древних символов и узоров. Грандиозные статуи таращили беззрачные глаза. Чьи это были глаза — уже забылось. Быть может, монстров, быть может, богов...

— Ну и местечко, — бормотал, ежась, Роггу.

— Не хуже дома у дороги, — отозвался Валари.

Взгляд его непрерывно двигался по стенам, потолку, полу. Полукровка изучал все, стараясь не упустить ни одной детали. Белый мрамор. Тут много белого мрамора. И еще какие-то материалы, которые сложно сходу определить. И эта монументальность. Говорят, тут жили боги? Похоже на то...

...но пришло время новым богам поселиться тут.

Валари радовался, что все его товарищи — Роггу, Дарэ, Демин, Никадо и даже злобный Хэйя — прошли отбор. Стая в старом составе и дальше будет лишь расти.

Стая!

Валари прекрасно понимал, что далеко не все из оказавшихся в Эводеоне полукровок жаждут признать его лидерство. Был среди них, например, избалованный (хуже, чем Демин) и задиристый (все же далеко не такой задиристый, как Хэйя) Уилтер. Статный, высокий и ловкий, он умудрился простоять несколько долгих минут в драке с непобедимым слепцом. Упал он, лишь когда кровавые водопады из рассеченных бровей залили глаза. Потом пришли хенке, наказали всех, но слава — есть слава. У единожды вознесшегося ее сразу не отнять.

К Уилтеру сразу присоединилось несколько парней. Полукровки Хати-Йоремуне поделились на два противоборствующих лагеря. Это злило Валари, ведь им нечего было тут

делить, но Уилтер, возомнивший себя великим лидером, упивался властью.

— Только скажи, и я снова поколочу его, — тихо рычал себе под нос Хэйя. — Зачем ты меня останавливаешь, Кошачья Походочка?

— Тебя жестоко накажут. Скайскиф спит и видит, как бы переломать о твой хребет очередную порцию розг. К тому же мы не враги Уилтеру.

— Он заносчивый и вредный.

— Ты тоже заносчивый и вредный. Это ничего не меняет. В окружении целой своры хенке мы не можем разбрасываться потенциальными союзниками.

Хэйя шмыгнул носом, поморщился раздраженно.

— Вечно ты со своими стратегиями. Ты будто военачальник на поле боя.

— Так и есть, — ответил ему Валари.

— И кого ты тут хочешь победить? — недовольно бросил слепой. — Йоремуне?

— Я хочу уберечь как можно больше жизней, — прозвучал уклончивый ответ.

— От чего?

— Не знаю.

Впереди их ждало много испытаний. Постоянные тренировки — жестокие и кровавые, в духе Скайскифа. Вылазки на Пустошь, в самые неприветливые ее части, где еще уцелели стародавние ловушки древних.

Это было самым неприятным. Древние не жаловали гостей и встречали их далеко не хлебом и солью. Однажды Валари чудом не угодил в огромный капкан. Стальная пасть раскрылась под ним, готовясь перекусить пополам...

А Хэйя, не рассчитав прыжка, свалился в яму с кольями. Хорошо, что время иссушило их, и острия не пробили доспех слепца — сломались под ударом.

Один полукровка, Вир, самый неуклюжий и невезучий из всех, сломал ногу, угодив в капкан. Ржавчина воспалила рваную рану, и он чуть конечность не потерял. Парня по имени Марли придавило камнем, сломало ребра, и он ходил теперь весь сгорбленный, скрученный, как улитка, боясь развернуться и даже вздохнуть лишний раз — такая боль пронизывала тело при слишком глубоком вздохе. Вархо повезло еще меньше. Он рухнул в укрытую мхом ямищу с какой-то зеленой жижей на дне. Эта жижа разъела его одежду и кожу так, что пласты плоти сходили чуть не до костей...

Так, вот, и жили.

И тренировались, в ожидании чего-то, о чем Йоремуне не торопился им рассказывать. Оптимисты думали, что уж после таких-то испытаний точно получают великую силу, а Валари ничего хорошего не ждал.

Ждал чего-то плохого.

И неизбежного.

Глава 15. Встреча

Прошло 3 года

Лили стояла, опираясь локтями на гнутую лагу старого забора, и смотрела, как тянутся по улице телеги северян. Запряженные холеными лошадьми и груженные богатым скарбом, они уносили из Нерки последние остатки нехитрой местной роскоши и надежды на лучшую жизнь.

Жизнь за последнее время сильно поменялась.

Владыка Тарх устроил очередную охоту на северных язычников. Назревала буря, и первые дыхания ее ветров пришли в земли Райлы, некогда гордой, а нынче тихой и покорной. Карательные отряды Куттанского владыки двинулись со стороны Города-Солнце на запад, чтобы заранее припугнуть недовольных и в зародыше подавить возможные бунты. Следом за солдатами должны были прийти адепты Бога-Солнце, но пока они собирались и раздумывали, кому отправляться в бедную неуютную Райлу, их опередили пронырливые последователи Эвгая...

Караван тек.

Одна из телег встала возле дома Кереда-охотника. Тот вышел, оглядел недовольно беженцев. С облучка ему навстречу соскочил дородный безбородый мужчина и, красноречиво звякая кошельком, попросил принести шкуры и соленое мясо.

— Дорого возьму, — недоверчиво буркнул Керед-охотник.

— Не пугай, деньги есть.

Пока они говорили, Лили обошла телегу с противоположной от соседа стороны и позвала девушку, что сидела на вещах. Старая знакомая, Элла, с которой неплохо общались в детстве да разошлись из-за нелюбви отца Лили к северянам, радостно махнула рукой.

— Уезжаете? — с завистью спросила Лили.

— Ага. От Эвгаевых псов житья нет, вот и уходим обратно на север. Там хоть холодно, зато никто в душу не лезет со своими гнилыми порядками, — поделилась Элла, убирая в чехол нож, которым, коротая только начатый путь, резала из деревяшки ложку. — А то, ишь, придумали! Девицам в поле не работать, оружия и инструмента в руки не брать портов не носить и простоволосыми не ходить!

Она тряхнула гривой черных волос, обрезанных чуть ниже лопаток. Местные нерковские такого себе пока не позволяли. Лили же в тайне решила, что тоже однажды обязательно обрежет ненавистную косу. Прежде всего потому, что за эту густую рыжую косу при первой встрече похвалил ее Нерин Март.

Лили сжала кулаки.

— Собраться бы всей Неркой, да вытурить Эвгаевых псов с нашей земли.

— Не вытуришь их, — покачала головой Элла. — Они, что крысы. Одних переловишь, другие придут. Пока их где-то кормят, будут только плодиться.

— Кто ж их кормит?

— Владыки и война, — хмуро произнесла Элла. Подумав немного, кивнула на место рядом с собой. — Поехали на север, там тебе будет лучше. Ты наша по духу.

— На север... — Лили растерялась и обрадовалась одновременно. — Сейчас не могу. Если родители увидят — развернут. Я вас ночью нагоню. Коня отцовского с конюшни сведу и нагоню.

— Давай. Это твой шанс, не упусти его, — сказала Элла.

Лили покинула деревню, когда на окрестные поля и леса опустилась теплая летняя ночь. Лошадь шагала тихо, словно вступив с беглянкой в сговор. В заброшенном сарае на окраине Нерки шуршали ночные зверьки. Они умолкли, когда девушка проехала мимо.

За деревней, в поле, что тянулось к леску, за которым начинался тракт, Лили поехала рысью, радуясь внезапной воле и ночной прохладе.

Уходить из дома было отраднo и одновременно удручающе. Родители слишком сильно приучили, прирастили ее к себе. Всякий раз внушая дочке, что она живет неверно и решения принимает не те, они почти лишили ее веры в собственные правоту. Теперь Лили обходилась одним упрямством, хоть некоторые и считали, что на одном упрямстве далеко не уедешь.

Но Лили уехала!

Когда она, ликующая, влетела в перелесок, со стороны тракта к ней свернули всадники. Их было пятеро. Подъехали, окружили.

— А вот и невестушка моя встречать нас подроспела, — подал голос один из них.

Бурый капюшон слетел с лохматой головы предводителя всадников.

Лили вздрогнула.

На нее высокомерно и жадно смотрел Нерин Март. Его лицо, потрепанное непогодой и битвами, стало еще неприятнее. Март и прежде не блистал элегантностью, а теперь и вовсе стал пугать — выглядел сущим головорезом с большой дороги. Что-то подсказывало Лили, что впечатление это недалеко от истины.

— Славная девка, — рыкнул один из спутников жениха, квадратный, рыжебородый детина. — Может, поделишься ягодкой с товарищами?

Он слюняво причмокнул губами и подмигнул Лили бесцветным глазом. Девушка поежилась, судорожно тиская в руках поводья. Что делать? Попробовать сбежать? Вряд ли получится. Ее лошадь — обычная деревенская работяжка. У Мартовых спутников кони побыстрее будут.

— Ты губу-то не раскатывай, Брон, — по-волчьи оскалился на рыжего Нерин. — Она моя невеста, а не какая-нибудь продажная девка. Моя она. Ясно? Так что не пялься, не про твою честь. У нас скоро свадьба, там, глядишь, среди подружек ее и себе сочную бабенку приглядишь. — Он подхватил под уздцы коня Лили. — Поспешим в Нерку. Жрать хочу после долгой дороги.

Лили бросила тоскливый взгляд на мелькающий за деревьями тракт и склонила голову к лошадиной гриве, чтобы никто не увидел подступивших к глазам слез.

Дома про побег Лили быстро забыли.

Никто из родителей не воспринял ночное исчезновение дочери всерьез. Отец пожурил, мать похмурилась, после чего их всецело поглотило неожиданное прибытие Нерина Марта. Его встречали, как короля. Лили подумалось, что даже матери Йона, сиятельной Хати-Иханне, не выражали в этом доме столь искренней радости по поводу приезда.

А Нерину Марту и его головорезам обрадовались, как родным.

Лот и его жена метали на стол разносолы, шутили, улыбались.

Даже драгоценную бочку вина, припрятанную на черный день, выкатили из подполья.

Лили злилась, но поделаться ничего не могла. Три года она жила относительно спокойно,

как хотела: общалась со сверстницами, даже с Эллой-северянкой, от которой старательно отваживали ее отец и мать, или сбегала на Пустошь, где учила древний язык и читала книги, в основном, тот самый, подаренный Табитой, Некрономикон. Лили унесла его из дома и оставила под присмотром костяного зверька...

Зверек приходил к ней каждый раз, когда она по веревочной лестнице спускалась в библиотеку. И, кажется, радовался. Лили привыкла к странному существу и переживала, если страж книг, вдруг, по каким-то причинам не появлялся.

И вот теперь, с возвращением Нерина Марта, беззаботная жизнь должна была подойти к концу.

Закончиться навсегда.

— А ты хорошо округлилась, — заявил жених, сидя рядом с Лили за ужином. — Жду не дождусь брачной ночи.

Он довольно хохотнул, и побратимы — так Нерин называл своих спутников — поддержали его дружным гоготом.

Рыжий Брон снова подмигнул.

Лили потупила взор, уткнулась носом в еду, больше всего на свете желая взять тарелку и вылить из нее горячую похлебку прямо на головы горе-жениха и его дружков.

В дверь постучали.

Мать открыла и тут же согнулась в благочестивом поклоне. На пороге, выкатив укрытое блестящей алой тканью пузо, стоял священнослужитель Эвгая.

Его звали учитель Мун.

Он прибыл в Нерку во главе группы миссионеров. Приехав, сразу потребовал от местных денег на возведение временного храма. Деревенские рады были бы отказаться — да, вот проблема! — вместе с миссионерами прибыли шестеро вооруженных воинов в алых плащах богозащитников, с которыми спорить никто не рисковал.

— Да будет свят этот день, — слащаво поприветствовал присутствующих Мун. — Могу я войти?

— Конечно, учитель, милости прошу, — засуетился Лот, приглашая священника присоединиться и занять самое почетное место за столом. Уступил свое. — Мы рады, что вы решили посетить наш скромный дом.

Мун сразу перешел к делу.

— Я слышал, у вас дочка на выданье? Сколько ей?

— Девятнадцать. Скоро будет двадцать.

— Ай-ай-ай, какая жалость, — поджал узкие губы гость. — Знаете ли вы, что благочестивые девицы не должны ходить не пристроенными после восемнадцати лет? Мы прибыли сюда по воле великого Эвгая, чтобы донести до местных жителей его заветы и его благодать. Наша цель — просветить людей и сделать их жизнь менее греховной. Избавить от искушений, понимаете? А незамужняя созревшая дева полна соблазнов.

— Не переживайте, достопочтенный Мун, — успокоил священника Лот. — Моя дочь уже давно сосватана за достойного человека. — Он указал на Нерина Марта. Тот гордо кивнул. — Наш будущий зять был призван на службу, а дочка дожидалась его, как и положено честной, богобоязненной невесте.

— Какая хорошая девочка, — похвалил Лили Мун. — Значит, у тебя скоро свадьба? Почему же ты сидишь, такая хмурая, дитя мое?

— Потому что мне не весело, — тихо ответила Лили.

— Прискорбно, милая моя, — наставительным тоном пожурил ее священник. — Настоящая женщина должна всегда излучать радость и дарить ее окружающим. Таков замысел Эвгая. Тем более, перед свадьбой греховно пребывать в печали. Это же самое счастливое событие в твоей жизни. Так заповедовал нам Эвгай. — Учитель Мун благоговейно воздел ладони к потолку. — Он все видит, и ждет твоей счастливой улыбки. Ну же, милая, не разочаровывай его.

— Выходит, Эвгай поощряет лицемерие? — не сдержавшись, ехидно поинтересовалась Лили.

Лицо священника покраснело от возмущения, губы стали еще тоньше и сжались плотнее.

— Эвгай не поощряет лицемерие, также как и дерзость. Хорошая девочка не должна дерзить. Хорошая девочка должна молчать и улыбаться.

— Так? — Лили натянула на лицо жуткую улыбку, похожую на оскал.

Ей уже было все равно.

Ничего хорошего впереди не намечается. Ильза и Табита умерли, Йон и Элла уехали, побег не удался... Остались только разочарование, грусть и скорая свадьба с ненавистным Мартом. Нечем особо дорожить. Нечего терять.

Отец, приструняя дочку, стукнул по столу кулаком.

— Ты чего себе позволяешь, а? Опозорить меня вздумала? — Лот схватил Лили за шкуру и потащил на улицу. Там, залепив ей несколько мощных оплеух, закрыл в полупустом сенном сарае и запер на тяжелый засов. — Посиди тут и подумай о своих словах, дура...

Лили не выпускали из сарая до следующего вечера.

Трижды мать приносила ей воду и еду, смотрела, молча, с укоризной. Как ты могла так дерзить важным людям, мол.

Лот ругался на жену, дескать, нечего наказанную кормить, но женщина возмущалась. Что будет, если девушка на выданье станет плохо питаться? Отощает, формы растеряет...

Радовало одно — Нерин не приходил до самой полуночи.

Когда на деревню опустилась тьма, он все же заявился к сараю, и, стоя за дверью, принялся запугивать невесту.

— Ты мне тут характер свой дурной тут не показывай! Вот приедем ко мне домой, сразу по-другому запоешь. Помалкивать в тряпку у меня будешь, ноги раздвигать, суп варить и рожать, пока не издохнешь.

Лили молчала, мысленно перебирая варианты самых болезненных пыток, которые она пожелала бы жениху. И когда ярость ее достигла высшей точки, в голове гулким эхом раздался мертвенный голос тайной твари с Пустоши.

«Жертва... .. Люмафора... Можно...».

Наконец ворчание обиженного жениха сменилось глухими шагами в сторону дома и долгожданным одиночеством. За стенами сарая натужно стрекотали цикады, где-то вдали собака выла на луну. Из раскрытого окна разносились громкие разговоры. В обрывках резких фраз Лили разбирала претензии Нерина и оправдания родителей.

Вскоре дверь дома со скрипом распахнулась, и на крыльцо вывалился изрядно подпивший спутник Марта, тот самый Брон. Помочившись со ступеней, он подошел к сараю и, оглушительно рыгнув, постучал кулаком по двери.

— Эй, девка, выйди-ка ко мне, пока твой женишок не видит.

— Пошел прочь, — прошипела Лили, отступая вглубь темного помещения.

На хлипкий ржавый замок, ключ от которого спрятал на груди Лот, надежды было мало.

— Да, не ломайся ты, глупая, все равно ему тобою с товарищами делиться.

Лили стиснула зубы. Она молчала, всей душой надеясь, что пьяный придурок уберется обратно в дом, жрать баранью похлебку, пряный аромат которой сочился через щели в стенах.

За дверью раздалась возня. Звякнул замок — назойливый соратник жениха пытался отпереть его. Не получалось. Брон, ругаясь и сопя, принялся стучать по петлям чем-то железным.

— Я собью эти проклятые петли и вытяну тебя оттуда за волосы, девка... Даже не думай... — бормотал он. — Нерину придется поделиться... И он пусть тоже не думает...

Лили отступила еще дальше в глубину сарая, подыскивая, чем защититься. Под руку попались старые вилы с обломанным зубом. Лучше, чем ничего. Если действовать быстро, вполне возможно, что...

Времени на раздумья не осталось. Под напором громилы-Брона дверь слетела с петель и рухнула вовнутрь. Луна очертила квадратный мужской силуэт. Воздух сотрясло тяжелое дыхание. Пахнуло винным перегаром.

Крепче стиснув вспотевшими ладонями вилы, Лили вжалась спиной в бревенчатую перегородку, что отделяла хозяйственную часть от сеновала. Два острых металлических зуба, покрытых ржавчиной, будто коростой, не внушали особых надежд. Бить придется изо всех сил в лицо, или в горло. Бить может, получится попасть с первого раза.

Второго не будет.

— Девка, тащи свой зад сюда... Кс-кс-кс, — прорычал, отдышавшись, мужчина.

Его фигура вдруг подсветилась каким-то странным сиянием. После чего земляной пол содрогнулся и со скрежетом разошелся в стороны, разверзнувшись прямо под носом обалдевшего Брона.

Бородач даже вскрикнуть не успел — провалился в открывшуюся щель и застрял. Лишь ноги в дорогих сапогах торчали теперь кверху.

Дергались.

Страшная трещина доросла, дотянулась до Лили и остановилась перед ней. Осторожно ступая по краю, в сарай прокралась стройная фигура, приблизилась к девушке.

Лили машинально выставила вперед вилы.

— Не подходи!

— Это я, Йон, — позвал знакомый голос. — Я хочу помочь...

Это и вправду оказался Йон, но узнать его теперь было сложно. За три года разлуки он повзрослел, окреп и раздался в плечах. Его кожа чуть заметно мерцала в темноте, с пальцев правой руки все еще сыпались магические искры.

— Как ты тут оказался? — Лили неуверенно отставила вилы и сделала шаг навстречу. — Ты же уехал в Эводеон.

— Эводеон не так уж и далеко отсюда, — улыбнулся парень. — Всего-то пару дней по непролазной Пустоши поплутать. Конная дорога идет кругом, напрямую тут совсем близко.

— И все же, почему ты не там?

— Сбежал. — Йон протянул старой знакомой руку. — Тебе предлагаю сделать то же самое.

Лили кивнула отчаянно.

Она лишь на миг обернулась, кинув последний взгляд на двор.

Трещина, расщепившая его пополам, сперва разошлась еще немного в стороны, позволив грузному телу Брона провалиться глубже, а потом схлопнулась, словно челюсти гигантского зверя.

— Как ты это сделал? — поинтересовалась девушка уже за околицей Нерки.

— Вода, что живет в глубинах земли, помогает, — туманно ответил Йон.

Перебравшись через заболоченную дождями балку, они вскоре вышли к западным вратам Пустоши.

Порыв ветра принес запах вереска.

Лили глянула на покрытые письменами вечные камни, и сердце ее сжалось от мысли, с какой радостью кинулась бы к этим камням Табита, будь она здесь...

Она взяла Йона за руку и повела за собой.

— Куда мы? — поинтересовался парень.

— Есть тут одно место неподалеку, — ответила Лили. — Там можно укрыться от непогоды и лишних взглядов. Там спокойно.

Пара воронов пронеслась над Пустошью, огласив заполуночные просторы раскатистым карканьем.

— Веди, — согласился Йон и добавил: — Как хорошо, что я нашел тебя.

Глава 16. Звери

— Что за переполох?

Валари отошел от перил балкона, открывающего вид на Пустошь из общего зала ученических покоев.

— Йон совсем ушел. На самом деле, — сообщил запыхавшийся Дарэ. — Даже следы в вереске затерялись...

Он пробежал рысью несколько лестниц и галерей, чтобы донести новость до своего жожака.

— Я, почему-то, не удивлен, — задумчиво протянул Валари, а сам подумал: «Проклятье. Все-таки убежал — полбеды. Беда — вздумай он вернуться. Это будет смерти подобно. Не подобно даже — так и будет. Смерть...»

— Я его понимаю, — подал голос стоящий рядом Хэйя. — Я тоже не прочь свалить отсюда. Надоело. Я все надеялся, что здесь моя жизнь станет поспокойнее, но все катится к тому, что и прежде было.

Он потер скрытый тканью рубахи бок, на котором начал переходить из синевы в зелень огромный синяк. На одной из недавних тренировок его поставил слепому вконец озверевший Скайскиф. Клайф последнее время тоже вел себя суровее обычного. Хенке нервничали и чего-то ждали.

Демин, хромя на обе ноги сразу, проковылял к балкону, свесился через перила.

— Там у них знатный переполох, похоже, из-за Йонова побега случился.

Во дворе, действительно, суетились слуги. Десяток вооруженных всадников готовился выступить за ворота.

Валари отследил их возможный путь долгим пронизательным взглядом. Из-за клубящейся в тумане вереска сирени к главной и единственной, оставшейся от некогда громадного Эводеона цитадели плыли подводы, груженные увитыми цепями ящиками, похожими на гробы. Возле подвод ехали всадники со знаменами Йоремуне. Полуденная луна исходила ветреной рябью на льющейся по воздуху ткани...

— Переполох не из-за Йона.

Валари впился взглядом в процессию. Что это за «гробы»? Очередные загадки Хати-Йоремуне? Хватит уже одной — той, что в самой высокой башне. О ней все полукровки говорят, как одержимые. Шепчут благоговейно и мечтательно: «Дева».

О загадочной деве из башни думал не раз и Валари. Что она такое? Хитрая уловка духа, нужная лишь для того, чтобы играть на любопытстве молодых и пылких учеников? Или она реально существует? Кто она тогда? Такая же пленница великого хати, как и все они?

Или нечто совсем иное?

Подводы въехали во двор. Слуги спешно разгрузили ящики и унесли их в подвал главной башни.

Эти ящики были не первыми, попавшими в подземелья Эводеона. Привозили их и раньше. Валари видел, как это произошло, еще месяц назад, прячась на заросшем сиренями склоне холма, что к северу от городской стены. Тогда с ним был Йон.

Йон жаловался на побои Скайскифа.

В то самое время Скайскиф жаловался Йоремуне на непокладистость Йона, тер отшибленный камнем подбородок... Духу же в тот момент было не до учеников, поэтому

возмущения хенке он проигнорировал...

— Я уйду, — сказал тогда Йон, сидя рядом с Валари в зарослях сирени на холме. — Я изгой. Я чужой тут.

— Мы оба изгой, — ответил ему Валари. — Может, все остальные тоже. И не только тут. Везде. Не уходи от нас. Здесь ты с нами. А мы стая. Стая — сила.

— Чтобы быть в стае, надо родиться зверем, но я не зверь. Звери сильные, а я слабый.

— Стая для того и нужна, чтобы слабым жилось легче под защитой сильных. Поэтому оставайся тут, в укрытии, чтобы хенке тебя не нашли и не наказали. Мы будем приносить тебе еду...

Валари было искреннее жаль этого странного, совершенно неприспособленного к жизни паренька, которого даже Хэйя не попытался побить при первой встрече... Скайскиф и Клайф ненавидели безобидного Йона и донимали его каждую тренировку постоянными насмешками и придирадками.

На последней тренировке Йон не выдержал, и из-под земли вдруг выбился фонтан ледяной грунтовой воды. Тяжелый камень, подкинутый напором, взлетел в воздух и ударил Скайскифа под подбородок. Челюсти хенке оглушительно схлопнулись. Упал под ноги выбитый клык...

Валари тогда действовал быстро.

Он схватил Йона за шкурку и спешно утащил с тренировочной площадки, пока обалдевший от случившегося Скайскиф не пришел в себя и не принялся карать.

Всех.

Именно поэтому Валари должен был в тот момент оставить спрятанного на холме Йона и вернуться к остальным. Вожак обязан защищать свою стаю.

Всю.

Поэтому, поставив на благоразумие Йона, он вернулся к друзьям, чтобы принять на себя весь гнев Скайскифа...

Повезло им тогда. За полукровок вступился один из учителей, молодой и излишне добродушный (для хенке) Алкир. Он усмирил разгневанного соратника. Тому пришлось подчиниться и оставить учеников в покое, так как Алкир происходил из знатного рода и приходился племянником самому Офу. Спорить с таким неродовитому хенке, вроде Скайскифа, было чревато.

Скайскиф и Клайф никаких особых регалий не имели, так что Алкир легко уладил конфликт и улыбнулся ученикам, показав клыки. Желтые звериные глаза смотрели насмешливо, не зло.

На шее красовался отличительный знак высокопоставленного подчиненного Йоремуне — золотой ошейник с красными, как кровь, камнями. О таком, скорее всего, мечтали Клайф и Скайскиф, но им было очень далеко до их же, хенковской, знати. Знать умела быть пусть не доброй, но милостивой.

Валари уже выяснил, что золотой ошейник для хенке — важный знак отличия. Это значит, что в иерархии своры зверь стоит сразу после верховного вожака.

Всего «золотых ошейников» внимательный полукровка насчитал четыре штуки. Включая Алкира. Были еще «серебряные». Около двадцати. Примерно по четыре штуки на сотню по общим прикидкам.

Всего свора насчитывала сотен пять.

Целая армия чудовищ...

Хотя, высокопоставленные хенке и выглядели иначе, нежели рядовые воины. Утонченнее, что ли. Про Алкира хотелось сказать, что он человечнее других. В прямом смысле больше похож на человека, чем остальные...

После его неожиданной помощи, полукровки облегченно выдохнули и благодарно склонились перед великодушным заступником.

А Йон, оставленный без присмотра на холме в это время, сбежал...

Глядя на Пустошь с высоты балкона, Валари понимал, что зря недооценил решительность Йона, подумав, что разговоры о побеге — пустое преувеличение.

Йон сбежал, не испугавшись последствий — вероятной расправы. Лучше бы ему не возвращаться. Ни под каким предлогом.

И бежать.

Бежать как можно дальше и скорее.

Вся надежда лишь на то, что подводы с «гробами» для Йоремуне и его хенке сейчас гораздо важнее какого-то беглого ученика.

Древние звери, тихо спящие в «гробах» — особый вид драгоценностей. Их истинную стоимость знают лишь хати, простым смертным ее не постичь. И не все хати знают точно, а один — Йоремуне. Остальные только догадываются.

Сразу по прибытии звери были отправлены в глубокие подвалы цитадели. Туда, где веками хранились старые расписные валуны в мшистых шубах и тьма, непрогляднейшая из всех возможных. Лучшая компания для бесценных древних созданий, своими глазами взиравших на Рассвет...

Узревших сияние Эо.

Зверей убрали с глаз долой и будто о них забыли. Хенке с удвоенной жестокостью взялись за тренировку полукровок.

Скайскиф вел себя теперь не только беспощадно, но и подло. Он заставлял учеников подкарауливать друг друга и нападать исподтишка. Кого-то такой расклад устраивал, кого-то — нет. Уилтер устроил на соратников настоящую охоту, в которой страдали все, и Валари пришлось опять разбираться с неуживчивым соперником...

Валари устал.

Смертельно устал от тренировок, от открытой ненависти Скайскифа, от безразличия Йоремуне. Дух смотрел на подопечных ледяными глазами физиолога, разделяющего скальпелем подопытную крысу. В его взгляде читался незамутненный, жестокий интерес исследователя, без сочувствия глядящего во внутренности расчлененного, еще бьющегося тельца...

Валари устал.

И боялся.

Страх неизвестности, подогретый ответственностью за прочих членов стаи, терзал все сильнее с каждым днем. Атмосфера гнетущей таинственности рождала в душе панику. С ними сделают что-то плохое. Лишь для этого их сюда свезли со всей округи...

— Брось, командир, — успокаивал непробиваемый Роггу. — Все нервничаем, но я уверен, ничего худшего, чем есть сейчас, нас впереди не ждет.

— Да уж, — поддержал Дарэ. — Хуже бешеного Скайскифа вряд ли что-то может быть.

— Однажды я убью его, этого вонючего пса, — хмыкнул Хэйя. — Не волнуйся, командир, такой случай нам еще представится, и не знаю как там остальные, но я не буду

раздумывать и медлить...

Валари молчал и смотрел в окно на гаснущий в дымке далекого ивняка закат. Когда несколько лет назад они с бабушкой спустились в темное подземелье, тоже казалось, что страшнее уже не будет...

...но было.

Так случается, что нечто непредсказуемо отвратительное ждет впереди. То, чего предположить невозможно и при большом желании — мерзком, самоубийственном желании придумать и спрогнозировать себе пытку, от которой кровь заледенеет в жилах. Но фантазии обычно не хватает, и реальность страшнее любых фантазий.

Валари помнил про зверей в подвале, нарочито пряча любопытство по этому поводу от посторонних. Пару раз он подбирался непозволительно близко к темному хранилищу, принохивался и слушал. Обычно там было по-кладбищенски тихо, но в один прекрасный день из подземелья донеслись недовольные голоса, а потом там кто-то страшно зарычал.

Через два дня оттуда вынесли завернутое в рогожу огромное существо. По всей видимости, неживое. Потом было еще одно, и еще. Валари следил за происходящим, скрываясь в тени.

В безлунную ночь он почти пробрался к хранилищу, решив спуститься внутрь, но, к своему удивлению, еще на входе понял, что пришел не один. Три фигуры в глубоких капюшонах подогнали к ступеням подводу, после чего вывели из темноты на веревке исполинское животное, похожее на смесь кабана и волка.

Валари четко расслышал, как животное неестественно тоненьким голоском спросило у своих провожатых: «Зачем вы меня увели?», и они тут же зашикали в ответ: «Если хочешь остаться в живых, молчи. А то знаешь ведь, что бывает с неудачными результатами опытов господина? Вот и помалкивай, нас благодарным словом поминая. Сейчас мы тебя надежно спрячем, а потом увезем далеко отсюда в спокойную жизнь». «Что я буду делать в этой новой спокойной жизни?» — снова поинтересовался монстр. «Будешь охранять богатую ферму», — донеслось в ответ. И опять предупреждающее шиканье. Потом скрип подводы под тяжестью исполинской туши, недовольное фырканье лошадей и стремительный побег без следов.

Валари так и не узнал, что именно там был за зверь, и почему Йоремуне счел его неудачным. Попытка найти разгадку породила еще больше загадок. Одно было ясно — дух планирует создать из древних монстров и полукровок некий невероятный сплав.

Интересно — зачем, и интересно — как именно.

Глава 17. Любовь

— И давно ты сбежал?

— Больше недели тому как, — признался Йон, ковыряя мыском сапога мох на вересковой кочке.

Ему не хотелось вспоминать о последних днях, проведенных в Эводеоне. О злобных выкриках наставников, о побоях за неподчинение, об атмосфере постоянной тревоги, тяжелым облаком висящей под потолком ученических покоев.

Там, в обители Йоремне, Йону было сложно дышать. Он ощущал себя чужаком, пришельцем из иной реальности, неспособным вписаться в правила нового мира.

Мира, где людей дрессировали и натаскивали, словно собак.

Скайскиф смеялся, обзывая Йона «маменькиным сынком и тряпкой». Другие полукровки в основном сторонились. Все, кроме нескольких, сбившихся стаей вокруг парня по имени Валари, про которого говорили, будто он бродяга с улиц, сектант из общины городских нищих, верящих в древнюю богиню Эво...

Валари хоть настораживал, зато поддерживал, но этой поддержки катастрофически не хватало, как не хватало воздуха, свободы и гор.

Поэтому Йон и сбежал.

— Там плохо, да? — хмуро глянула на него Лили.

— Да. Там бьют и не любят. В основном.

— Здесь тоже, — девушка обернулась через плечо на невидимую за деревьями Нерку. Печной дым уходил к небесам — единственный указатель. Она исправилась: — Там. Нигде. Нигде не любят. Или... Ты видел иные места?

— Да. Я прежде жил в таком месте. Там меня любили. Жаль, теперь не вернуться. Взял бы тебя с собой.

Йон вспомнил мать и свой замок в облаках. Это первое место, где станет искать его Йоремуне. Туда нельзя.

— А я сама любила, — сказала, подумав, Лили. — Иногда мне кажется, что вся любовь в моей жизни была создана мною же самой...

Она осеклась, подумав вдруг, что говорить так несправедливо. Ведь и Табита, и Ильза, и иные хорошие и добрые люди безусловно давали ей что-то в ответ. Что-то похожее на любовь...

Возможно, и родители тоже ее любили. По-своему. Разрушительно.

Йон посмотрел на собеседницу.

— Почему ты замолчала?

— Я запуталась и устала, — призналась Лили. Она присела на зеленую кочку, ощущая, как тело проваливается в моховую мягкую пустоту, откинулась головой на расписной валун. — Знаешь, за свою коротенькую жизнь я поняла, что не нужно мне никакой любви, уж больно ноша тяжела. Ведь, если по-моих-родительски рассуждать, то искренняя любовь — это блажь, и лучшая любовь — устроиться в чужом богатом доме сыто и бездушно, отказавшись от своего тела и мечтаний. А как по-твоему, а?

— Любовь — это значит заботиться и защищать, принимать, как есть, — заученно произнес Йон заложенную матерью истину, над которой он, если говорить честно, никогда прежде особенно не задумывался.

— От кого же защищать? — Лили чуть заметно усмехнулась краем губ.

Была в этой усмешке боль. Йон отчетливо прочел ее. Он и сам понимал, что фраза банальна, но другого понятия у него пока не имелось.

Поэтому он ответил:

— От тех, кто хочет разрушить.

— Да, — согласилась вдруг Лили. — Так и есть. И все же без чужой любви плохо, и своей собственной к себе недостаточно, когда все кругом... Послушай... — Она снова осеклась, прищурилась, пару мгновений не решаясь предложить нечто очень важное, почти судьбоносное. Потом решилась. — Мы ведь можем любить друг друга... Эй! — одернула недовольно, заметив, как Йон смутился, огорошенный ее предложением, и щеки его зарумянились. — Я не в том смысле! Я в другом, в правильном.

Она посмотрела на собеседника ясными, чистыми, незамутненными глазами, подтверждая горячей в душе незыблемой уверенностью правоту собственных слов.

Йон кивнул.

Такой «правильный» смысл его устраивал. Он понял, что хотела донести до него Лили, и принял это, соглашаясь.

— Можем. Что нам еще остается?

Пустошь была милосердна и благосклонна — надежно скрыла от чужих глаз в своей вересковой бесконечности.

Тайная библиотека стала домом.

Пустошь кормила.

Лили каждый день приносила к небольшому, собранному наспех из каменных обломков очагу тушки мертвых кроликов и куропаток. Они периодически обнаруживались поблизости. Йон предположил:

— Мможет, есть их не стоит? Вдруг от болезни или яда пали?

Лили сказала, что голодно, а охотиться никто из них двоих толком не умеет.

И еще она совершенно не боялась смерти. Это пугало и одновременно завораживало Йона. Рядом с ним человек, которому нечего терять... Жутко. Он сам ведь не такой. Он вырос в уюте, покое и мире. Или собственное прошлое кажется ему слишком безоблачным?

Вскоре стало ясно, что тушки животных добывает и приносит костяной зверек.

— Это она, — сказала Йону Лили. — Люмафора. Так ее, похоже, зовут.

— Ты говорила с ней? Как с тем твоим зверем в глине речного берега? — заинтересованно спросил Йон.

— Да. Она по-странному разговаривает. Так, будто почти не знает человеческой речи. Ее трудно понять.

— Ясно, — кивнул Йон. — Смотри. — Он сделал пасс рукой, выманивая из-под вересковой крутины звонкую нитку ручейка. — Я нашел чистую подземную воду, которую можно сюда привести и оставить родником у входа. Это оказалось непросто сделать тут, на Пустоши.

— Почему? — удивилась Лили. — Ты ведь раньше так ловко с подземной водой обращался?

— Тут она вся в каменные трубы и колодцы закована. Еще и зачарована — не слушается меня совсем. Свободных ручьев поблизости нет, пришлось вести из-за стены и петлять вокруг всех этих подземных водопроводов, но у меня получилось.

— Хорошо, что больше не придется из луж и канав пить.

Они посмотрели друг на друга, улыбаясь.

Лили подумала, что зря считала Йона слабым и неприспособленным к жизненным трудностям. Он не слабый. А главное — не трус. Вон как лихо с Броном разобрался. И тут, на Пустоши живет с ней вместе в подземной норе, питаясь подножным кормом и дождевой водой все это запивая. Он к другому, наверное, привык. Он с хати жил, но ничего — и здесь не жалуется.

Йон же думал о том, что Лили не боится ничего потому что, наверное, очень сильная. Ее сила, — если это вообще можно так назвать, ведь сила бывает только у хати, да еще у некоторых редких полукровок, — имеет свою собственную, особую природу. Мощь, что заставляет мертвецов говорить и помогать... Что это такое? Чем бы ни было — оно достойно восхищения...

Потом Йон зажарил очередного Люмафоринного кролика.

Лили наелась до отвала, и они, закутавшись в найденные за стеллажами шкуры, уснули рядом в библиотечной тишине.

В этих шкурах прежде были завернуты стопки книг.

Теперь фолианты лежали аккуратной стопкой на плоском камне, заменяющем стол. Лили заглядывала в верхнюю книгу — та, как и Некрономикон Табиты, были на терском. Со страниц глядели странные существа. По большей части люди, но иногда и нелюди. У каждого имелось имя. Странное.

Всего их было семьдесят два, и каждый сулил нечто ценное.

— Эта книга не для царей, — задумчиво пробормотала Лили, вплетаясь взглядом в замысловатые фразы.

Она почти выучила терский. Сама не заметила как. Забытый язык прилипал к гортани, как тягучий мед. Иногда запоминался легко, словно дурные детские стишки-дразнилки, которые вбиваются в память мгновенно, с полуслова. Иногда будто вспоминался, поднимался наверх из глубин сознания.

— Почему не для царей? — спросил Йон.

Он разделал остатки кролика и понес их к каменному углублению в дальнем углу библиотеки. Там булькала, подогретая подземным жаром, вода.

— Цари жаждут непобедимых армий и власти над миром, а эти... существа... дают знания и верных друзей. Иногда любовь. — Лили обвела кончиком пальца размытый сыростью силуэт на желтой странице. — Эта книга для таких, как я. Арсгоэтия.

— Что?

— Так она называется.

Йон с сомнением оглядел черный кожаный переплет.

— Ты не боишься подобных книг?

— Нет, — донеслось в ответ.

— Ты очень смелая.

— Вовсе нет. У книг нет рук и ног, и кое-чего другого из того, что имеется у людей. И чем люди делают с другими людьми ужасные вещи.

Йон принялся, вбирая ноздрями застарелый дух древнего фолианта.

— В этих книгах все еще живет сила. Она страшная.

— Для меня нестрашная, — Лили придирчиво оглядела Йона, нахмурилась, после чего просияла. — Их сила не такая, как у хати.

— Не такая, — согласился юноша.

— Значит, она просто тебе чужда... Тс-с-с... — Лили прижала вдруг палец к губам. —

Слышишь?

Ветер принес далекие звуки, от которых у Йона по позвоночнику пронеслась ледяная волна. Голос, который он ненавидел всей душой, издевательским тоном звал его:

— Щенок! Эй, щенок! Мы чуем тебя! Мы знаем, что ты тут. Лучше выходи по-хорошему.

Йон ощутил, как сердце уходит в пятки, и от ужаса сжимается все внутри. Сделав пару шатких шагов к выходу, он обернулся на ничего еще не понявшую Лили, предупредил:

— Останься, пожалуйста, тут. Что бы ни произошло дальше — останься тут и не шуми.

Он старался казаться спокойным, но голос предательски подрагивал.

А еще... Нужно было сказать ей всю правду, предупредить... Не так, молча... Страшно было представить, что сделают со случайной свидетельницей хенке! Будь во главе их Алкир — полбеда.

Но Скайскиф...

Лили, само собой, не послушалась.

— Я с тобой, — глазами сверкнула зло и дико.

— Тебя убьют, — прозвучало коротко, холодно, как ножом по пальцу.

— А тебя?

Девушка слушала недоверчиво, пытаясь уловить в тоне Йона ноты обмана.

— Меня — нет, — уверенно ответил он, подумав про себя: «Возможно, но точно не прямо сейчас, как тебя».

— А ну, вышел! Выбрался из своей норы! Быстро! — пророкотал властный голос снаружи, и к нему подпевом тут же добавилось обманчиво нежное:

— Лили, доченька! Не бойся, выходи!

Йон стиснул зубы до скрипа, закинул голову, глядя в проем. Ну конечно! Скайскиф бы ни в жизнь не отыскал их на Пустоши сам — где ему! Он сыграл тоньше. Сходил в Нерку, самое близкое, а по сути единственное, граничащее с Пустошью селение. Разнюхал там все, что можно разнюхать, и, заручившись поддержкой (запугав или подкупив) родителей Лили, взял их в проводники, пустил по следу.

За спиной раздалось холодное:

— Надо выйти. Иначе они библиотеку найдут.

Йон обернулся.

Сияясь противиться, выдавил из себя сиплое:

— Нет.

— Придется выйти к ним раньше, чем это случиться, — настойчиво повторила Лили. — Они не должны попасть сюда. Никто из них.

Ее, бесстрашную до безрассудства, так нелепо волновала сохранность этих пугающих книг. И был в ее волнении резон: от книг сильнее, чем обычно, веяло могильных холодом, опасной тревогой.

И Йон мысленно согласился, что ни Скайскиф, ни родители Лили действительно не должны попадать сюда. В противном случае неизбежных неприятностей станет в разы больше.

— Ладно. — Он протянул девушке руку. — Пойдем, сдадимся им вместе...

Они вовремя выбрались. Из-за лежащей невдалеке глыбы хищной полурысью выскочили два хенке. За ними едва поспевал перепуганный Лот. Последней, охая и причитая, брела его

жена.

Йону подумалось: какое же это отвратительное слово — «сдадимся». Вот слепой Хэйя вряд ли бы сдался. Он бы сцепился с хенке — тем более что их всего-то двое.

Хотя, их, верно, потому и двое, что не Хэйя сбежал. За тем бы отправили целый отряд...

Скайскиф настиг добычу первым.

Он отвесил Йону щедрую оплеуху — давно, видать, мечтал. Вытекла из-под плаща длинная цепь. Сомкнулись на шее беглого ученика две половины распашного металлического ошейника. Лот, покосившись на Скайскфа, повторил его движение, выдавая дочери сокрушительный подзатыльник.

— Ну ты и дрянь! — Женский голос лязгнул металлом и раскатился над Пустошью грозой. — Уж не думала никогда, что выращу дочь потаскухой...

— Сколько ты нам крови попортила, негодница этакая, — басом проревел Лот. — Маленькая шлюха! Не вымолить тебе теперь Эвгаева прощения!

«Шлюха».

Вот оно значит как.

С чего бы это, интересно? Будто они с Йоном делали на Пустоши что-то непристойное? Подумаешь, спали холодными ночами в обнимку... Да пусть бы и делали! Этим всем какое дело? Обращаются теперь, как с собаками. Как с рабами.

Лили свирепо раздула ноздри, стараясь погасить огонь бушующих эмоций. Только не заплакать! Нельзя!

Нельзя...

Она прикусила язык до крови. Окинула убийственным взглядом хенке. Броситься бы сейчас на них, да толку? Проклятая слабость! Вечно бежишь, прячешься, а если не спрячешься — то вот так.

— Девка распутная, позорище, — змеей шипела мать.

И Лили в нахлынувший мстительной ярости бросилась к Йону, отчаянно обхватила ладонями его лицо и поцеловала прямо в губы. Это был вызов — мол, напридумывали себе, так нате, получайте!

И не только вызов...

Йон вздрогнул от неожиданности, захлебнулся вдохом. В груди будто столб пламени поднялся, и страх почему-то сразу исчез...

Скайскиф, грязно выругавшись, рванул поводок так резко, что у провинившегося ученика чуть не сместились шейные позвонки.

— Ну, хватит уже лизаться! — Хенке вынул из-за пояса несколько монет и брезгливо швырнул Лоту. — На вот тебе за беспокойство.

Отец Лили ловко подхватил деньги, услужливо раскланялся перед Скайскифом и грубо прикрикнул на жену и дочь:

— Домой! Пошли. Обе.

Глава 18. Охота Хати-Амаро

Все ученики знали, что Йона поймали и вернули обратно, в Эводеон, но вот видеть лично — не видели. Беглого полукровку заточили в одно из подземелий и...

Валари каждый день думал про это «и». Что сделает с беглецом Йоремуне? Как поступит? Чего ждет? Или не ждет?

Каждую ночь вожак стаи тихо подходил к окну и вслушивался в сонное беззвучие Пустоши, силясь отыскать в нем намеки на крики боли. Вдруг Йона пытаются?

Тишина была ответом.

— Да убили его, — как-то за обедом бросил Уилтер.

Произнес он это нарочито небрежно, вроде даже как и презрительно, но в злословной фразе его отчетливо сквозил страх за собственную жизнь.

— А вот и не убили! — сердито отозвался нетерпимый к несправедливости Дарэ. — Он просто сбежал. Подумаешь, проступок! Он не преступник, чтобы казнить его. За такую ерунду не казнят.

— Это не ерунда. Это дисциплина, — заспорил здоровенный, почти с Роггу размером, парень по имени Ракс.

— В печь твою дисциплину, — вмешался в спор Хэйя. — Сам будь послушным псом!

— Не могли Йона убить, — не унимался тем временем Дарэ.

— И где он тогда? А, коротышка? — оскалился Уилтер, провоцируя соратников Валари на очередную разборку.

— Где надо! Сказал бы я тебе, где...

Договорить они не успели.

Из-под арки, венчающей вход в зал для приема пищи, тягучей хищной походкой вышел Офу.

Он встал, очерченный каменной рамой проема. По белому мрамору разбегались кровавые жилы в тон длинного плаща главного хенке.

Полукровки мгновенно замолчали и дружно уставились на правую руку Йоремуне. Офу никогда не приходил к ним лично без особого повода.

Этот раз не стал исключением.

Напряженные глаза учеников, голубые и синие в своем большинстве, выжидающе вспарывали пространство зала, душное и горячее от пышущей жаром еды.

— Вас ждет испытание. Готовьтесь, — объявил Офу с привычным льдом в голосе. — Будет сложно.

Полукровки переглянулись.

Будет сложно? Что он имел в виду? Разве прежде было легко?

Им дали доесть обед, после чего в срочном порядке согнали во двор цитадели. Там стояли крытые повозки, запряженные лошадьми. Ехать предстояло быстро и далеко.

Когда все погрузились, обоз тронулся в объезд Пустоши в сторону Куттанской столицы, но до Города-Солнце не добрался.

Через несколько дней путь привел в густой, почти черный ельник. Щетинились остроконечными верхушками горбы холмов. Шрамами тянулись поросшие ракетами и акацией балки. Вдали сколотым клыком вспарывал небо острый силуэт старого замка.

Полукровок выпустили всем скопом наружу из тесных повозок.

Теплое вечернее солнце окутало ели розоватой дымкой, отчего в воздухе разлилось обманчивое, благодушное спокойствие. Лес выглядел приветливо и безобидно.

На первый взгляд.

Полукровки оглядывались по сторонам, лениво разминали затекшие руки и ноги. Один Хэйя, не видящий окружающей красоты, спросил недовольно:

— И зачем нас сюда притащили?

Ему ответил сам Йоремуне. Сегодня он лично сопровождал подопечных.

— Мой хороший друг вызвался помочь мне с вашими тренировками. Он вас проверит и испытает.

Валари, встревоженный и недоверчивый после долгой поездки, купился на бархатный тембр духа — успокоился. Очередная тренировка — сто раз уже было. Разве что, лес новый, но это верно для усложнения. Чтобы запутались, заблудились, искали, думали...

Хати-Йоремуне больше не говорил, передав бразды правления Офу.

Тот объявил — добратся, дескать, надо будет до замка, что в центре ельника.

И все.

Валари окинул взглядом своих, пытаясь понять, одному ли ему вдруг показалось, что весь воздух кругом колышется, дрожит от необъяснимого напряжения, но соратники были беззаботны и увлечены предстоящим походом.

Прогулка по лесу расслабила и развеселила их. Сказать по правде, все они ждали плохого и обсуждали в пути нерадужные варианты финала путешествия. Всякое предположили, но чтобы так?

Так просто?

И Валари понимал, что когда «так просто» — значит, может, все и наоборот. Ради «так просто» их бы никто не тащил с Пустоши в сердце Куттана.

Он предупредил:

— Давайте держаться вместе.

Офу, видимо, услышал и поэтому громко добавил:

— Ваша задача — обогнать всех! Кто доберется до замка первым, получит в награду доспехи из золота.

Полукровки переглянулись и рванули не сговариваясь вперед. Замелькали между стволами быстрые тени. Рядом с Валари остались только Хэйя, Дарэ, Роггу и еще несколько учеников. Демин с Никадо, поддавшись азарту, убежали следом за основной массой.

— Эй! А мы чего не бежим? Все же бегут? — суетился Дарэ.

— Мы не знаем, что впереди, — настороженно отозвался Валари.

— А доспех? — разочарованно выдохнул Дарэ.

— Дался тебе этот доспех? — грозно рявкнул на него Хэйя. — А вдруг там ловушки впереди? Пусть Уилтер в них первым попадется, а мы потом спокойненько мимо этого заносчивого дурака протопаем к замку с целыми шкурами.

Дарэ задумчиво почесал голову. До него наконец-то дошло, что привезли их сюда не развлекаться, а замануха в виде доспехов — это так, для остратки. И вправду, кому нужны золотые подачки? Уж точно не ему.

— Лишь бы наши парни там в ловушки не угодили, — пробормотал себе под нос Роггу.

— Лишь бы никто не пропал, — произнес Валари, слушая, как где-то вдали затрещали ветки, и дробно встряхнулась земля. — Офу ведь сразу сказал, что будет сложно.

Вскоре под ногами обрисовалась тропа и потекла, окаймленная елями, с холма на холм.

Валари не хотел идти по ней, но свернуть в чащу не получалось — деревья вставали плотно, торчали крючьями из мха остовы засохших корявых черноплодок. Начнешь продираться — во-первых, держат, во-вторых, треск стоит такой, что на милю вокруг слышно.

Пришлось по тропе.

Взвившись на очередной крутобокий холм, она зигзагом сошла в глубокую балку, на дне которой вился серебряной змеей ручей.

В воде красными нитями шевелились, будто живые, потеки недавней крови.

— Смотрите! — Дарэ заметил их первым.

— Проклятье! — выругался Роггу. — Там. — указал на кусты.

За ними угадывалось лежащее тело.

Это был Уилтер.

— А я уж было начал беспокоиться за наших, — пробурчал себе под нос Хэйя.

— Он тоже наш, — осадил его Валари.

— Ты бы радовался, а не рычал, — недовольно фыркнул слепой. — Твоя ж удача? Это гнусный Уилтер... Не Никадо и не Демин...

Он осекся. Принялся тянуть воздух носом.

— Что? — спросил его встревоженный Дарэ. — Что случилось, Хэйя?

Слепой указал вниз по течению.

— Там.

Полукровки посмотрели на разворочанную моховую крутину. Все разом. Повисшую тишину разорвал страшный шепот Валари.

— Проклятье...

Он первым прибежал на место, разломав и разметав вставший на пути молодой малинник. Упал на колени перед распластанным вниз лицом телом. Это был Никадо, мертвый, до синевы бледный. На его залитой бурой кровью спине зияли две глубокие дыры — следы огромных клыков.

Из-за холмов раздался вой.

Потом крик.

Из бесконечного малинника выбрался Демин. Он еле ноги волочил и дышал с хрипом, словно загнанный конь.

Предупредил, роняя себе под ноги нити кровавой слюны:

— Там зверь. Дух леса. Не надо к замку идти. Надо возвращаться...

Хати-Амаро перестарался.

Йоремуне велел остановить испытание.

Потеря ученика — слишком дорого. Нового пойди-найди теперь! Белый волк оказался плохим помощником. Но что с хищника взять? Хати-Амаро импульсивен и своеволен — не нужно было с ним связываться...

— Сколько еще пострадало? — спросил дух, еле сдерживая чистокровного скакуна, присланного накануне в качестве дружеского подарка лично государем Валанса.

— Четверо, — нехотя ответил Офу. — Один совсем плохой.

— Да уж... — протянул Йоремуне задумчиво. — С другой стороны, они должны хорошо восстанавливаться.

— Один уже точно не восстановится, — покачал головой хенке. — Жаль, в нем текла хорошая кровь.

— Плохая, — отрезал дух. — Была бы хорошая, он бы так просто не погиб.

— И что дальше, господин? Сократим число учеников, или будем искать замену?

— Заменим. У меня уже есть кое-кто на примете.

Офу понимающе кивнул, а сам подумал: если раненые не выкарабкаются, Йоремуне придется искать не одну, а пять замен.

— Что с испытанием, господин? — поинтересовался он в надежде на скорейшее возвращение в Эводеон. — Заканчиваем и уезжаем?

Хенке хоть и отчасти звери, а по лесам шастать не особенно любят.

— Нет. Я приструнил Амаро, и он пообещал больше полукровок не рвать. Только гонять. Нечего их баловать, успеют еще дома наотдыхаться.

Это прозвучало издевательски даже для главного хенке. Никто — ни ученики, ни учителя — в Эводеоне не отдыхал и не прохлаждался. Постоянные тренировки, казалось, вымотали вконец даже неумного Скайскифа.

Сам Офу последний месяц все чаще и чаще брался за меч. Учителя выдыхались, уставали.

Полукровки становились все сильнее.

Йоремуне задумчиво оглядел залитые вечерним солнцем еловые остря, после чего, просияв вдруг, приказал:

— Пошли весточку советнику. Он сейчас в Райле. Напиши — я куплю у него мальчишку, которого он мне предлагал.

Глава 19. Фур-фур

Потоки упреков, которые Лили выслушивала от родителей изо дня в день, постепенно слились в единый бессмысленный непрекращающийся шум, похожий на грохот горной реки, бурной и безжалостной. Всегда одинаковый.

Лили перестала огрызаться, перестала слышать. Боль от колких, жестоких слов, постоянных укоров и обвинений, наконец, притупилась, обратилась пустотой. В груди будто выжгли дыру. Болело только сначала, а теперь стало все равно.

Привычная жизнь Нерки проносилась мимо. Иногда Лили силилась зацепиться за нее, вернуться в былой ритм, но не выходило — ее больше не принимали.

Взрослые жители деревни смотрели с укоризной и неприятием, будто она совершила страшное преступление — убила или украла. Или хуже. Молодежь боялась идти наперекор родителям. Многие поддерживали дружную травлю, в особенности парни. Они свистели и улюлюкали, кидали Лили вслед непристойные предложения.

— Пойдем на сеновал, рыжая?

— Можно схватить тебя за зад? Э-э-э, да ты костля-костлей, смотреть не на что...

Грязь лилась ежедневно.

Она ведь заслужила.

Она ведь теперь порочная, порченная, распущенная!

Масла в огонь подливал учитель Мун. Он специально собрал всех юных девушек Нерки и долго втолковывал им про благочестие. Про то, что нужно быть тише воды и ниже травы. Молчать и слушаться.

Всегда.

Девушки боялись Муна, но в тайне сочувствовали Лили. Иногда она находила подsunутые под ворота робкие записочки на бересте. Корявые буквы в единственном слове: «Держись»...

Они знали, что на месте Лили легко может оказаться каждая из них, стоит лишь единожды оступиться, проявить непослушание, сделать опрометчивый своевольный шаг...

Но поддержать открыто было чревато последствиями. Учитель Мун зорко следил за нравственностью юных дев. За тем, куда и когда они ходят одни. Один раз он выследил Джину и Лию, когда те положили Лили на окно скромный букетик полевых цветов, и осудил во всеуслышание. Родители предусмотрительно отругали дочек, заперли по домам.

И все же была в этой бочке дегтя капля меда. Новость, которую Лили приняла с превеликой радостью. Нерин Март отказался от свадьбы — уехал восвояси со своими друзьями.

Теми, что остались.

Брона так и не нашли после того случая...

Земля, разведенная Йоном надвое, сошлась, будто никогда не разверзалась. Каждый раз, проходя мимо сарая по «тому» месту, Лили с силой давила ступнями пыль и тихо злорадствовала, что хоть один враг, желавший ей мучений и боли, теперь бездыханен, расплюсчен и пожран голодной землей.

Хоть какое-то удовлетворение...

Про Йона она старалась не думать. Его вмиг потускневшие глаза и стальной ошейник, продавливающий кожу на горле до алых рубцов, не оставляли надежд на легкий исход.

— Я попробую тебе помочь, если сама тут не окочурюсь, — бубнила Лили себе под нос, выгребая навоз из козлятника. — Мне нужно стать сильнее, понимаешь, Йон? Ты только не помри там в своем Эводеоне. Выживи, слышишь? Постарайся, даже если будут пытаться. Надеюсь, у тебя все не совсем плохо. У меня вот дела пошли в гору. От меня Март отказался — уже, считай, победа!

Разговаривать с воображаемым Йоном было легко и нестрашно, он ведь не отвечал и «произносил» только те слова, которые Лили сама вкладывала ему в уста. Будь все иначе, его голос, как голос Ильзы, звучал бы бесконтрольно в голове...

Тогда бы все было плохо.

Потому что живые в мозги без спроса не залезают!

Это удел мертвецов.

«В общем, держись там, Йон».

— Эй, рыжая! Дашь мне сегодня ночью? Вот тебе подарочек в оплату — меха на воротник!

Через забор перелетело что-то лохматое и окровавленное, шлепнулось к ногам Лили. Это была отрубленная лисья голова, и сразу стало ясно, от кого «подарок».

Вредный Турм, племянник Креда-охотника, обычно развлекался подобным образом. Он находил сии дикие забавы остроумными и смешными.

— Ну так что, рыжая, дашь?

Над забором возникло ехидное лицо. Маленькие, как у борова, глазки сально блеснули.

— Пошел ты... — Лили обругала его самыми грубыми словами и, размахнувшись, швырнула в негодника полную лопату навоза.

На шум вышла матушка. Турм, завывая на всю улицу, быстро убежал восвояси.

— У-у-у-у, сука, ведьма! — разнеслось над Неркой и эхом укатилось за лес.

— Что ты опять устроила? — прозвучал строгий вопрос.

— Турм, придурок... — выдохнула Лили свирепо.

— Ты сама виновата! Привыкай, — не поддержала дочку мать. — Это все из-за твоей дурной славы. Ты теперь для всех окрестных парней гулящая, недосмотренная девка, с которой можно вот так... Мой позор... Убери это сейчас же!

Она брезгливо пнула лисью голову и ушла обратно в дом.

Лили осталась во дворе одна. Она присела подле Турмова «подарка» и с пониманием заглянула в снулые, подернутые белой пленкой, глаза. Пробурчала тоскливо:

— Обе мы с тобой рыжие и несчастные.

«Сумус руфус... Сумус мизерия...» — сквозняком пронеслось в голове.

— Эй? Ты говоришь со мной? — встрепенулась Лили.

«Сумус симилус».

В памяти сами собой возникли буквы и слова из тех самых, заветных магических книг. Тот язык! Лили узнала... Она все поняла: «Мы рыжие. Мы несчастные. Мы одинаковые».

«Ми номен эст Фур-фур»...

Лили прижала драгоценную голову к груди и бегом бросилась в сарай. Закрылась изнутри, села в углу, привалившись спиной к перегородке.

— Ну, привет, — прошептала восторженно. — А меня зовут Лили. Что ты такое, а?

Лисья голова резко дернулась, раскрыла окровавленную пасть, полную тонких, как иглы зубов, и громко пролаяла:

— Вис! Вис! Вис!

— Т-с-с-с! — Лили встревожено прижала палец к губам. — Не шуми, нас услышат.

— Т-с-с-с! — послушно повторила за ней лисья голова, и тут же потребовала. — Регус вербум! Регус вербум... Вис! Вис! Вис...

Лили вся сжалась от этого громогласного «вис-виса», а потом до нее дошло, что странная голова не просто твякает. «Вис» — на терском будет «сила». А «регус вербум»? Какое-то слово...

Вспомнила! Королевское слово!

И снова воздух затопило душераздирающее:

— Вис! Вис! Вис!

— Я не знаю нужного слова! Не знаю... — чуть не плача взмолилась Лили.

Голова сжалась над ней, посмотрела понимающе белесыми глазами и посоветовала:

— Мemento.

Вспоминай.

Лили послушалась, принялась вспоминать все, что было написано в тайных книгах. Но там было слишком много разных слов, странных и непонятных. Как тут поймешь, какое нужное?

Услышав недовольный зов матери, она сдалась.

— Не могу вспомнить. — Взяла голову, положила в старую корзину и спрятала под хлам, предупредив: — Жди меня тут, не шуми только.

Мать ждала за столом. Сидела, неподвижная, как мраморная колонна, и такая же белая. Справа от нее стояла на вязаной салфетке полная отцова тарелка. Судя по тому, что пар от каши не шел, стояла давно. От потускневшей, застывшей бледным льдом лужицы растаявшего масла веяло безжизненностью и запустением.

«Никто из этой тарелки есть не будет», — пронеслось в Лилиной голове.

Она поняла: что-то недоброе грядет.

— Сядь, — приказала мать.

Лили осторожно опустилась на деревянную скамью.

Напряжение нарастало уже неделю как. Эта неделя, длинная, словно целый год, все тянулась и тянулась вереницей пасмурных дней и холодных ночей.

Все это время Лили перебирала в памяти слова. Она полностью отключилась от реальной жизни, обледенела, перестала слышать и воспринимать угрозы, укоры, упреки и оскорбления. Перетекала по двору, как тень.

От дома к сараю.

От сарая к дому.

Лисья голова, Фур-фур, сама собой освободилась из плетеного плена и в одну беспросветную ночь приросла к балке под потолком. Лили пришла утром, стала искать, расстроилась, обнаружив пустую корзину.

Обрадовалась, выдохнула облегченно, услышав над головой требовательное:

— Вис! Вис! Вис! Мemento...

Теперь Фур-фур выглядела иначе.

Из густой, склеенной засохшей кровью шерстки вытянулись длинные белые то ли корни, то ли щупы, оплели балку, разрослись под потолком и ушли под стреху. А из покатога лисьего лба торчали теперь, пробивая череп, два маленьких оленьих рожка в белом бархате. Когда Лили долго смотрела на них, между острыми вторыми отростками начинала

проскакивать бледная искорка...

Эта искорка так и стояла перед глазами.

— В общем... — Мать оторвала от размышлений. — Дела наши плохи...

— Плохи? — переспросила Лили, удивляясь, неужто прежде они были так уж хороши?

— Да. И не перебивай! — Жена Лота громко подвинула колченогий табурет и грузно села на него. — Твой отец и мой муж от нас ушел. Отказался.

— Как это? — очнулась Лили, не веря услышанному, помотала головой.

— А вот так. Сказал, уедет к брату на запад, расторгнет у священника наш брак и возьмет новую жену. Не хочет он больше жить в позоре...

Лили молчала, всей кожей ощущая материнскую горечь и обиду. И злоба брала от этого. Что же выходит? Быть хорошей дочерью, значит, непременно измучить себя? Отдаться в лапы ненавистному человеку? Дать сломать свою жизнь? Сжечь себя, как полено, в очаге, чтобы другим стало чуточку теплее...

Несправедливо.

И ничего в душе не осталось, кроме боли и гнева. Кроме лютой, раздирающей внутренности тоски. Как жить в мире, где все твои мечты топчут орды безжалостных ног? Где каждый норовит взять тебя за шиворот и водворить на «место»? Где каждый знает, как тебе надо жить, считая, что боль и страдания тобой заслужены и пойдут лишь на пользу...

И Лили сказала, как есть:

— Значит, отец предал нас. Предал и бросил.

— Что ты несешь! — Мать бросилась коршуном, отвесила дочери звонкую пощечину.

— Так и есть! — завопила Лили и, роня скамью, ринулась к двери. — Он нас бросил, потому что мы, видите ли, негодные! Потому что я негодная! Да, мама? Потому что я порченная, так?

Она не стала дожидаться ответа. Задохнувшись рыданиями, вылетела из двери и помчалась через Нерку к реке. По пути на нее налетела дородная высоченная Фая, дочь мельника, свела над переносицей густые брови, мощно толкнула в грудь.

— А ну стой!

От толчка Лили не удержала равновесие и плюхнулась задом в пыль. Хотела подняться, но Фая присела напротив и сунула под нос здоровенный кулак.

Лили фыркнула на нее, как загнанная в угол кошка:

— Ты чего?

С Фаей они никогда прежде особо не дружили. Интересы были разные.

— Вот задам тебе сейчас!

— За что это?

— За жениха моего, за Турма. Слух дошел, что он к тебе с подарком приходил и в любви объяснялся?

— Чего? — Лили сердито шмыгнула носом. — Он башкой лисьей в меня кинулся и обзывался.

— Говорят, он тебя на сеновал звал, — не слушала мельникова дочь. — Говорят, ты, ведьма похотливая, чужих парней соблазняешь, добрым людям свадьбы расстраиваешь! Вот я тебе...

Она замахнулась, но Лили, осмелев, столкнула в сторону ее занесенную руку, после чего поднялась на ноги и начала отряхивать с юбки пыль.

— Вот что, значит, говорят? — процедила холодно сквозь зубы. — А еще я что делаю?

Младенцев ем?

— Парней отбиваешь, — стояла на своем упертая Фая. — Турм мой вот...

Ее золотые волосы выбились из-под платка, залихватски съехавшего на сторону.

Пышная грудь тяжело вздымалась под свободной рубахой.

— Даром мне твой Турм не нужен, ясно?

Лили собралась закончить разговор и уйти — неважно куда, — но Фая впилась в рукав, повисла на руке тяжелым якорем.

— Ну зачем ты его соблазнила? Дался он тебе? Все равно ж на порченой не женится. А у нас-то любовь...

— Любо-о-овь, — передразнила «соперницу» Лили. — Отчего ты у самого жениха не спросишь, зачем он к моему двору приперся? Он по своей воле пришел — не звали. Почему на меня бочку катишь, будто я у тебя телка с выпаса на цепи увожу, а не разумного, вроде, человека?

Фая грозно сверкнула темными глазами да призадумалась. Потом спросила осторожно:

— С него спросить, думаешь?

— Думаю, — фыркнула Лили.

— А ты, пожалуй, права, — пробормотала мельникова дочка и, бросив Лилин рукав, понуро побрела прочь. Отдалившись шагов на десять, она развернулась и кинула через плечо: — Мне тебя жалко, правда. Ты прости, что я наслушалась всяких и вот...

— Угу.

Лили снова шмыгнула носом. На этот раз спрятать слезы не получилось — они забили ноздри и лоб, прошили тупой болью одеревеневшую голову. И все же на губах мелькнула слабая улыбка.

Хоть кому-то жалко.

Мир, как говорится, не без добрых людей.

Глава 20. Брось свой камень

В повозке было душно, трясло. За окнами висели тяжелые сумерки, клубилась взбитая копытами животных пыль.

Полукровки ехали молча, будто воды в рот набрали. После последнего происшествия никому не хотелось вести беседы.

Валари сидел в самом дальнем углу, прислонившись спиной к туго натянутому тенту. Глаза его были плотно сомкнуты, руки перекрещены на груди, как у покойника. При этом он весь подобрался, сжался взведенной пружиной. Мысли лихорадочно бились в его голове, раз за разом откидывали назад, в заповедный волчий лес, к окровавленному телу у ручья.

Никадо, ну, что же ты так?

Почему ты?

За толстой тканевой стенкой звонко пропели подковы скакуна-чистокровки. Валари, не поднимая век, вскинулся на звук и безошибочно определил — мимо проехал Хати-Йоремуне. Аллюр его лошади особый, как именной вензель, оставленный заученным росчерком пера. У него узнаваемое звучание и неповторимый темп.

Валари стиснул в кулаке длинный ворс медвежьей шкуры, укрывающей пол повозки.

«Йоремуне... Все ты...»

Незаменимое качество вожака стаи — точно определять истинного врага...

— Где это место? Ты запомнил? — Послышалась возня, потом грубый удар локтя прилетел в ребра. — Командир, не время спать.

Рядом свирепо засопел Хэйя.

— Наверное, больше не командир, — отозвался Валари. — Во тьму таких командиров, что теряют своих товарищей.

— Да не вини ты себя, — подал голос Роггу. — Ты ни при чем...

— Возможно, — отрезал Валари, закрывая тему. Что толку лить слезы и заниматься самобичеванием? О другом надо думать. О живых, не о мертвых. — А место, где живет проклятый Амаро, я хорошо запомнил, Хэйя. Однажды мы вернемся туда. Вместе.

— И отомстим, — прорычал слепой.

Валари устало кивнул, открыл наконец глаза, проводил взглядом светлый силуэт за окном, прорезанным в ткани меж ребрами тента.

Повторил:

— Однажды.

В Эводеоне им покоя не дали, так как там был Йон, и с ним нужно было что-то решать. Йоремуне, вымотанный и оттого безразличный ко всему, на вопрос Офу, что делать с непокорным беглецом, лишь отмахнулся:

— Сам думай.

Офу позвал Скайскифа, приказал в том же духе, что и главный:

— В общем, накажи его как-нибудь, чтобы остальным неповадно было.

— Хорошо, господин. Просто замечательно!

Заметив полубезумную, кровожадную ухмылку Скайскифа, Офу резво передумал:

— Нет. Постой! Ты там что-нибудь реши, но наказывают пусть сами полукровки.

— Ла-а-адно, — в голосе Скайскифа отчетливо прозвучало разочарование.

Но разочаровывался он недолго. Спустя полчаса пытливых раздумий хенке вновь расплылся в довольной улыбке. Да! Точно! Так он и сделает, и уж никто не сможет обвинить его в неповиновении...

Он специально протянул пару дней, чтобы ученики немного успокоились и потеряли бдительность. На третий день, желая создать иллюзию благополучного исхода, безо всяких объяснений выпустил к ним Йона.

Появление провинившегося ученика произвело настоящий фурор. Полукровки радовались, наивно думая, что заточение в подземелье само по себе явилось для их товарища наказанием.

Как бы не так!

Йон появился во время завтрака, и его было трудно узнать.

Худой. Глаза впали в череп.

Грязный. Одежда, вроде, новая, стиральная, но смрад сырого, промозглого подземелья впитался даже в кожу. Оставил в прожилках серый осадок. Ноги не держат крепко — походка какая-то шаткая, будто не по камням ступает, а по неровной болотистой почве.

Йон натянуто улыбнулся и опустился на скамью.

Облегченно выдохнул:

— Как же я рад видеть вас. — Он внимательно оглядел присутствующих, нахмурился. — А где Никадо?

— Нет его теперь, — ответил за всех Валари. — Я расскажу...

Йон слушал, молчал, иногда кивал, опуская тяжелые веки с густыми ресницами. Он все понимал, потому что там, в подвале, успел увидеть и осознать то, чего другие еще не осознали.

Когда Валари завершил рассказ, Йон произнес:

— Я буду следующим.

— Нет! С чего бы? — мотнул головой Дарэ. — Ты свое испытание выдержал. Потрепанный, но живой вернулся...

— Тебе Скайскиф чего-то наговорил? — настороженно предположил Валари.

— Ну, его! Не верь! — выпалил Дарэ. — Тебя почти месяц держали в катакомбах. Думаю, ты искупил свою... вину...

— Дело не в вине, — тихо ответил Йон. Его голос прозвучал так безжизненно и жутко, что все товарищи разом притихли. — Дело в непокорности. Йоремуне ждет, что мы будем послушными. Это главное условие. Я раньше думал, что важна лишь наша кровь, но это не так. Хати-Йоремуне нужны не просто полукровки. Ему нужны смиренные и покладистые слуги. Верные псы...

— Да уж, — выдохнул Валари, прокручивая услышанное в голове и не понимая, что делать теперь с этим Йоновым откровением.

Ответ вертелся на языке, но никак не давался.

Йон тяжело поднялся из-за стола. Подволакивая правую ногу, добрал до окна, лег отошавшей грудью на подоконник и задумчиво уставился вниз. Валари, ничего не говоря, встал рядом.

Внизу, на отороченной валунами и можжевельником поляне, в одиночестве развлекался Алкир.

Он подкидывал в воздух зеленое яблоко и дурашливо ловил его клыкастым ртом.

Заметив, что полукровки наблюдают за ним, хенке смутился, обронил яблоко себе под ноги и, сделав вид, что ничего особенного не произошло, гордо направился вглубь можжевелевой аллеи.

Валари подумал в тот момент, что Алкир, должно быть, довольно юн — их ровесник, скорее всего. Самый молодой хенке в своре Хати-Йоремуне. Видимо поэтому он и относится к полукровкам почти как к равным.

Жаль, что не он самый главный.

С ним бы было проще, чем со Скайскифом, Клайфом или Офу.

Гораздо проще.

Йон все верно предположил — расправы не отменить.

Это случилось утром, сразу после завтрака, когда Пустошь за окнами цитадели утонула в песнях стрижей и жаворонков.

Скайскиф собрал полукровок во дворе, построил кругом. В центре был Йон. Он стоял преклонив одно колено, как воин, что готовится к посвящению в рыцари.

Пахло вереском. За краем живого кольца высилась куча увесистых камней, натасканная ночью слугами.

— Ну? Доброе утро, что ли? — Клыки хенке тускло сверкнули в лучах бледного солнца. — Чего стоите, как истуканы, такие безрадостные? — Он резко толкнул в грудь Уилтера. Тот еще не оправился от ран, поэтому зашипел болезненно. — Не скулить, щенки! Провинились, так извольте отвечать за проступки. — Скайскиф высокомерно плюнул в сторону затравленного Йона, после чего выхватил из притихшей толпы Валари и за загривок втащил в круг оцепеневших товарищей. — Ты их вожак. Значит, и приказ своим верным ублюдкам будешь отдавать ты. — Палец хенке, облитый глянцевой кожей перчатки, уткнулся в каменную кучу. — Возьми камень и брось его первым. Давай!

Валари стоял неподвижно, казалось, даже не дышал. Его глаза, ставшие вмиг пустыми и мутными, прятали в дымке отрешенности яростную суматоху мыслей. Что делать? Как поступить?

Губы сами собой двинулись, прежде чем скривиться в оскале.

— Не буду.

Упрямство ученика взбесило Скайскфа. Он медленно снял перчатку, пошевелил пальцами, демонстрируя присутствующим острые когти, после чего замахнулся и ударил наотмашь. Валари не успел отследить — почувствовал, как ожгло спину, и с загривка потекло в рукава...

— Брось. Свой. Камень! — громом грянуло над головой.

— Не буду...

Хенке в бешенстве взвыл, снова схватил полукровку за шкуру и тряхнул изо всей силы. Приблизив к лицу Валари оскаленную пасть, прорычал:

— Не смей перечить мне, своему учителю!

— Ты учитель мне, но не хозяин, — донеслось в ответ. — Я не стану бросать камни в своего друга.

— Станешь, — шипел Скайскиф. — Еще как станешь. Все вы станете, если я вам прикажу. А будете упрямиться, начну наказывать по одному. Будет очень больно, обещаю. Может, вы думаете, что господину Йоремуне вы особенно дороги? Ошибаетесь! Незаменимых среди вас нет. Поэтому вам еще придется побороться за честь находиться

здесь. Уверен, что у вас ничего не выйдет с таким-то настроем. Вас всех заменят на новых — получше!

Глаза хенке светились алыми огнями, белки выкатились, изошли сетью кровавых прожилок. Полукровки и прежде видели Скайскифа раздраженным, но таким свирепым — еще ни разу.

— Валари, не зли его... — робко донеслось из толпы. — Иначе все пострадаем...

— Не пострадаем. Я обещаю, — тихо, но отчетливо произнес вожак стаи.

— Что ты там вякнул, щенок? — взревел разъяренный до безумия Скайскиф.

— Я согласен бросить свой камень первым, — прозвучал неожиданный ответ. — Я сделаю, как ты просишь.

— Я не прошу, я приказываю! — Хенке довольно потер руки, но поймав взгляд ученика, морозный и бесстрастный, невольно отступил к краю круга. — Ну, кидай же! Давай, глупый пес!

И первый камень полетел.

Йон сжался в центре кольца товарищей по несчастью, зажмурился, готовясь принять всю боль, что ему отмеряна, но рокового удара не последовало. Вместо этого капли чего-то теплого — чужой крови, по всей видимости, — брызнули ему на щеку, после чего раздался оглушительный вой Скайскифа.

Йон приоткрыл один глаз.

Перед ним, мрачный и жуткий, стоял Валари. Его глаза пылали холодным светом, кулаки были сжаты, а на губах блуждала пугающая и в то же время обнадеживающая улыбка.

— Что не так, Скайскиф? Ты велел бросить камень, и я бросил.

— Ты... ты... — только и смог просипеть в ответ пораженный хенке. Из его рассеченного надбровья текла, капая под ноги, темная кровь. — Как ты...

— Я же доходчиво сказал, что не стану закидывать камнями своего друга, что тебе было не ясно? Ты хорошо меня знаешь, давно ведь бок о бок живем. Мог предугадать, чем все закончится, и вовремя остановить все это.

Вожак полукровок поднял руку, потом, не дав хенке опомниться, резко опустил ее вниз.

И остальные камни полетели.

Глава 21. Двуликий

«Моя прапрабабушка была волшебницей, но занималась белой магией...

Но я никогда не буду заниматься грёбаной белой магией!»

(С) Дэд

Каждый день Лили встречала с надеждой под любым предлогом улизнуть от лишнего внимания, но учитель Мун чуял неблагие намерения, как сторожевой пес.

Мать тоже взялась блюсти свое чадо пуще прежнего. Ни одного неверного шага, ни одного лишнего взгляда сквозь марево садов туда...

На Пустошь.

Постоянная слежка.

У Лили почти не осталось надежды на лучшее, зато у нее имелась тайна. Лисья голова в сарае. За последнее время голова увеличилась раза в два, разветвила деревом рога и замолчала, покрывшись густым слоем не пойми откуда взявшейся паутины.

И хорошо. Меньше привлечет внимания...

Каждый день Лили с другими девушками ходила теперь на проповеди к учителю Муну. Занятия он проводил вечерами в новом помещении общины последователей Эвгая. Мельник Урий, отец Фаи, отдал учителю Муну под это дело один из своих амбаров. Во втором амбаре, так же великодушно предоставленном щедрым Урием, расположились братья из Эвгаевых последователей. Их становилось все больше — новые адепты святого учения все приходили и приходили. Утром они молились, днем брали топоры и строили храм, вечером слушали Муна, ночью спали.

На проповеди Лили водила мать.

Брала за запястье цепко, стремительно, не оставляя возможности отдернуть руку и спастись от нудных, давящих поучений учителя. От противного скрипучего голоса, от мутных, бессмысленных повествований, в которых постоянно происходило нечто гадкое, омерзительное — инцесты, детоубийства, жестокие жертвоприношения, войны, убийства целых рас из-за того, что они не такие, не верящие в Эвгая...

Неправильные.

Все это почему-то считалось благом и необходимостью. К женщинам в писании отношение было особенным — самым ненавистным и презрительным. Женщин там отчего-то считали главной причиной мирового зла.

За что конкретно — Лили так и не поняла.

Обычно мать встречала после занятий, но однажды она не пришла — в доме остановились путники, нужно было приготовить им ужин и разместить. Теперь мать часто брала на ночлег постояльцев. За крышу над головой и еду платили хорошо.

Лили шла домой вместе с Фаей, Ирэной и Грэттой. Фая и Грэтта увлеченно спорили о том, будет ли щедрым урожай в этом году, а Ирэна, обычно разговорчивая, молчала. Ее лицо белело маской, под которой назревала буря — глаза готовились прорваться дождем слез.

Но пока что девушка держалась.

— Что-то не так? — рискнула спросить Лили.

Тихо, чтобы не слышали остальные.

— Нормально все... — соврала Ирэна, предательски шмыгнув носом. — Отстань.

— Не отстану, — рыкнула на нее Лили. — Это Мун тебя довел?

— Угу, — Ирэна проглотила собравшиеся в горле слезы и громко икнула. — Ты не представляешь, что он сделал. Даже не представляешь...

Лили действительно не представляла, но вскоре и ей «посчастливилось» узнать, о чем недоговорила Ирэна...

На следующий день мать снова занялась постояльцами и не проводила дочку в общину. Мун отметил это и по завершению поучений отпустил домой всех, кроме Лили. Он завел подопечную в темную каморку, освещенную единственной коптящей свечой, и велел присесть на трехногий табурет в углу. Сам опустился на такой же напротив.

— Я вижу, ты совсем не стараешься внимать моим речам, девочка.

— Внимаю, как могу, — пробурчала Лили себе под нос.

— Что? Я не расслышал, — произнес Мун недовольно. — Ты что-то там проворчала, как вздорная старуха? Хорошие девочки разговаривают нежно и благозвучно. Запомни.

Лили нашла в себе силы ответить смело и холодно:

— Я не хорошая девочка.

— Вот как? — скривился Мун, и его шершавая, неприятная ладонь вдруг легла Лили на колено, сдавила его, скомкала грубую ткань заношенной юбки и поползла вверх по бедру. — Я знаю, милая моя. Знаю, что тебя уже вряд ли получится исправить...

— Что вы делаете? — Лили дернулась, резким толчком скинула с себя мужскую ладонь. — Отстаньте от меня!

— А разве я к тебе пристаю? — с деланной искренностью удивился Мун. — Ты сама притягиваешь, соблазняешь меня. Такова твоя ведьминская суть. Поверь мне, еще много мужчин пострадает от твоих провокаций. Ты грязная. Ты проклятая!

— Да пошли вы! — не выдержала Лили и, отвесив Муну оглушительную пощечину, пулей вылетела из каморки.

До дома она бежала бегом. Там, рыдая в голос, бросилась на шею матери.

— Не посылай меня больше к нему! Слышишь? Не посылай! Он негодяй!

— Кто? — Мать удивленно вскинула запачканные руки. На рукавах отпечаталась белая, мелкая, как пыльца, мука. — Что случилось? Рассказывай. А ну...

В нос ударил аромат растопленной печки и горячей еды, но в душе у Лили не утихала буря. Как такое вообще может утихнуть? Забыться? Как дальше со всем этим жить?

Умиротворяющий запах был совершенно нехстати.

— Мама, ты не представляешь...

И Лили рассказала все, как было. И про Ирэну тоже.

Мать высилась перед ней, окруженная мучной дымкой, как туманом. Качала головой. В сочувствии или в злобе — неясно. Бледные губы, совершенно неподходящие к раздумывавшемуся лицу, вытягивались тонкой нитью.

— Как ты могла допустить подобное? — прозвучало наконец обрывисто, коротко, словно плевок.

— Я ничего плохого не делала! — возмутилась Лили. — У девчонок спроси. Они подтвердят...

Так началась ее война.

Лили думала, что пройдет по этому пути одиночкой, но не вышло. Сперва была рогатая лисья голова в паутине, молчаливо заставлявшая ее вспоминать нечто неведомое своим настойчивым, пронзительным: «Мemento!» Рядом с лисьей головой Лили ощущала себя

сильнее и увереннее, даже когда голова молчала.

Потом присоединились другие...

На следующий день, после случившегося в каморке, учитель Мун подозвал к себе Лили и властным тоном приказал ей обо всем забыть.

И молчать.

Лили не знала, как правильно поступить, поэтому сперва и молчала, окоченев от неясных предчувствий. Она пыталась предугадать, что будет дальше при разных раскладах. Вот если она, например, всем расскажет? И что? Будет, скорее всего, как с матерью. Никто не поверит. Засмеют, обвинят, лишь льне затравят. А если не расскажет? Хорошего тоже мало — Мун продолжит делать то, что делает.

И другие девушки будут страдать...

Ярость, пока еще скрытая, тягучая, густая, текла по венам, сужая глаза и заставляя сердце биться тяжелой неровной дробью.

Капкан.

Западня.

Все девы Нерки в ней, и некому за них заступиться. Такое нельзя прощать, невысказано оставить на самотек.

И все же находилось в этом море безнадеги нечто необъяснимое. Учитель Мун отчего-то начал побаиваться Лили. Она это не сразу поняла, но постепенно распознала... Трепет, с которым священник отдергивался от подопечной, если та стояла слишком близко или говорила неподобающе громко.

Учитель Мун привык сражаться с вымышленными демонами из писания. То, что с неторопливой неумолимостью зарождалось в Нерке, имело совершенно иную, реальную, природу.

Однажды, не выдержав прямого, испепеляющего ненавистью взгляда Лили, священник решил наказать дерзкую девчонку.

Вечером, когда та пришла домой, ей навстречу вышли двое братьев из общины. В руках они несли визжащий и шевелящийся мешок.

Лили не сразу сообразила, а потом было уже поздно. Братьев попробуй, догони. И добычу у них не отнять...

На кухне пахло пригорелым хлебом, дым стоял коромыслом. В этом едком, противном дыму Лили прятала слезы горя и злобы.

— Зачем ты отдала ее им? Нашу кошку? Они ее в жертву Эвгаю принесут?

— Да. — Мать отставила на окно противень с горелками, вытерла руки о передник, сорвала его через голову и сердито зашвырнула в угол. — До кошек ли нам сейчас? Я тебя спрашиваю? — Она встряхнула дочку за плечо и уселась напротив. — Нас бы не...

Следующей ночью кошка вернулась.

Мертвая.

Живая. Вернее, ожившая...

Обновленная.

Она скреблась во мраке и надрывно мяукала. Из-под крепко запертой двери в дом летела стружка, сорванная когтями.

Лили схватилась за засов.

— Я впусти ее.

— Не смей! Не вздумай... — Мать, бледная, обмахивалась вышитым полотенцем, сползая спиной по стене. — Не открывай... Пресвятой Эвгай, помилуй нас... Помилуй...

— Мама, хватит! — не выдержала Лили. Сорвав засов, распахнула дверь навстречу томящейся полуночи. Со двора пахло металлом и грозой. Закрутилась у ног косматая тень. — Это же наша родная кошка. А пресвятой Эвгай пусть сгорит в огне.

— Мур-мур. Мур-мур, — вдруг отчетливо произнесла кошка с явным одобрением.

И вмиг осипший, испуганный голос матери вторил:

— Не ходи... Я прошу тебя, не ходи. Эвгай с тобой!

Лили встала на пороге, обернулась через плечо. Кошка крутилась у ног, окровавленная, с неестественно завернутой набок головой, с алым языком, криво вываленным из клыкастой пасти...

— Мама, ты серьезно? Ты, правда, веришь в этого злого и несправедливого Эвгая? Он ведь ненавидит таких как мы с тобой. Он считает женщин греховными и нечистыми существами — просто так, ни за что. Просто потому, что ему так нравится. Зачем он тебе, мама? Он ведь и не собирается нам помогать, только наказывать хочет и мучить.

— Мур-мур, — согласилась кошка.

Лили застыла на миг в черной раме дверного проема, а потом решилась окончательно:

— Пойду. Никто не остановит.

— Мур-мур. Мур-мур! — позвала кошка и прыжками умчалась в ночь.

Лили пошла следом. Боясь отстать, побежала, ощущая, как легкие наполнились ледяным воздухом. Серп луны серебрился над верхушками далекого леса, и мерцала у горизонта одинокая звезда.

Свобода.

Она никогда не ощущала себя такой свободной.

Жаль, нет рядом ни Ильзы, ни Табиты, ни Йона. Ни девочек из деревни. Ни мертвых, ни живых...

Одна.

Лили пришла в себя на лугу, что начинался за деревней, у леса. Покошенная трава, еще не убранная, хрустящая и звонкая, нежно шуршала под ногами. По ней, дурашливо подпрыгивая, носилась ожившая кошка с огненными глазами. Там, где она пробегала, сгубленные травы прирастали к корням, расправлялись и выпрямлялись.

Луг купался в призрачном тумане, а со стороны Нерки несло и рассыпалось эхом насмешливое: «Вис! Вис! Вис!»

Лили смотрела на луну немигающим взглядом и думала о том, что у нее есть. Рогатая лисья голова и воскресшая кошка, оживляющая скошенные травы. Мертвые подруги и друг, что сидит на цепи как пес где-то вдаль, на другом краю Пустоши.

Ели жив еще...

Если не убили...

И книги.

Еще есть книги из тайной библиотеки. Много всего дорогого и важного. А еще есть девчонки, которых во что бы то ни стало нужно защитить от подлого священника.

Поводов хватит, чтобы объявить войну учителю Муну и всей Эвгаевой братии.

Чтобы одержать победу, придется быть сильной. Очень сильной. Выносливой. Осторожной. Придется скрывать свои истинные эмоции, притворяться, что ничего не задумала, проявлять унижительную покорность, чтобы отвести врагам глаза, чтобы быть

готовой к решающему броску.

Чтобы не промахнуться, нанося сокрушительный удар.

Чтобы выжить и остаться собой.

Глава 22. Свободы не отнять

По коридорам цитадели гулял ветер, рвал со стен остатки древних гобеленов, швырял со стороны на сторону объединенные непогодой знамена с полуденной луной.

Хати-Йоемуне смотрел на Пустошь. Скрестив на груди руки, кутался в невесомый плащ. Холодно. Ледяной ветер принесся с севера. Каждое утро он оставлял теперь на древних камнях донжона искристые всполохи еще небывало далекой зимы.

— Господин, там...

Клайф, запыхавшийся, перепуганный, что обыкновенно совсем не свойственно хенке, грянулся об пол перед ногами великого духа.

— Что случилось? — с царственным спокойствием осведомился Йоремуне, понимая, что произошло, по всей видимости, нечто невообразимое.

Что же?

— Они убили Скайскифа, — сотряс воздух дребезжащий ответ.

— Они?

— Полукровки!

— Как именно? — Йоремуне приподнял одну бровь.

Новость действительно его удивила. Дух строил разные предположения, относительно того, что может произойти с подопечными, но все это, по его разумению, не должно было выходить за очерченные его властью рамки. Напасть на хенке — уже серьезно.

Вопиющее неповиновение.

— Это все он — щенок из общины нищих. Он давно уже...

Йоремуне поразился еще сильнее. Перебил:

— Не хочешь же ты сейчас сказать, что он в одиночку одолел такого бугая, как Скайскиф?

— Не в одиночку. Он зачинщик. Первый бросил камень, остальные повторили.

— Камень? Какой еще камень?

— Скайскиф хотел заставить полукровок расправиться с их беглым собратом. Он хотел, чтобы они закидали непокорного мальчишку камнями.

— Вот оно как, — Йоремуне задумчиво обхватил длинными пальцами подбородок. — Каков же дурак твой Скайскиф. Хотя, многое становится все яснее и нагляднее. Все больше и больше неподходящего материала...

— Точно, — подобострастно закивал хенке, не особенно понимая, о чем рассуждает дух. — Так что будем делать, господин? Накажем негодников прямо сейчас?

— Нет. Оставим их на время. Займемся трансформацией. Дел невпроворот. Надо настраивать связи между полукровками и их будущими древними зверями. Процесс предстоит кропотливый и, вероятно, не слишком успешный... Пусть заодно успокоятся, потеряют бдительность. Пусть будут уверены, что их выкрутасы дали результат, и все течет своим чередом. Когда притихнут, незаметно уберем самых опасных.

— Нескольких? — уточнил Клайф.

— Беглого мальчишку в первую очередь. Или, думаешь, я его оставлю после всего того, что он учинил? Когда я брал его, мне показалось, что он обычный избалованный маменькин сынок, но это не так. Он силен, одарен и совершенно неуправляем. И непредсказуем, в отличие от нищего парня. Он не лидер — и в этом основная проблема. Лидера можно

сдержан, пригрозив расправой над его паствой, а этот...

— Значит, с ним все решено?

— Решено, — Йоремуне задумчиво оглядел лазурную даль за окном. — Такому не стоит давать силу. Непокорные мне не нужны. — Воздух колыхнулся едва заметно, но даже этого слабого волнения хватило чуткому духу. Он вскинулся и напряженно уставился в темноту входного проема. — Там будто был кто-то. Будто подслушивал...

Клайф принюхался: раздулись и опали его широкие ноздри.

— Вам показалось, господин. Никто из учеников не подходил к вашим покоям. Там лишь запах хенке. Это верно ветер...

— Верно ветер, — согласился Хати-Йоремуне. — Ладно. Иди. Следи за ними, но ничего не предпринимай, пока я не прикажу. Пусть считают, что проделка со Скайскифом как-то возвысила их в наших глазах. Пусть упьются своим триумфом, опьянеют от мнимой победы.

Валари готовился к страшной расправе, побоищу, массовой казни, но его тревоги не оправдались.

Каждый миг с того момента, как последний камень, брошенный полукровками, ударился о бездыханное тело Скайскифа, Валари испытывал ужас от мыслей про то, что ждет их всех впереди. Его терзал страх бессилия, нелепое, омерзительное чувство безысходности.

Но они не могли поступить иначе. Не могли убить своего в угоду Йоремуне...

И все же они никого не спасли.

На следующее утро все полукровки, как один, стояли перед главным входом в крыло с ученическими покоем. Они ждали и трепетали. Готовые.

Валари застыл впереди остальных, мысленно убеждая себя не трястись, не дергаться, но проклятое тело продолжало дрожать, как осиновый лист. Через него будто одна за другой пролетали насквозь незримые молнии.

Кто придет за ними теперь? Что скажет или сделает? Что бы ни произошло, отступить уже нельзя...

Пришел Офу.

Один.

Остановился в нескольких шагах от учеников, скинул капюшон, демонстрируя натянутую улыбку. Сверкание белых острых клыков подчеркивало фальшь этого напускного дружелюбия.

— Я за вами, — произнес главный хенке веселым и одновременно ледяным голосом. — Идемте.

— Куда? — напрягся Валари, чувствуя, каким заряженным становится воздух вокруг.

Мир словно приготовился взорваться, разлететься на куски.

— Учиться дальше, и... Господин Йоремуне приготовил для вас кое-что интересное.

— Наказание за Скайскифа? — прямо спросил кто-то из полукровок.

— Не-е-ет, — наигранно отмахнулся Офу. — Нет, конечно. Забудьте вы уже про этого Скайскифа. Он был излишне жесток и не слишком добросовестен. Господин Йоремуне прощает вам самовольство. Не переживайте. Ну идемте же скорее. Вас ждет кое-что интересное.

Возразить было нечего, пришлось идти.

Йоремуне лично встретил их у входа в закрытую лабораторию.

Прежде полукровок сюда не водили. Никто из учеников не горел особым желанием попасть за загадочную дверь, но теперь деваться было не куда. Пришлось принять приглашение духа.

По глазам резанул яркий свет, болезненно, неестественно белый. Какой-то ледяной. Учеников окутал сонм из множества едких, незнакомых запахов. Стены уходили ввысь. Терялся в слепящем сиянии незримый потолок.

Хати-Йоремуне, такой же ослепительный, как и все остальное в его лаборатории, приказал Офу построить полукровок в линию, а затем объявил:

— Настало время показать вам то, что станет в скором времени вашей неотъемлемой частью.

Валари нахмурился.

За спиной духа возвышались, неподвластные свету, серо-бурые громады ящиков-«гробов».

За окнами тлел закат. Уходила за горизонт лиловая заря. На Пустошь напал туман.

Полукровки по одному покидали лабораторию — уходили на застеленную длинными тенями галерею.

Йон шел последним, раздумывая о том, что увидел. Они все увидели... Кости, излучающие странную силу. Древние кости! Йоремуне позволил прикоснуться к ним, и Йона будто стало затягивать в бездонную глазницу навеки оскалившегося черепа.

Странное ощущение...

Задумавшись, Йон остановился возле черного зева строй арки, увитой седыми кудрями хмеля. Проход за ней вел куда-то вглубь стены. Сквозняки несли запах плесени. Глядела в упор впитанная древними камнями настороженная тьма.

Стремительная тень отделилась от нее и рванулась на свет. Цепкие пальцы с когтями впились в запястье Йона. Неумолимая сила потянула в каменную пасть арки. Полыхнули из глубин застенной ночи яркие огни.

Глаза хенке.

— Тс-с-с. Молчи и не рыпайся, — прохрипел над ухом знакомый голос.

— Алкир, это ты? — с надеждой спросил Йон, за что получил неприятный тычок в бок. Угадал.

— Молчи, я сказал. Тихо. Неважно кто. Пошли...

И все кануло в черноту. Йона поволокли по какому-то темному лабиринту в тайное сердце Эводеона. Шаги полукровки двоились тихим эхом. Сопровождающий двигался бесшумно. Неожиданно он резко остановился, отчего Йон влетел в него и содрал кожу на щеке о зазубренное «перо» доспеха.

— Эй, — сказал кому-то недовольно хенке. — Какого хрена ты за нами прешься? Тебя не звали.

Раздалось шуршание ткани, потом щелкнуло огниво. Тревожный свет вырвал из темноты напряженное лицо Валари. Последовал жизненно важный вопрос:

— Куда ты ведешь моего товарища, Алкир? Отвечай.

Слабый язычок пламени пронесся по воздуху к каменной стене, на которой отыскался факел, вставленный в проржавелое кольцо. Пропитанная смолой пакля послушно вспыхнула, осветив наконец в достаточной степени всех присутствующих. Кроваво сверкнули драгоценные камни на ошейнике хенке.

Им вторил блеск оскаленных клыков.

— Меньше узнаешь, целее будешь. Иди обратно. И молчи о том, что видел.

Привычное добродушие племянника Офу как ветром сдуло, но Валари не испугался.

— Не приказывай. Не пойду.

— Ладно... — Алкир задумчиво оглядел обоих полукровок, после чего сообщил: — Его все равно убьют. Скоро. Я слышал, как Йоремуне приказал это сделать. Я пытаюсь спасти твоего друга.

— Что? — Валари, которого не так-то легко было последнее время ввести в замешательство, изумился: — Ты помогаешь нам? Почему?

— Я делаю это не бескорыстно, — фыркнул хенке. Пару секунд казалось, будто он искренне не знает, что ответить, как оправдать свой странный поступок, но потом подходящая мысль все же пришла ему в голову. В глазах вспыхнули и погасли хитрые искры. — Ты будешь мне должен, командир полукровок. За эту услугу.

Значит, услуга. Валари облегченно подумал, что так даже неплохо. Лучше, чем помощь без мотивов вообще. Он улыбнулся и протянул хенке руку.

— Услуга за услугу. Я понял. Хорошо. Так чего ты хочешь взамен? Великими богатствами и властью мы, как видишь, не обладаем...

Алкир усмехнулся, потянул носом воздух, но свою ладонь не подал. Прорычал сквозь зубы:

— Найду, чего ценного взять. А пока пусть это будет мой долгосрочный вклад, на тот случай, если что-то в Эводене пойдет не так.

Валари кивнул.

— Ладно. Только куда ты хочешь отвести Йона?

— На волю.

— Думаешь, получится? Цитадель охраняют. — Вожак стаи все еще сомневался во всей этой Алкировой затее.

— Есть один путь под землей. О нем мало кто знает. Выход находится далеко от Эводеона. — Хенке взглянул наконец на Йона. — Ты, беглец, ведь не зря бегал — хорошо знаешь Пустошь теперь?

— Не заблужусь, — тихо ответил Йон. Они прошли так несколько сотен метров, после чего он позвал провожатого. — Эй...

— Чего тебе? — Алкир обернулся, прошив темноту огнями глаз.

— Можно кое о чем тебя спросить? — Полукровка остановился и сложил на груди руки. Выглядел он при этом довольно уверенно и зло.

— Спрашивай.

— Почему вы, хенке, служите им?

— Духам? — уточнил за собеседника Алкир. — Потому мы были созданы для этой цели. Теперь нас, похоже, хотят заменить чем-то новым. Чем-то, что создадут из вашей плоти и крови. Мне не нравятся подобные идеи, — предвосхитил он возможный вопрос. — Поэтому я поступаю по-своему, если ты планировал спросить о моей цели...

— Не планировал, — помотал головой Йон. — Я и сам все понял.

— Ну, раз понял, так давай, двигай быстрее ногами...

Они миновали несколько крутых поворотов и остановились возле разлома в стене. Из узкой щели тянуло сквозняком. Алкир передал ученику огниво и факел.

— Дальше пойдешь один. Там будет огромный зал — библиотека духа. Тайное место,

где господин Йоремуне держит свои сокровища — книги, дающие великое знание. Пересеки библиотеку так быстро, как только сможешь. В дальней стене, за лестницей, ведущей на второй ярус со стеллажами, ты найдешь ход, выходящий на Пустошь.

Хенке кивнул, прощаясь, и пошел прочь. Остановился шагах в десяти, спросил зачем-то: — Скажи-ка, полукровка, а куда ты отправишься, обретя свободу?

В ответ прозвучало лишь короткое:

— К ней.

Йон ждал, что Алкир потребует назвать ее имя, но оно не интересовало хенке. Его волновало иное.

— Почему?

И Йон ответил:

— Потому что она там одна сейчас, и ее, наверное, как меня хотят забить камнями. Если еще не забили.

Ожидаемый вопрос все же прозвучал:

— Как зовут ее?

— Лили, — разнесся по подземелью тихий шепот.

— Ну что ж... иди к своей Лили, но будь осторожен. От тебя не отстанут, так что лучше потратить выигранное время не на любовные сопли, а на то, чтобы убежать подальше и зарыться поглубже. Возвращаться в Эводеон тебе нельзя. Здесь тебя ждет смерть.

— Я не боюсь смерти, — попытался возразить Йон, на что получил леденящее душу:

— Сама по себе смерть не страшна, в этом ты прав, но пути, которыми она приходит, бывают столь ужасными, что ты и представить не можешь. Поэтому не дай им себя поймать, понял?

— Понял, — не стал больше спорить полукровка.

Библиотека была огромна.

Стеллажи, пыль, снова идущие в непроглядную высь стеллажи. Корешки книг: старая бурая кожа, светлое узорное золото. Едкий запах страниц. Мысли о Лили — уж она б оценила! Она бы, наверное, сейчас не стояла вот так, млея перед открывшимся величием, в пятне грязноватого света. Она бы читала! Читала запоем...

Йон чихнул, оттого что в носу нестерпимо щипало. Окружающая действительность дернулась с рывком пламени и встала на место. Еще несколько шагов вперед, и зал пророс уходящий ввысь обколотой лестницей. Там, куда она вела, факел вырвал у темноты резную решетку деревянных балясин, оторочивших длинный балкон.

Туда идти не нужно.

Нужный путь вел за лестницу, в непроглядный затхлый мрак, с которым факел почти не справлялся. Свет вяз в тяжелом воздухе. Ползли под ноги липкие тени. Йон вытянул перед собой руку — перед глазами стояла муть. Стеллажи с книгами — другие, приземистые и грубые — едва угадывались вокруг.

Через несколько десятков шагов впереди показалась стена. Черным круглым зевом распахивался в ней уводящий на Пустошь туннель. Йон остановился перед ним, принялся к потоку свежего воздуха. Пахло вереском.

Свобода уже рядом!

По левую руку что-то блеснуло в глубинах стеллажей. Факел осветил перекрещенные ленты с металлической бляхой. В центре грифон — предупреждающий об опасности знак. За ним — книги, от которых будто тянуло тьмой. Знакомой. Такие же книги хранились у

Лили в яме на Пустоши.

Йон не мог их не взять. Он хотел сгрести все, но они оказались слишком тяжелыми и большими. Пришлось наугад выбрать три и, прижав к груди, утащить с собой в лаз.

Подземный туннель тянулся далеко. Он то сужался так, что приходилось сгибаться в три погибели, то расширялся до размеров просторного зала. В какой-то момент Йону показалось, что Алкир обманул его, злобно пошутил, запустив, как крысу, в лабиринт из которого нет выхода.

Ветер Пустоши рассеивал тревогу.

Запах вереска говорил — иди! И Йон шел.

Он шагал бесконечно долго. День, должно быть, уже сменился вечером, вечер — ночью, ночь — утром, а утро — новым днем. Факел давно погас, поэтому продвигаться приходилось на ощупь — благо, тоннель под конец окончательно сузился, сделался предсказуемо прямым. Крутой поворот в конце заставил поволноваться: дорога пошла спиралью вверх.

А дальше — свет.

Йон думал, что ослепнет от него.

Когда глаза привыкли, он ужом выскользнул через тесный лаз и, продолжая прижимать к груди драгоценные книги — подарок для Лили, — привалился спиной к замшелому валуну.

Вышел.

Вниз по склону расплескались после оползня белые камни со слезами кристаллов на бледных боках. Поросшие очитками и мхом, они смотрели из розово-белой пены таволги. Тенями лежали на дне ручья, что бежал через Пустошь к Нерке.

Йон не мог объяснить это словами. Он просто знал. Вода сама рассказывает, куда течет и видит все...

Немного передохнув, Йон спустился к ручью и пошел вдоль русла вперед. Он успокоился, слушая звуки течения. Переливчатые трели волн придавали уверенности. Когда они с Лили жили тут вдвоем, Пустошь была им домом.

Дома и стены помогают.

Глава 23. Идеальный раб

Буря не утихла совсем, лишь отошла, отодвинулась к краю горизонта. Оттуда грозила зарницами да завивала в синюшные кудри выбившиеся из тучи лоскуты облаков.

Корабль, боевой лангскип о тридцати веслах на каждом борту (на материке такие звались драккарами), неумолимо сбавлял ход. Ветер почти не тянул, но гребцы уже облегченно сложили весла. Кормчий, густо рыжий и длиннорукий как обезьяна северянин хмурясь прикладывал ладонь козырьком ко лбу, чтобы в очередной раз убедиться: тихоходный купеческий кнарр как отставал, так и отстаёт.

Огромный воин — не человек, гора! — подошел, звякая сталью, к рыжему кормчему и пророкотал густым басом:

— Топить его надо было, а не с собой брать.

— Добра на нем много. Добра жалко, — вмешался в разговор еще один воин, молодой, но уже седой в полголовы и щербатозубый. — Зря, что ли мы охрану били? Двоих ранеными, одного убитым потеряли. Уж если брать, то всю добычу до последней собольей шкурки. И корабль. Отойдем на восток, продадим его...

— Мелочный ты, Лейф, — медведем зарычал здоровяк. — А коли наемники из Куттана купчишке на помощь придут? Эти, с кнарра, наверняка успели птицу с жалобой послать. Тарх пиратов терпеть не может. До такой степени, что даже соседям-язычникам изволит против них помогать. Нагонят нас Тарховы ищейки, если будем так тащиться.

— Не нагонят.

— А я говорю, нагонят...

Темноволосый парень, прикорнувший возле бочек с водой, почти не вслушивался в перепалку соплеменников. Он дремал, закутавшись в тюленью шкуру, убаюканный мерными переливами волн, пока его не окликнули.

— Эй, Флоки! Сходи за капитаном.

Пришлось вставать и тащиться на другой конец корабля, где седовласый могучий пират высматривал что-то в лиловой недоброй воде.

— Вас кормчий Борге зовет.

Некоторое время темноволосый парень покорно ждал, потупив взгляд. Наконец на него обратили внимание. Мягкой походкой матерого хищника капитан прошествовал мимо и направился в сторону кормчего. Буркнул себе под нос недовольно:

— Иду. Что там у них опять?

Флоки промолчал. Вопрос, как обычно, адресовался не ему, а пустоте. С ним тут, на лангскипе, «длинном корабле» великого ярла Арнульфа Беспощадного, почти никто не разговаривал. Это началось с того момента, как прозорливый и внимательный Лейф, глянув на серебристые отблески в глазах и волосах Флоки, тихо предупредил остальных: «полукровка».

На севере таких не любили. Благо, особо и не отличали от остальных. Безошибочно выделить плод любви человека и хати из толпы могли лишь те, кто встречал полукровок прежде. Вот как этот Лейф, чтоб его...

Флоки не принимали, но и не трогали. Иногда отправляли с незатейливыми поручениями, иногда будто не видели в упор. Для многих он был просто грузом, который надо передать важному заказчику на Большой Земле.

Перед отплытием матушка Флоки сказала, что это ничего. Подумаешь, купили? Подумаешь, продали... Это только так называется, а на деле — такая же вербовка. Как когда они с Пелле ходили на кораблях вдоль Лунного Побережья за добычей. Это называется наем. Все наемники так живут — от платы до платы.

Скорее всего, матушка была права.

Флоки признал это, когда выяснилось, наконец, к кому его повезут. К Хати-Йоремуне, владыке метаморфоз.

Великие духи, по слухам, рабов не держат — у них и добровольных прислужников полно. Да и зачем покупать для рутинной работы обученного воина? Воины должны сражаться — это они хорошо умеют! Значит, и хати купил (лучше «нанял») Флоки для какой-то своей войны.

Пусть.

Говорят, на юге от полукровок так не шарахаются. Вроде как даже в цене они там. Выходит, там ему, Флоки, и лучшее место. А что касается Йоремуне, так Флоки ему послужит. Верой и правдой. И может, дослужится до чего...

Закончив разговор с капитаном, Здоровяк и Лейф, наспорившись, сели неподалеку от полукровки, достали выпивку и принялись болтать о жизни. Жизнь у них была типичная разбойничья: насилие, убийства да грабежи.

— Интересно, Регер Прощельга еще жив? — интересовался Лейф.

— Жив, конечно. Что ему сделается? — зевал в ответ Здоровяк.

— Не скажи. Жизнь-то у него беспокойная. Любит он в авантюру влезть, вот как в тот раз, когда охотились на Тархову жену.

— Хорошо поохотились, — Здоровяк мечтательно закатил глаза. — Столько золота и камней. Такие сочные служаночки...

— Нам повезло, что ушли тогда живыми от Тарховой расправы. Регеру, может, так не повезло, как нам с тобой.

— Да демон с ним, с Регером. А про нас уже никто и не вспомнит. Тем более что мы, северяне, для куттанцев все на одно лицо.

В порту Энгерона, большого приморского поселения северной Райлы, куда лангскип причалил в новолунье, было грязно, людно и воняло рыбой. Коричневая вода казалась матово-непрозрачной. На деревянных скрипучих опорах громоздились уродливые наросты из ракушек и тины.

Сойдя на берег, Здоровяк с Лейфом направились в ближайший трактир, дабы надраться там до поросьячьего визга. Они мечтали об этом весь путь от Северных Островов до Большой Земли, сдерживаемые лишь строгостью капитана.

Флоки отправился с ними, так как именно они отвечали за его доставку заказчику головами.

После долгого плавания, под конец которого ушли в расход почти все продукты, хотелось поесть горячего и сытного. Без разницы чего — лишь бы то была не рыба. Тем более, не соленая рыба!

Сейчас бы овощей, каши и дичи.

Кабанины. Говорят, она вкусна...

В таверне, первой попавшейся по пути, толпился народ. Воняло гарью.

Здоровяк плюхнулся задом на колченогую скамью, та сломалась пополам. Лейф

хохотнул над приятелем и предложил ему сесть на стоящий рядом пенек.

— Чтоб вас всех! — выругался Здоровяк и поманил ближайшего мальчишку-подавальщика. — Неси жрать! — Кинул на засаленный стол звонкие монеты. — На всё...

Ожидание еды Лейф с приятелем коротали за разговорами. Флоки пялился в столешницу, мысленно подгоняя поваров. Быстрее бы уж...

— Он сюда за товаром придет? Этот твой... Как его там? — поинтересовался Здоровяк.

— Куттанец. Так он представляется. Как я понял, один из придворных Тарха. Имени ни разу не назвал — боится, — сообщил в ответ Лейф.

— Тархову жену — тоже он?

— Он.

Принесли еду. Довольно быстро. За столом у окна возмутились, — соседям подали заказ вперед их очереди, — но тут же стихли. С головорезами, вроде Здоровяка и Лейфа, связываться себе дороже.

На стол опустилось огромное блюдо с решеткой дымящихся свиных ребер, окруженных рассыпчатыми клубнями вареного картофеля и кусками пареной тыквы.

Здоровяк, игнорируя прикованную к столешнице стальную вилку, запустил пятерню в еду. Зачавкал. Продолжил расспросы:

— И зачем куттанцу, да еще и придворному, строить козни против своего же владыки?

— Кто его знает? — почесал седую половину башки Лейф. — Хотя, я как-то заметил у него на плаще валансийскую фибулу...

— Хочешь сказать, он работает на Валанс? Очень интересно... — загоготал, было, Здоровяк, но Лейф грубо прервал его:

— Тс-с-с, заткнись, идиот! Это секрет, о котором не стоит трубить на всю округу. И, в конце концов, какая нам разница, что за интриги плетут меж собою Валанс и Куттан? Нам платят — это главное.

За окном подрались матросы, и половина посетителей таверны отправилась на улицу глазеть на них.

— Этот куттанец сюда придет? — еще раз уточнил Здоровяк. — Неохота тащить отсюда свой зад. Уж больно хорошо кормят.

— Нет, не придет, — разочаровал приятеля Лейф. — Здесь слишкомлюдно. Он осторожен. В этот раз даже лично повидаться не явится. Велел на краю Вересковой Пустоши, в Нерке, передать полукровку Регеру Прощельге. У него лично и заберет...

— А деньги обещанные? Тоже Регеру?

— Угу. А он передаст нам. Не волнуйся, без предоплаты мы ему мальчишку не отдадим, пусть не думает...

Принесли выпивку. Пенные кружки с вонючим пивом проехали по столу.

Здоровяк увидел кого-то возле входа в таверну, яростно замахал ручищами.

— Кьярр, дружище! Иди сюда!

За стол опустился коренастый лысый мужик с лицом, изъеденным шрамами от язв.

— Здорово, парни. Как сами? С последнего дела вас не видел...

Между сопровождающими Флоки и «лысым» завязался долгий разговор. Оказалось, что он должен стать третьим. Здоровяк и Лейф опасались идти в Нерку вдвоем.

— Проведешь нас мимо Тарховых патрулей, Кьярр?

— Проведу. Их развелось после того как...

— Еще бы, — мечтательно закатил глаза Лейф. — Знатно в тот раз поохотились. И

широко погуляли на Тарховы-то сокровища.

— И бабы в свите его женушки были что надо, — поддержал Здоровяк. — Эй! А как вы, парни, кстати, насчет баб?

Кьярр хитро прищурился.

— Есть тут один бордель поблизости. Девки там что надо...

Здоровяк даже с места подскочил.

— Так и чего мы ждем? Я чуть не одурел в ледяном море без женской-то ласки! Эй, полукровка! Пойдешь с нами? — Медвежья лапища хлопнула Флоки по плечу.

Парень отказался.

— Нет у, спасибо.

— Тогда мы запрем тебя в съемной комнате. Там нас и дождешься, понял? — сообщил Лейф.

— Понял.

Еще год назад Флоки, не задумываясь, отправился бы со всеми, но теперь, при одном только упоминании злачного места перед глазами всплывало кукольно-бледное личико Тисс... Он узнал ее в таком же прибрежном борделе... Ему показалось тогда, что у них любовь. Тисс была тихой и нежной. Красивой. Флоки накопил денег и выкупил ее, думая, что сказка, которую дарила ему Тисс долгими темными ночами, обретет счастливый конец. Но все закончилось прозаично. И странно. Став свободной, Тисс тут же захотела уехать. Одна. Флоки не пустил. Она сбежала. Он отыскал, но поздно. Она уже была на краю — в прямом смысле. Флоки навсегда запомнил каменный горб моста и валуны в кудрявых волнах внизу... Перед тем как спрыгнуть, Тисс сказала: «Как же я ненавижу вас. Вас всех — кто покупал и продавал мое бедное тело. Больше этого не случится. Я свободна»...

С тех пор Флоки в бордели не ходил.

Он начал подозревать, что там твориться нечто неладное.

Глава 24. Жертвы

Вечером, во время грозы, в дом пришел постоялец.

Внешность его не внушала доверия, но матушка Лили очень сильно нуждалась в деньгах, потому, скрепя сердце, все же пустила. Дочку она благоразумно отправила на чердак, велев не высовываться. И теперь, лежа на животе, Лили смотрела сквозь щель меж досками чердачного пола вниз.

При свете незнакомец выглядел еще более опасным, чем когда стоял на пороге в полутьме. Волчьи глаза, волчьи повадки. Здоровенный неуклюжий тесак, оружие бедноты, тускло поблескивал, оставленный в углу. Красивая, явно с чужого плеча, расшитая узорами куртка была засалена и закопчена. На расклешенных рукавах виднелись пятна засохшей крови...

— Скажи-ка, хозяйка, патрули-то нынче в окрестностях ходят? — поинтересовался головорез у матушки Лили.

— Тихо у нас, — ответила та. — Чего им тут делать?

— Ну и хорошо, — кивнул гость, утыкаясь носом в похлебку. — Пиво принеси. И мяса побольше свари. Я двое суток не жрамши.

— Да, господин...

— Регер меня зовут, — представился незнакомец. — И баню затопи.

— Баня у нас только общая.

— Плохо, что общая. Я тут на несколько дней, надо обождать кое-кого... Ладно, в реке помоюсь, а ты мои вещи постираешь. Да не бойсь, заплачу за все. И за девку тоже.

Матушка вздрогнула.

— Какую девку?

— Ту, что на чердаке прячется. Думаешь, не видел?

Лили ощутила, как по шее потек ледяной пот. Зубы предательски застучали. Дрожь пришлось унять. Срочно. Нельзя паниковать. Надо думать...

— Это дочь моя. Не трогай ее, — насторожилась хозяйка.

— Трогать или не трогать — то мне решать. — Кулак Регера пугающе сжался, натягивая кожу на крепких костяшках.

Лили бесшумно поползла в сторону двора, чтобы там слететь по приставной лестнице в пустую козью клеть и оттуда черных ходом сбежать подальше от дома. Стоило ей двинуться, Регер вскинулся, словно зверь.

— Давай добавки положу! Вина налью, — засуетилась, отвлекая гостя, мать.

Вино в этом бедном году было в Нерке на вес золота.

— Я ее все равно услышу. Не старайся, — криво усмехнулся Регер. — А вина и жратвы давай, подкладывай! Где мужик-то твой? Слышал, ушел?

Мать промолчала, отвернулась. Сказала едко:

— Какая тебе разница? Ты ведь его не заменишь.

— Еще не хватало! — Регер громогласно расхохотался. — На что мне старая карга, вроде тебя? Я себе, когда нужно, сочных молодых добываю.

Лили скривилась. Он старше мамы лет на десять, рожа страшная, бороздами посеченная, шевелюра плешивая — с потолка хорошо видно — ни старым, ни молодым такого даром не надо.

— Ешь, пей, живи, как хочешь, только нас не трогай, — холодно произнесла в ответ хозяйка. — Мы люди мирные. И язык за зубами держать умеем.

Регер демонстративно пропустил ее слова мимо ушей. Продолжил расспросы.

— Так чего мужик-то тебя бросил? Болтают, от того, что дочь твоя потаскуха и ведьма? Давай-ка взглянем на нее. — Грубое лицо разбойника обратилось к потолку. — Спускайся, чертовка. Живо! Ну?

Мать вскрикнула, словно раненная:

— Уходи! Не слушай его.

И в тот же миг застыла, оцепенев. Длинный нож был вынут из ножен на бедре Регера и приставлен к ее животу.

— Я сказал, спускайся, — угрожающе повторил головорез. — В противном случае кишки твоей матушки окажутся на полу.

Лили слезла.

Настороженная и испуганная, подошла к столу. В руках и ногах будто в одно мгновение испарились кости. Голова кружилась от страха.

Регер приказал:

— Сядь.

И Лили села. Напротив. Спиной к печи.

— Не похожа на ведьму, ведьмы смазливые, а ты разве что только рыжая, — разочарованно буркнул Регер. — Не бойся, не обижу. Подарок хочешь? На!

Он небрежно швырнул на стол золотую безделушку. Кулон-звезду на золотой цепи.

У Лили внутри все похолодело. На глаза навернулись слезы, а в сердце волной поднялась неудержимая ярость.

Это был тот самый кулон, что она подарила Табите.

Тот самый...

— Ну, нравится? — самодовольно осклабился Регер.

Лили, вся омертвевшая, молча поднялась и направилась к печи, а потом неожиданно резким, стремительным движением вытащила оттуда чугунок с горячей кашей и швырнула его разбойнику в голову.

— Получай, ублюдох! Сгори! Сдохни! — Слезы брызнули из глаз, ноги подкосились. — Это ты убил Табиту... Ты!

На несколько мгновений Лили потеряла связь с реальностью. Пришла в себя оттого что мать трясла ее, заставляя немедленно подняться и бежать прочь.

— Уходи! Беги! Слышишь? — Щеку ожгла пощечина. — Ну? Давай же! Приди в себя... Доченька...

Лили села рывком. Регер тоже успел подняться и теперь весь обожженный, с надувающейся волдырями кожей, шел на нее, рыча.

— Убью суку.

Мать кинулась ему под ноги, заорала, срываясь на визг:

— Да беги же ты!

И Лили рванула со всех ног к двери, а потом на крыльцо, во двор, со двора на улицу. Через деревню понеслась в сторону Пустоши. Позади громко топал и ругался Регер, уверенный в том, что рыжая девчонка не сумеет уйти.

Лили кубарем скатилась в балку, выбралась с другой ее стороны и нырнула через врата в спасительный вереск. Пустошь встретила ее туманом, в котором тут же зашевелились,

задвигались какие-то существа.

По правую руку из белой мглы материализовалась мертвая кошка и, весело задрав хвост, побежала рядом, словно шла у них с Лили какая-то игра. Так они и неслись бок о бок до самой тайной ямы. Перед ней Лили притормозила, чтобы Регер нагнал и увидел ее, а потом прыгнула.

Разгона не хватило. Лили, едва вцепившись в веревочную лестницу, повисла на противоположном краю потайной дыры.

Регер не заметил в вересково-мшистой дымке провала и мешком рухнул вниз.

На сложенные кучей камни.

Пустошь огласили страшные крики, но никто их не слышал. Постепенно крики стихли, обратившись слабыми стонами боли.

— Девка... Девка, помоги... Я пощажу... Я откуплюсь... Золотом завалю... Женюсь... Только помоги...

Лицо Лили перекосила гримаса омерзения.

— На хрен мне не нужно это твое «женюсь»...

Она осторожно спустилась в подземелье и не узнала его. Мрачные своды были расцвечены сотнями бледных огней. Их вереницы, мерцая, перебегали по каменным полкам, по корешкам старых книг, по груде камней, на которых изломанной куклой лежал Регер.

— Помоги... мне...

У ног раздалось довольное:

— Мур-мур.

Лили наклонила голову. Кошка крутилась рядом и терлась о голени, гарцуя на задних лапах. Ее бархатному голоску вторило знакомое:

— Фур-фур.

С одного из стеллажей посыпались книги, в облаке тяжелой пыли рухнули на застеленный мхами пол. В образовавшуюся дыру просунулась непонятно откуда взявшаяся голова и радостно засмеялась, прижимая уши и щеря зубы в жутковатой улыбке. На рыжей шерсти сверкали россыпи искр. Между рогов, отрастивших еще одну развилку, качался в воздухе голубоватый силовой шарик, исходящий крошечными молниями.

Увидев обоих странных питомцев, Лили ощутила себя увереннее и спокойнее. Регер не мог ей навредить. Он и двигаться-то почти не мог. Только требовал и скулил:

— Помоги, девка... Приказываю тебе... Если не поможешь, то...

От его мерзкого лживого тона к горлу Лили подступал склизкий ком тошноты.

— То что? — резко оборвала она. — Убьешь меня? Изнасилуешь, как насиловал мою подругу и ее мачеху? И их служанок... Пытать будешь? Вспорешь живот и повесишь на суку, как поступил с их охраной? Что ты сделаешь со мной, а? Отвечай!

Она подошла к разбойнику и со всей силы пнула его в бок. Регер взвыл, потом зашипел сдавленно:

— Ты из-за Тарховых баб злишься? Ну, приласкал я их пару раз... Так не я один! Ремесло наше такое, разбойное-раздольное. А тебе б, дуре, знать, что богатые таких как ты, деревенщин, за людей не считают. И вообще, какая между девками может быть дружба? До первого мужика...

— Заткнись! — Лили снова пнула его. — Это была моя подруга... Значит, дело у тебя, разбойное, говоришь? Вот и я найду себе дело...

Ярость душила ее и одновременно наполняла неведомой силой. Тело стало легким,

шаги невесомыми. Мышцы будто налились необъяснимой мощью. Лили глянула на себя мельком и увидела, как по одежде разбегаются тонкими жилами белые молнии...

— Сделай то, что должна, — прозвучало отчетливо с самого дальнего стеллажа.

Костяной зверек выбрался из-за книг и наблюдал теперь за происходящим. Маленький череп светился изнутри, как лампада.

— Я сделаю! — громко ответила Лили.

— Что ты задумала, безмозглая потаскуха? — забеспокоился Регер. — Ты за все поплатишься! Скоро сюда придут мои ребята и разберутся с тобой так же, как с Тарховым кортежем. Нас было пятеро в тот день. Мы сильные. Ты не представляешь себе, какие сильные. Вздумаешь бросить меня тут, Кьярр с парнями вырежут к демонам твою деревеньку. Ничего вы им не сделаете...

— Врешь.

— Не вру. Корабль уже в Энгероне. Они придут сюда... Четверо лучших воинов... Они жалости не знают....

— Я теперь тоже, — ледяным тоном произнесла Лили.

Голос ее разнесся эхом под землей, ушел в дальние неизведанные гроты и норы. Отразился в пустотах и сотряс землю под Пустошью...

В полузабытьи Лили взяла большой камень, откатившийся от кучи в сторону, занесла его над головой Табитиного убийцы и ударила... Подземелье огласил короткий крик и хруст ломающейся кости. В воздухе завоняло мочой и кровью.

Потом настала мертвая тишина...

Лили оцепенела — застыла, как столб. Очнулась, когда темная кровь натекла на носки ее башмаков. Отступила, уперлась спиной в стену пещеры и медленно сползла по ней. Села на холодный пол, хватая ртом воздух. Дыхание сбивалось. Сердце колотилось бешено, неровно. В ушах стоял гул.

Костяной зверек спрыгнул с полки, подошел и уселся напротив.

— Все верно сделала, — прошелестел призрачный голос. — Эта жертва предаст тебе силы.

— Сила мне понадобится, — выдохнула Лили. Взглянула хмуро на подрагивающий труп Регера. — Четверо, значит, придут? Ну, что же. Я буду ждать их.

Перед глазами все мутнело, расплывалось, шло пятнами.

Тут кто-то окликнул ее сверху, от края дыры. Быстрая фигура метнулась по лестнице вниз. Приблизилась.

— Нет! Нет! — Лили замахала руками, почти не соображая, что происходит. — Оставь меня...

— Лили, это я! Что с тобой? Ты в порядке? — Чьи-то руки обхватили ее и прижали. Стало тепло. И кто-то повторял настойчиво и взволнованно. — Это я... Лили, не бойся... Я с тобой. Это я... Я...

Она притихла и перестала вырываться.

Узнала голос.

— Йон...

Глава 25. Октаграмматон

*Caress the one, the never-fading,
Rain in your heart — the tears of snow-white sorrow,
Caress the one, the hiding amaranth
In a land of the daybreak... (C) Nightwish*

Они сидели на берегу ручья, и одинокий куст амаранта, невесть как попавший в эти суровые места, складывал им на плечи свои мареновые кисти.

Лили бережно огладила черную кожу и серебряные углы книги, верхней в стопке.

— Где ты их взял?

— Украл у Йоремуне, когда сбегал по тайному ходу. Увидел и подумал: она похожа на те, твои...

Йон бросил взгляд в сторону тайной ямы. Лили тоже туда посмотрела.

— Надо с ним что-то сделать. Нельзя там оставлять.

— Думаешь, мы сможем его вытащить? — Йона передернуло.

— Надо. Через пару дней к библиотеке будет не подойти из-за вони. Обвяжем веревками и вытянем чуть позже, хорошо?

Лили бережно перебрала книги. Самую нижнюю из стопки переложила на колени и открыла. Попробовала прочесть первые строки.

— Да, — кивнул Йон. — Ты понимаешь, что написано?

— Пытаюсь. Называется «Книга правления». Или управления. Как-то так... — Она сосредоточенно впиалась глазами в строчки. — Интересно. — Пролистала несколько страниц. Туда. Обратно. Заглянула в конец. Вернулась в середину. Повторила заворожено: — Как интересно. Здесь понятно, не как в тех, других книгах...

— Что понятно? — вежливо переспросил Йон.

Его только-только перестало трясти после увиденного вчера. После того, как он нашел оцепеневшую Лили возле трупа с разmozженной головой там, в подземелье.

— Понятно, как управлять. Непонятно — чем. Или кем. — Она оторвала взгляд от желтоватой страницы, коснулась Йоновой руки. — Что с тобой? У тебя жар и озноб.

— Это из-за экспериментов Йоремуне. Он колдовал...

— Зачем?

— Чтобы соединить нас в одно целое с древними существами, что спят, обернувшись камнем. Они похожи на твоего зверя, только не золотые. Хотя, у некоторых были вкрапления. Помощники духа называли эти блестящие пятна огнеметаллом.

Лили нахмурила рыжие брови:

— Для чего духу все это нужно? Звери, вы...

— Он считает, что таким образом можно пробудить в нас великую магическую силу и создать нечто новое. Нечто большее, чем просто человек или зверь. Духи вроде бы когда-то уже пытались повернуть подобное, создав хенке. Вот только хенке не имеют никакой магии. Они хорошие воины, ловкие, но... Йоремуне не устраивает подобный расклад вещей, — пояснил Йон.

— Так ему удалось? — насторожилась Лили. — Получилось привязать тебя к зверю?

— Мне кажется, нет. Я не чувствую никакой новой магии, только то, что у меня было. — Йон болезненно потер ладонью грудь. — Только недомогание.

Лили положила книгу на траву, взяла другую. На страницах пестрели изображения невиданных растений. Травник. Убрал его, она потянулась к последней книге. Водрузив на колени, стала листать.

— Может, так связь и проявляется? — Лили залистала книгу туда-сюда, заскользила взглядом по строчкам. Ткнула пальцем в переплетение овалов и кругов на выцветшей иллюстрации. — Смотри. Тут схема соединения живого с древним. Понять бы о чем... Эй?

Йон не смотрел.

Глаза его, закатившиеся под веки, застилала желтоватая мутная пелена. По щекам и лбу, бледным, словно мрамор, разбегались яркие сетки кровавых прожилок. Губы, мгновенно пересохшие, слабо двинулись.

— Зовет меня... Он...

— Кто зовет? — Лили с тревогой склонилась над другом. — Йоремуне? Йон, что с тобой происходит?

— Нет... Не Йоремуне... Твой зверь из Рассвета...

Спустя минуту ему стало немного легче. На кожу вернулся румянец, исчезли яркие узоры сосудов, и мертвенная пелена ушла с глаз.

Лили встревожено качала головой.

— Нехорошо. Что-то не так. Нужно понять и разобраться.

«Книга соединений», та самая, со странными схемами и пометками на полях, дала исчерпывающий ответ. Если процесс сращения двух материй начался, он должен быть завершен, иначе живое, участвующее в магическом соединении, будет разрушено.

До основания.

Лили вынесла неутешительный вердикт:

— Твое соединение должно быть завершено, в противном случае ты погибнешь. Повернуть все вспять уже нельзя. Быть может, тебе стоит вернуться в Эводеон?

— Нет, — уверенно ответил Йон. — Обратно я не пойду. Йоремуне убьет меня. Так уж лучше от незавершенного колдовства...

— Не говори так, — поежилась Лили. — Давай попробуем разобраться. У нас есть книга и кое-какая магия. Пойдем в Нерку, на берег реки, к Рассветному зверю. Я попробую что-нибудь придумать, а ты не вздумай помереть. — Она подцепила с пола куртку Регера, накидала в нее, как в сумку, своих книг, перевязала рукавами и закинула на плечо.

Сам разбойник (вернее, его бездыханное тело) загадочным образом исчез. Он словно растворился или впитался в камни. Только одежда осталась лежать меж лучами странного символа. Ни капли крови, ни клочка плоти, ни запаха на ней. Будто никто ее никогда не носил.

Лили Регерову куртку намерено взяла. Как боевой трофеей. И те, кто видел его прежде, кто знал, пусть догадываются теперь о причинах его смерти, пусть считают... Это вызов им всем!

Лили спросила:

— Ты можешь идти? — сообщила: — Если нет, я понесу тебя. Не бойся.

— Я не боюсь, — прозвучало в ответ.

Йон стоял, чуть покачиваясь, и внимательно смотрел подруге за спину. В темноте мерцала голова-лампадка. Костяной зверек внимательно слушал их разговор, кивал в такт словам едва заметно.

Они добрались до прибрежных глин еще засветло. Нечто тревожное крылось в плеске реки, несущей блики рассвета на гребнях волн. В звенящем шуме осинника.

Листья-монеты летели с кручи, сорванные резвым ветром.

Лили остановилась.

— Я его слышу. Он зовет.

Йон ответил:

— Я тоже...

Глина у берега колыхалась, двигалась, шла пузырями. Что-то жило под ней, пульсировало и дышало. И никто... Никто не знал, что должно произойти дальше.

Рассвет плавил тьму.

Тускнели звезды, глядящие из ночи, как глаза тысяч разъяренных хенке...

Лили смотрела на воду.

— Звероподобные твари придут за тобой, как в тот раз?

Йон признался:

— Не знаю. Один из них мне зачем-то помог.

— Помог? — Лили повернулась к нему, подхватила, не давая рухнуть на землю. — Держись. Что? Опять плохо?

— Зовет... — только и смог прошептать Йон.

И все же он устоял на ногах. Тяжело ему было — Лили видела и оттого холодела. Боялась, как никогда прежде, потому как Йонова жизнь была сейчас полностью в ее руках.

— Я справлюсь, ты только верь мне, ладно? — Врать убедительно не выходило. — Проклятье! Йон! Ну почему опять все так? Все плохо и безнадежно? Тебе скажу... Я не знаю...

— Чего не знаешь? — Станный вопрос вывал Лили из водоворота назревающей паники.

— Ничего не знаю.

В голове собственный голос прозвучал, будто Табитин. Это она так когда-то сказала. Лили еще не поняла, как это — читать три сотни книг в год и ничего не знать? Теперь сама прочла, пусть не триста, но все равно...

Поняла.

Сомнения терзали душу. Чужая жизнь в руках — не шутка.

Йон произнес совершенно спокойно:

— Иного выхода все равно нет. Твой зверь...

— И твой, — перебила Лили. — А ты его. — Она протянула руку. Стиснув пальцами теплую ладонь Йона, призналась: — Впереди меня ждет тяжелая битва. Я не знаю, смогу ли в ней победить, но сделаю все, чтобы выжить. И чтобы ты выжил тут. Я не брошу тебя, слышишь? Кем бы ты ни стал... Слышишь меня?

Ее начала бить дрожь, которую не получалось скрыть. Еще один человек из ее жизни...

...исчезнет.

— Слышу, — прозвучало в ответ. Настала очередь Йона сказать: — Не бойся. Делай то, что нужно. Давай же!

Зверь уже тянулся из глинистых глубин, выплывал. Золотая голова поднималась, как остров. Тлели глаза. Прежде снулые и матовые, теперь они нагнетали в глубинах холодный свет.

Зверь искал.

Того, с кем судьба пожелала связать его после текучих лет...

Долгих... Долгих!

Миллионов лет...

Лили смотрела на зверя. На его бесконечно-длинный нос медового золота, на пологий лоб, на рассаженные широко по бокам головы уши и глаза. И все в его формах, в перекатах, в изгибах было иным и древним. Эти черты и пропорции, почти чуждые современному дикому миру, слабо читались еще в непропорционально огромных кабаньих башках, в куньих длинных хребтах, в росомашьих челюстях, сокрушительно грозных...

Это были черты давно умершего, а вернее, переродившегося в нечто иное существования.

И вот настал новый момент перерождения.

Новый виток истории круто завернулся, чтобы поднять на гребне волны своих седоков...

— Давай же... — отчетливо произнес кто-то еще.

Лили обернулась. Костяной зверек вышел из осиновой поросли. Несколько круглых листочков прилипло к его головке, к дужкам пожелтелых ребер...

— Ты тоже здесь? — Лили поразилась и отчего-то обрадовалась. — Поможешь? — спросила, надеясь.

Зверек запрыгнул на сброшенные в траву книги, скинул верхнюю с вершины стопки, распахнул, ткнувшись мордочкой, на нужной странице...

Лили посмотрела на него и протянула умоляюще:

— Знаю я... Но главного слова там нет! Там только начало: «Ин номене...» Но этого мало. Помогите. Подскажите! Ты же знаешь?

— Цио... — прошелестело в ответ.

Таинственное создание отступило от книги и вдруг задымилось. Потянулись к небу черные клубы. Кости истончились на глазах, растворяясь в воздухе.

— Что ты делаешь?

Лили подбежала к распавшемуся на части зверьку, присела. Осталась только выжженная трава — черная земля, как рана. И на ней, тлеющее рыжими углями слово... Лили прочла, перед тем, как вмиг налетевший ветер задул остатки жара.

То самое слово.

Когда обернулась на Йона, ноги подкосились. Рассветный Зверь был рядом. Совсем близко. И он затягивал Йона в себя. Как трясина. Обливал расплавленным золотом. Огнеметаллом...

— Йон! — Лили рванулась к другу.

Тот остановил ее. Поднял руку, ту, что еще не вросла, не втянулась в тело зверя.

— Нет. Не останавливай это... Колдуй... Ты знаешь, что делать... Я верю в тебя... Верю!

И Лили взяла себя в руки.

А у ног закрутилась, загарцевала кошка. Умиротворенное «мур-мур» окутало, обволокло уютным коконом спокойствия и поддержки.

Кошка легла, свернувшись плотным клубком, прямо на Лилины башмаки. Заурчала громко, надрывно. Разогрелась, как маленький горн. Лили ощутила, что от монотонной кошачьей вибрации течет в ее тело необъяснимая сила.

И своя сила, так долго спавшая внутри, вдруг становится ощутимой и реальной.

На раскрытой ладони вспыхнул сам собой энергетический комок. В голове забилося, запульсировало знакомое: «Вис! Вис! Вис!»

Сила.

Нужно было сказать, но горло пересохло. Лили закашлялась, поперхнулась воздухом.

— ... Ин номене... Ин... — Никак не получалось договорить до конца, будто сдерживало что-то. Будто стальная рука сжала горло, лишив возможности дышать... Нет! Она справится... Справится! — Ин номене... Октаграмматон...

Ин номене Октаграмматон!

И все вокруг разлетается на цветастые куски.

Весь мир.

Глава 26. Акониговые сны

Сказал Царь Ракоскорпионов рыбе: «Буду я властвовать над тобой и над внуками твоими во всех водах!»

Промолчала рыба, ибо не было у нее рта.

Сказал Царь Ракоскорпионов рыбе: «Будешь ты мне едою.

И внуки твои будут пищею мне во все времена!»

Не стерпела рыба, расколола свою голову надвое,

и стало две челюсти у нее. Надела рыба доспехи, и грянула битва.

В страхе бежал Царь Ракоскорпионов из всех вод на все времена.

Правила рыба Царством Девонским много миллионов лет,

А внуки ее отрасли четыре ноги и ушли по земле...

(С) Книга Эво

— Проклятый Регер! Небось, вздумал кинуть нас! — негодовал Здоровяк, неуклюже восседая на спине широкого, слово скамейка, гнедого мерина.

— Вздумал бы кинуть, оставил бы без денег, а так какой смысл? — спорил с ним Лейф.

Привыкшие к корабельной палубе, на земле, вдали от моря, оба разбойника чувствовали себя неуютно. Долгая поездка верхом казалась пыткой.

Флоки напротив нравилось качаться в такт лошадиным шагам на спине высоченной, серой в яблоках кобылы. Было в этом процессе нечто умиротворяющее. По обе стороны плыл лиственный лес полный звуков и запахов. Плелись над дорогой косицы берез, дрожали тонкие прутья осинника, завивались морскими канатами раскидистые ветви могучих дубов.

— Он уже в Нерке, — уверенно заявил Кьярр. — Ждет нас.

— А Ивар будет? Тот, что пятым с нами ходил тогда? — вспомнил Лейф.

— Нет. Сдох он.

Лейф и Здоровяк удивились хором:

— С чего бы?

— Попался людям Тарха буквально на днях, — пояснил Кьярр. — И сдох.

— Под пытками? — с надеждой уточнил Здоровяк, протискиваясь своим меринком меж лошадьми поделльников.

— Если бы, — уныло протянул Кьярр. — Его повезли на допрос к самому Тарху, но кто-то нанял убийцу, чтобы не довезли.

— Куттанец придворный, — догадался Лейф. — Побоялся, сволочь, что сдадут его.

Кьярр кивнул.

— Да. И хрен его, Ивара знает, что он там успел разболтать. Поэтому нам всем тут лучше надолго не задерживаться. Передадим вашего мальчишку Регеру,ждемся его в порту и все вместе свалим из Райлы на ближайшем корабле. К демонам это все...

— К демонам! К... — радостно повторил Здоровяк, сбился на полуслове и выругался. — Безмозглая кляча!

Все из-за того, что лошадь под ним споткнулась. Ветка, что ли, под ноги попала. Здоровяк крикнул, неуклюже съехал на бок вместе с седлом, выпустил повод из рук.

— Стой, корм собачий! — прикрикнул на невнимательного мерина Кьярр. Седоку тоже досталось. — Ездишь как мешок с дерьмом. Слазь. Седло надо поправить и подпруги затужить, а то не ровен час рухнешь посереде дороги о камни башкой.

Встали все. Спешились.

— Давайте уж и перекусим. Хоть выпьем, — жалобно протянул Здоровяк, разминая уставшие ноги. — Зад болит. Ненавижу лошадей! И эти дороги. — Он гневно пнул перекрывшую путь коряжину. Подошва из акульей кожи шершаво сняла с подгнившего дерева кусок мохового скальпа. — К демонам все это. Из-за тебя тут мучаемся, говнюк мелкий.

Последняя фраза, адресованная Флоки, была поддержана понимающим фырканьем Лейфа. Морские волки хотели обратно в море. Полукровка не стал радовать их обидой или прочим вниманием. Пропустил оскорбление мимо ушей.

Солнце перевалило за полдень.

Тут же рядом, у тропы, заплясал веселый костерок.

— Эй, Флоки! Тащи эту чертову коряжину в огонь. Хочу сжечь ее! — горланил Здоровяк, развалившись на конском потнике и причмокивая пивом из бурдюка. — Давай живее, парень!

Полукровка выругался под нос. Если громила-варвар что-то втемяшит в свою пустую башку, спорить бесполезно. Вот ведь мстительный ублюдок. Даже с коряжиной решил разобраться, будто безмозглая деревяшка по собственному разумению впуталась в ноги его коню.

«Придурок», — мысленно обругал соратника Флоки, вцепился в черное тело коряги и вывернул ее из травы и мха. И дерево оказалось вовсе не деревом.

— Ничего себе... Эй! Смотрите!

Лейф кинул на находку ленивый взгляд и тут же насторожился:

— Что это за пакость?

— Кость, — с мрачным спокойствием отозвался Кьярр. — Когда на эти места обрушилось наводнение, с Пустоши много подобной дряни принесло.

— Чья ж эта кость, по-твоему? — с любопытством поинтересовался Флоки, поднимая огромный предмет и ставя его вертикально. — Что за тварь обладала такими размерами?

Он не удержал добычу, слишком скользким оказался освобожденный от мхов таинственный предмет. Кость грянулась оземь, чуть не задев Лейфа и Здоровяка.

— Охренел, щенок? — хором выругались разбойники. Здоровяк пнул мыском черно-коричневый изгиб. — Ни хрена себе... Это ж нога! Кого носили такие ноги?

— Елефана, может? — сумничал Флоки, выдавший сего грозного зверя лишь единожды на картинке в книжке, честно отобранной головорезами Пелле у какого-то бродячего проповедника.

— Да не-е-е, — с видом знатока осадил его Кьярр. — Елефаны водятся только на юге. И меньше они гораздо.

— Будто ты видел? — завистливо съехидничал Здоровяк, которому и вставить-то в разговор было особо нечего.

Привыкший хвастать силой мышц, а не извилин, в этом споре «умников» он чувствовал себя заведомо проигравшим, отчего нервничал и злился.

— В Тарховом зверинце такие есть, — свысока ответил Кьярр.

Здоровяк все не унимался:

— Будто Тарх тебя, ободранца, к себе на двор пустил и в зверинце зверей показывал?

— Их в праздник Солнца на ярмарочную площадь выводили, чтобы народ забавить, — хмыкнул Кьярр и зевнул, демонстрируя тупоголовому громиле всю неоспоримую ширь

своего кругозора, — елефанов этих. Я там был. Ох, и уроды же! Ты б видел, Лейф. Хвост и спереди и сзади и у них есть. И тот, что спереди, еще не ясно точно хвост или х...

— Эй, глядите туда! — Флоки обошел завал из сбитого ветром березняка. За ним торчали, уходя к небесам, два округлых черных предмета, похожих на половинки разломанного надвое обода исполинской бочки. — Тоже кости. Или рога...

Полукровка встал под черную шгуку, что изогнулась выше его роста, потом нырнул куда-то за ветки.

— Это еще что за гадость? — осведомился Здоровяк.

— Зубы! У них такие зубы, — радостно крикнул соратникам Флоки. — Тут еще голова. Это точно елефан! Как в книжке. Я читал.

Тут он, конечно, приврал. Мать пыталась научить Флоки грамоте, но он не больно-то усердствовал, все на топор больше налегал, да на щит... А в книге он только картинки смотрел и слушал Пелле — тот, как выяснилось, грамоте все же где-то обучился. Но кто ж теперь проверит? Тем более, слово «читал» произвело на спутников просто неизгладимое впечатление.

Когда остальные заткнулись, в спор вступил молчавший до этого Лейф.

— Не ведаю, елефан то или нет, но зверя я похожего видел. На севере, в леднике. Он плыл внутри айсберга, намертво вмерзший в лед. Лохматый и бурый. Огромный, как гора.

— Он был жив? — не поверил услышанному Здоровяк.

— Нет. Мертв. А быть может, он спал. Тихо... — Лейф предупреждающе вскинул руку. — Слышите?

Все замолчали и прислушались. Издали ветер принес странные звуки. То ли смех, то ли плачь. Электрический треск молнии. И гул земли.

Снова смех.

Теперь отчетливый и ясный. То залиvistый, тоненький, похожий на девичий или детский, то басовитый, резкий, переходящий сначала в рычание и лай, а потом в надрывное свирепое рявканье.

Кьярр поморщился.

— Лисы.

— Дурное место. На корабль хочу. На воду, — разнылся Здоровяк, но Лейф приструнил его.

— Заткнись уже. Нам деньги нужны. Хочешь без денег остаться?

— Нет.

— Вот и сиди.

Они оба пристально посмотрела на Флоки.

— Зачем этот щенок сдался Йоремуне? Мало таких, что ли? — ворчал Здоровяк, подкладывая в огонь сухие ветки.

— Мало, — коротко отрезал Лейф. — Вот опять...

Новые волны хохота разлились в воздухе. Небо резко затянуло черными тучами. Их пробили белые молнии, раскатисто пророкотал гром, а потом все кругом посекали линии дождя.

Ругаясь и ворча, разбойники соорудили из подручных материалов жалкое подобие шалаша и теснились теперь в нем. Флоки досталось место с краю, там, где вода заливала нещадно. Костер потух. Сразу стало холодно и тревожно.

Плюнув на субординацию, — в конце концов, они ему лишь конвоиры, а не боевые

товарищи, — полукровка ушел через подлесок к звенящей в лощине реке. Крутой берег нависал травянистыми шапками над выеденным водой песчаником. Кое-где образовались неглубокие гроты.

Флоки ввалился в один из них и, прижавшись спиной к слежавшемуся песку, задремал, кутаясь в полумокрый плащ. Сырость не добавляла уюта, и он все возился, все дергался, пока не растревожил окончательно стену. Песок стек прямо на спину, набился за шиворот и противно зачесался под одеждой.

— Чтоб тебя!

Флоки отскочил в сторону, обернулся зло и обомлел. В стене грота из-под струй оплывающего вниз песка проступало что-то.

Полукровка, насторожившись, словно готовый атаковать волк, пригнул голову и смотрел, как выходит из-под песочного каскада нечто угловатое и сочлененное. Тяжелое.

В первые секунды Флоки принял это за людской доспех, но при ближайшем рассмотрении с неприятной тревогой понял — воин, что носил окаменелую, чужеродного вида броню, не был человеком.

Он был чудовищем, столь жутким, что Флоки даже представлять его не хотел. Огромный шлем расходился в широченные наплечники. Голова, которую он должен был покрывать, имела плоский лоб и просто гигантскую пасть.

Флоки приблизился на пару шагов, прикидывая: нет, не голова его там, в пасти такой, поместилась бы, а весь торс. И это двойное забрало, похожее на выточенные из цельной пластины зубы. И странная защита глаз — не смотровые щели, а прочные шарики с дырками посередине. И нащечники...

Что это, вообще?

— Вот дерьмо, — раздался рядом голос Кьярра. — Ты какого хрена ушел, мелкий?

— Что это? — проигнорировал его вопрос Флоки, пораженный увиденным.

— Воин. — Разбойник поднял из-под ног отмоченную рекой коряжину и швырнул под берег. Остатки песка, скрывавшего «доспехи» осыпались вниз. — Древний.

— Кто он такой?

— Тьма его знает. Один сумасшедший сектант в Городе-Солнце пел о таких. Вещал, блаженный, что, дескать, все люди когда-то были рыбами, и порол другую чушь. И рисовал... Рисовал в пыли картинки. Жутких рыб-воителей. Называл их рыцарями Девона...

Флоки заморожено посмотрел на разбойника.

— Что это? Девон?

— Откуда я знаю. — Кьярр обозлился вдруг, погнав полукровку обратно. — Не на что тут смотреть. Давай, живо назад иди! И сбежать от нас не вздумай!

Лили очнулась от холода.

От того, что по телу барабанили холодные капли, доходили до самой кожи. Будто трогали и трогали ее чьи-то ледяные пальцы.

Тяжелые веки едва удалось разлепить. Мутному взгляду предстала размытая ливнем глина, и большая гладкая яма в ней, с закрученной резьбой застывшего водоворота.

Резьбу смывало дождем, и сама яма заполнялась им же, превращалась в маленькое озеро.

— Йон...

Лили поднялась, оскальзываясь и шатаясь. От одежды, не такой уж богатой и красивой,

остались одни тлеющие лохмотья. В стороне валялась куртка Регера, с завернутыми в нее книгами.

— Йон... Ты там? Ты где?

Лили поковыляла к яме, съехала на ее дно, принялась грести тугую, укрытую мутной водой глину скрюченными оледенелыми пальцами.

— Не кричи так громко, — раздалось позади.

Лили резко повернулась, подняла голову. На краю ямы стоял костяной зверек и как ни в чем не бывало светил огоньками в пустых глазницах.

— Ты? Но как ты... — Лили неуклюже вскарабкалась по липкому склону наверх. Устало села возле книжной связки. — А как же дым? И...

— Все это не имеет значения. — Пожелтевшая от времени головка склонилась набок. — Я есть лишь в твоей собственной реальности. И в реальности тех, кто похож на тебя.

Лили откинула за спину слипшиеся грязными сосульками волосы. Спросила:

— Почему я тебя понимаю? Раньше почти не понимала. Ты теперь знаешь мой язык?

— Нет. — Костяная головка качнулась в другую сторону. — Это ты теперь знаешь мой.

Лили покосилась на яму.

— А Йон? Что с ним будет? Он хоть жив?

— Если силен, то жив, — прозвучал уклончивый ответ. — Если слаб, то жив. Но уже не он.

— Как тебя понимать? — Лили тяжело поднялась. Хотела протереть ссаженными ладонями лицо, но лишь размазала по нему разводами прилипшую глину. — Что я с ним сделала?

— Ты помогла. Сделала лучшее, что могла. И слово. Запомни. Оно спасет тебя от смерти. Однажды.

Лили жаждала засыпать потустороннее создание вопросами, но оно с пшиком исчезло, растворившись в воздухе. А в памяти всплыл сам собой тот самый...

...Октаграмматон.

Всю дорогу до дома она шептала: «Только выживи, Йон. Выживи. Я знаю, ты это умеешь, как никто иной. Тебе там трудно, наверное, но все равно».

Солнце завалилось за горизонт, такое же уставшее, как сама Лили. Облака, неестественно-лиловые, затеняли восток. словно кровавые полосы рваными ранами расчерчивали небо. Цветом в тон качался за осиновым перелеском высокий кипрей.

Поле с пробором тропинки блестело, вымоченное дождем. Он снова заморосил, когда Лили отошла от берега. У горизонта вскинулась радуга, там солнце еще проблескивало, разгоняло тучи, и они темной армией ползли на Нерку. Отражались в стеклах луж.

До деревни Лили добралась быстро. По пути никто не попался — и хорошо. Все прятались от дождя.

Мать нашлась в глубине дома. Растрепанная, бледная, она сидела на кровати и, кажется, боялась шевельнуться. Заметив, что дочь вернулась, женщина вскочила на ноги и, шатаясь и хватаясь за стену, бросилась навстречу.

— Лили... Что он сделал с тобой... Лили...

— Ничего.

Мать будто не понимала. Все лепетала, расспрашивала в полузабытьи:

— На тебе его куртка, доченька... Он отдал тебе куртку? Он вернется... Он придет

сюда...

Лили отрезала:

— Он больше никогда никуда не придет.

И направилась к деревянной бадье с водой. Откинула в сторону круглую крышку. Та упала на половицы со стуком. Взяла черпак, набрала полный. Вода казалась темной. Припала к деревянному отполированному краю и стала пить.

Долго. Жадно.

Отнесла книги в комнату, где когда-то гостевала жена Тарха...

Вернулась.

— Мама, к нам скоро придут... люди. На постой, возможно, попросят. Ты пусти, ладно?

Мать кивнула. Опять попыталась расспросить:

— Что ж было-то, Лили? Что случилось с тобой? Тебя точно не...

Лили глянула на нее гневно.

— Точно не что? А? Договаривай, мама! Что «не»? Не изнасиловали? А что, если так? Что это меняет?

Мать совсем потухла, прижалась спиной к дверному косяку.

— Доченька... Ты... Что ты такое говоришь? Люди-то что скажут, подумай...

— Тебя только это волнует? — Голос Лили звякнул металлом. — Нас чуть не убили. Тебя. Меня. И еще неизвестно, что будет впереди.

Но мать уже смотрела мутным взглядом и бормотала бессмысленно:

— Что же ты наделала, глупая. Что наделала... Пресвятой Эвгай, помилуй! Ну зачем ты все это устроила? Зачем?

— Затем, что жить хочу. И выжить пытаюсь всеми силами. И себя сохранить.

Мать не слушала.

— Разве плохо мы к тебе относились? Мужа нашли хорошего, приданое давали — все! Жила бы, как у Эвгай за пазухой. Как Ильза бы в дорогой одежде и самоцветах ходила...

При упоминании Ильзы Лили ощутила, как к горлу и глазам подступают слезы. И не выдержала, взорвалась:

— Не смей упоминать ее имя! Не смей никогда! Ильза на себя руки наложила, потому что не хотела такой судьбы. Сломали ее! Как игрушку, как вещь. И я не хочу так!

Она выдохнула, понимая, что гнев сейчас не поможет, только растратит силы.

Мать поджала губы, посмотрела горестно, проронила сквозь плотно сжатые зубы:

— В тебя демоны вселились, доченька... Демоны...

Лили отозвалась хмуро:

— И пусть.

Потом, усевшись на кровать, вытянула из книжной стопки «Травник», стала читать.

Читала, пока не легла на Нерку густая сизая с розовым подпалом заря. Нашла то, что искала. Улыбнулась сама себе, а потом спрятала книгу поглубже в сундук.

В окно постучали.

Лили настороженно приблизилась. Встала бочком за занавеску, выглянула, чтоб саму не видно было. Внизу в зарослях злого крыжовника пестрели яркие девичьи нарды. Во всей Нерке такую расшитую и дорогую красоту могла позволить себе лишь Фая.

Чего ей тут надо?

Лили тихо вытолкала наружу залипшие створы, перегнулась через подоконник.

— Чего?

— Пусти меня, Лиль, — потребовала мельникова дочка, всеми силами сдерживая дрожание алых пухлых губ. — Коли ты не пустишь, идти больше некуда.

— Залезай. — Лили протянула ей руку, кряхтя, помогла влезть в комнату. Указала на сундук. — Садись. Что случилось-то?

Фая молчала.

Пыталась начать говорить, но рот сам собой кривился, не слушался. Вместо слов из него шли всхлипы и жалкие поскуливания. Наконец, не выдержав этой борьбы с самой собою, Фая разразилась рыданиями. Проплакавшись, рассказала:

— Из-за него все. Из-за Муна. Ты ж знаешь.

— Догадываюсь.

В душе Лили зашевелились нехорошие предположения.

— И вот... — Фая оглушительно всхлипнула. — Жених-то прознал. И вот... — повторила она, не решаясь сказать о самом страшном. Будто заело ее. — И вот...

— Мун пристал к тебе, а Турм прознал об этом? — попытожила за нее Лили. — И?

— Свадьбы не будет теперь... А я так хотела! А гости... А родня... А теперь стыдоба одна...

— Стыдоба? Будто ты виновата в чем-то?

— Виновата... — Фая красноречиво обхватила ладонями свою пышную грудь. — Виновата! Все это... — Она хлопнула себя по широким бедрам, по разрумяненным щекам. — Искушает оно, понимаешь? Значит, виновата...

— Кто это тебе сказал? Мун? — Лили подошла к ней, села рядом. — Не слушай. Никого не слушай. Ты не виновата ни в чем.

— Так все говорят, что виновата, — не унималась Фая, и Лили с тоской понимала, что слово ее вряд ли перевесит то множество слов, что кидают в несчастную мельникову дочку обвинители.

— Вот. Смотри. — Фая задрала подол, демонстрируя белые полные бедра, исполосованные алыми рубцами. — Отец высек... Сказал, убьет. А я сбежала... К тебе!

Лили ощутила, как внутри поднялась и опала волна ярости.

— Почему ко мне?

— Потому что ты заступишься.

— С чего? Нашла заступницу...

— С того, что ты ведьма. А ведьмы таким как я, пропащим и порочным, помогают. Так мамка говорила, пока отец не услышал ее и не засек за такие слова.

— Засек? — После гнева в душе вырос лед. Он защищал от огня, жгущего внутренности при каждом подобном рассказе, истории, случае. Не хватит сил каждый раз слушать и беситься от несправедливости, что царит кругом... Так лучше уж в лед. — Говорили, что мать твоя утонула.

— Нет. — Фая шмыгнула носом. — Отец мать в ведьмовстве уличил. Вот и...

— И ты после этого ко мне, к ведьме, за спасеньем пришла?

— Лучше к тебе, чем с позором под плетью. — Фая склонила тяжелую голову на Лилино плечо. — Ты прости, что я тебе гадости говорила. Что прежде не водилась с тобой.

— Ладно. — Лили обняла ее. Странно как-то. — Только... Матушку твою ведьмы вон не спасли.

— Не успели, — уверенно ответила Фая. — Все равно больше никто не пожалеет.

Девчонки боятся, их самих родня заест, коли в беспутстве уличит... А ты...

— Оставайся. — Лили поднялась с сундука, прошла через комнату к двери. — Но когда скажу, что надо уходить — уйдешь без споров, ясно?

— Ясно, — радостно закивала Фая и впервые за весь разговор улыбнулась.

До Нерки они доехали к вечеру следующего дня.

Погода стала еще хуже. Небо затянуло сизая хмарь. У западного горизонта сквозь нее мутно проглядывали размытые кляксы ржавой зари.

Лошади еле шли. Спотыкались в грязи, поскользывались, норовили и вовсе упасть, попадая в глубокие ямищи разбитой колесами телег дороги.

Дорога текла через вымокшее насквозь поле. В ее конце черным гребнем стояла деревня, сверкала жгучей вереницей поздневечерних окон. Оранжевые огни сообщали, что тут есть жизнь. И бурливый дым, что поднимался из труб в сырое небо, намекал на сытный ужин.

От стройки, ведущейся чуть в стороне — судя по острому, тянущемуся ввысь шпилью становилось ясно, что возводят храм, — двинулись навстречу две фигуры в алом.

— Эвгайские псы, чтоб их. — Здоровяк плюнул под ноги Лейфовой лошади. — Чего они прутся сюда?

— Поприветствовать нас, — ухмыльнулся в ответ Кьярр. — Не волнуйтесь. У них тут свои интересы, у нас свои. Переговорим и разойдемся.

— А я-то уж думал срубить пару алых голов, — разочаровался Здоровяк. — Ненавижу их не меньше, чем Тарховых солнечных прихвостней.

— Тихо себя веди, пустоголовый, — ругнулся на соратника Лейф. — Сказано тебе — в бой не вступаем. Говорим.

Флоки, двигаясь в хвосте процессии, смотрел на приближающихся конников без особого интереса. Эти вояки в красных хламидах встречались ему прежде, и всегда были годны лишь на то, чтобы пугать недостаточно набожных крестьян.

А бойцы никудышные.

По сравнению с северянами — уж точно!

Даже если их тут не пара, а десять — беспокоиться не стоит.

Даже если пятнадцать...

Кьярр бросил через плечо остальным:

— Притормозите и ждите здесь.

Когда все послушно встали, пустил лошадь рысью навстречу алым плащам. Махнул рукой, приветствуя. Воины махнули в ответ. Где-то на середине поля они пересеклись с Кьярром, о чем-то коротко переговорили, после чего разбойник вернулся к соратникам.

— Ну? Чего? — нетерпеливо поинтересовался Здоровяк. — Чего там тебе эти псы налаяли?

— Ничего, — отмахнулся Кьярр. — Пожелали хорошего дня. Да посоветовали бабу одну, у которой на ночлег можно остановиться и пожрать от пуза. Вроде и Регер уже там.

— Ба-а-аба! — сладострастно протянул Здоровяк.

— Старуха, — оборвал его Кьярр, — мужем брошенная.

— А-а-а-а, страшная, выходит, или больная, — донеслось в ответ разочаровано.

— Ну так как сбудем полукровку с рук, по соседям пройдемся, — успокоил приятеля Лейф. — Чего ты разнылся тут? Сначала дело, не забывай. Потом развлечения.

Когда они спешили возле означенного дома и забарабанили в дверь, открыла вовсе не старуха. Девица! Не скажешь, что жгучая красотка, но им всем сейчас хватило бы и того, что она молода.

Флоки поймал ее взгляд, тревожный, злой, холодный из-под рыжей пряди, павшей на лицо там, где шевелюру девушки не удержала серая косынка. В душе полукровки шевельнулись нехорошие предчувствия.

Что-то не так.

За густым неухоженным садом дробно прозвучал чей-то тяжелый топоток и растворился в ночи. Кто-то еще тут был да сбежал?

Флоки хотел толкнуть в бок Лейфа, предупредить, а потом подумал, что даже если и случится с местными какой-то конфликт — то эта не его проблемы. Он даже лезть туда не станет — пусть Кьяррова компашка сама разбирается с всем.

Дело Флоки добраться поскорее до Йоремуне...

Дева улыбнулась широко, блеснула зубами.

Кьярр заговорил с ней:

— Что, красавица,пустишь на постой? Деньги есть. Заплатим хорошо. В долгу не останемся.

Рыжая улыбнулась еще шире и согласилась без вопросов:

— Конечно. Ваш друг предупреждал, что вы придете.

Кьярр, привыкший, что его не слишком симпатичная физиономия обычно в таких случаях вызывает у людей сомнения, удивился такой сговорчивости.

— Регер уже тут?

— Да, — кивнула девица, жестом приглашая войти в дом. — Милости прошу.

— Так зови его, рыжая, — рявкнул Здоровяк. — Хочу на морду его поглядеть, давно не виделись.

— Он отлучился по важному делу, — без тени сомнения сообщила молодая хозяйка дома. — Но ужин уже готов. Так что можете его не дожидаться. Вы ведь, я вижу, устали с дороги.

— Устали! Еще как устали!

Оттолкнув Кьярра, Здоровяк первым ввалился в дом и протопал, не снимая грязных сапог, прямо в комнату. Плюхнулся за стол, вытер руки о скатерть и демонстративно плюнул на пол.

— По какому такому делу? — недоверчиво осведомился Лейф, разглядывая накрытый стол и лежащую стопкой посуду.

Белая скатерть. Свечи в кованом медном подсвечнике — все прямо роскошно.

— Откуда мне знать? Расспрашивать гостей об их делах в нашем доме не принято, — спокойно ответила девушка.

Из-за занавеси, закрывающей проход в соседние комнаты, выглянула женщина с осунувшимся, больным лицом. Бледная, как смерть.

— Мама, подай гостям еду, а я позабочусь об их лошадях. И плату за постой возьми вперед. Мало ли что.

Кьярр хмыкнул и небрежно бросил на стол тощий кошель. Денег было жаль, впрочем, разбойник не сомневался, что спустя какие-нибудь сутки, все до монеты вернется к нему обратно.

Осталось только встретиться с Регером...

Вся компания расселась за столом. Испуганная женщина принесла лепешек, каши и вина.

— А мясо где? Где нормальная жратва, я спрашиваю? — заорал на хозяйку Здоровяк, швырнув на пол надкушенную лепешку. — Ты мужика своего тоже этим дерьмом кормишь? За что мы заплатили тебе, карга старая!

— М-мясо еще не стотовилось... Скоро б-будет.... — дрожащим голосом залепетала женщина, пятясь от стола к занавешенному проходу. — Вина выпейте...

— К демонам!

— Наливай вина, — потребовал Лейф, сердито бросив соратнику: — Заткнись уже. Хватит орать и буянить. Надоело.

Женщина подняла со стола кувшин, разлила по стареньким кружкам мутноватый кровавый напиток.

— П-пожалуйста...

Прижав кувшин к груди, она отступила к печи и стала смотреть на разбойников испуганными, вылупленными из орбит глазами.

— Да что с тобой, бабка? — рыкнул на нее Здоровяк. — Чего таращишься, как овца безмозглая? Будто демона увидела?

— Да сумасшедшая она, — махнул рукой Кьярр. — Дура.

Разбойники чекнулись вином — за славное дело! — и громкими глотками опустошили кружки.

Флоки тоже выпил.

Напиток оказался на удивление приятным и сильно хмельным. Спустя пару минут на комнату будто опустилась пелена, размыла краски и острые углы, сгладила фигуры, приглушила голоса.

Влив в себя еще четыре кружки, Здоровяк снова принялся требовать мяса:

— Эй, дура, давай неси людскую жрачку. Эти ваши бабьи крохи себе оставь. Корми мужика по-божески, мож потом и приголубит. — Он мерзко расхохотался, добавив: — Тащи уже мясо!

— Хрен тебе, а не мясо, свинья, — раздалось от входной двери звонко и дерзко.

Вернулась рыжая девушка.

Как ни в чем не бывало прошла к столу и села во главе, широко разложив на столешнице локти. На ней была красивая мужская куртка с широкими рукавами. На шее блестела подвеска-звезда.

— Чего? Это ты мне, проשמандовка рыжая? — оторопел Здоровяк. — Ар-р-р-р...

Язык его заплетался, а веки сами собой падали на глаза. Он что-то еще хотел прореветь в конце, но не смог.

— Эта куртка... Ре... — прохрипел Кьярр, падая лицом в тарелку.

— Регера... — закончил за него Лейф, неуклюже вскочил из-за стола, пошатнулся и с грохотом рухнул на пол, опрокинув на себя тяжелый табурет, попытался подняться, уцепился за скатерть и стащил ее вниз.

Зазвенела о половицы разбитая вдребезги посуда.

Флоки отчего-то стало смешно.

Хмель захватил его, лишив воли и возможности соображать, отбросил от происходящего в сторону, обратив все комедийным фарсом. Полукровка улыбнулся, чувствуя, как улыбка застывает на губах, прирастает к лицу. Перед глазами заплясали цветные пятна. Сквозь эту

веселую муть проступил голос рыжей:

— А ты сомневалась, мама. Я же сказала, что это сработает.

— Прости нас, Эвгай! Прости и помилуй, — тихо отозвалась испуганная женщина. —

Что же это? Смертоубийство?

— Нет, — льдисто зазвенел голос девушки. — Это справедливость. Справедливость и лунный аконит.

Слово «аконит» рассмешило еще сильнее. Флоки залился нервным хохотом, отчего рыжая подскочила на месте и уставилась зеленющими злыми глазами.

— Живой... — процедила сквозь зубы.

— Твою ж... — выругался в ответ Флоки, попытался подняться, но не вышло.

Ноги подкосились, и он завалился навзничь, уронив попутно стул, на котором сидел. Опять попытался подняться, хватаясь за хлипкую занавеску, но лишь сорвал с окна карниз. Вцепившись в подоконник, парень все же встал на ноги и шатаясь шагнул обратно к столу. Он посмотрел на размытые силуэты спутников, застывшие в нелепейших позах, и его в очередной раз скрутило спазмом истерического веселья.

— Чего ты ржешь? Ты сдохнуть должен был, — резанул по ушам пронзительный голос молодой хозяйки дома.

— Я в порядке. Со мной все хорошо, — непонятно зачем ответил Флоки, всеми силами пытаюсь вернуть контроль над телом.

Прежде такого с ним никогда не случалось. Даже после излишне крепкого вина...

— Подыхай уже. Хватит пытаться...

— С чего я должен подыхать? Эй... — Рвотный позыв комом застрял в горле и на миг лишил возможности нормально дышать. — Проклятье... — Флоки уперся ладонями в стол, и его вывернуло остатками еды. — Вот дерьмо... Да что же это...

Не удержавшись на ногах, полукровка опять упал на пол. Ткнулся лицом в безжизненно распластанную ладонь Здоровяка. Кожа соратника оказалась холодной и воняла мерзко.

Флоки второй раз вывернуло, после чего шею и грудь скрутил спазм такой силы, что вдохнуть стало невозможно. Полукровка схватился за горло, захрипел и после титанического усилия все же вдохнул. Воздух обжег все внутри. Легкие пронзило болью.

И все-таки он дышал.

Дышал и боялся пошевелиться. Казалось, стоит двинуться, и будет новый спазм, после которого выжить уже не получится...

Затылок болел. Тело леденело. В поле зрения попадал лишь квадрат закопченного потолка. Но вот на его фоне возникла рыжая. Она склонилась, пристально вгляделась в лицо упавшего навзничь парня. Поставила ногу ему на грудь.

— Странно, — произнесла холодным тоном. — Ты самый худой и легкий из всех. Доза была рассчитана на самого здорового... Что с тобой не так?

Флоки попытался скинуть с себя ее ногу, но не смог. Подошва дешевого деревенского башмака девчонки давила ребра так, будто наступил закованный в броню боевой конь.

— Что тебе нужно? Золото? Возьми... — выдохнул Флоки. — Все возьми... Плевать...

Он попытался подтянуть руку к поясу. Меч все еще был при нем, ножны не отстегнуты, но...

...пальцы мягко проехали по рукояти, так и не сомкнувшись. Последние силы стремительно уходили.

— Мне не нужно ваше золото. Мне нужны ваши жизни, — прозвучал резкий ответ.

— Жизни... берут за другие жизни... Когда я тебе задолжал, напомни? — Флоки не узнал собственный голос.

Слова еле тянулись.

— Регер и вы четверо убили жену Тарха и всех, кто с ней был.

— Это не я... Меня там не было... — Флоки снова попытался столкнуть с груди ногу рыжей. Опять не вышло. — Убери... Мне тяжело дышать...

— Плевать. Я не хочу разбираться. Хочу отомстить.

Девушка навалилась сильнее. От ее тяжести потемнело в глазах.

— Я знаю... Знаю... — Флоки наконец удалось упереться словно размякшими ладонями в тугие мускулы над чужой щиколоткой. — Просто дай вздохнуть, и я расскажу, что знаю...

Рыжая задумалась на секунду, после чего ослабила нажим.

— Говори.

— Их было пятеро... Их... Я не с ними... Один из них погиб — Тарх поймал... А я не с ними... Я случайно...

Девушка убрала ногу и присела рядом. Вгляделась в лицо своей жертвы, после чего побледнела, как смерть.

— Ты же полукровка! — выдала вдруг с удивлением. — Нет... Проклятье! — Признала, стиснув зубы: — Тебя там не было. Точно... Керед же рассказывал, что Тарх ищет четырех людей. Взрослых мужиков...

Флоки попробовал улыбнуться, но вместо улыбки лицо перекопилось в кривой гримасе. Собрав последние силы, он сел, потом перевалился на четвереньки, после чего встал на одно колено и, наконец, на обе ноги. Пошатнувшись, привалился спиной к печи.

— Теперь ты меня выслушаешь?

— Это позже. — Девушка кивнула кому-то за занавеской. — Принеси настойку в белом пузырьке, мама.

Флоки окончательно очухался только спустя час.

Пока он приходил в себя, остальные его спутники холодели и коченели. Он смотрел на них без особой жалости. Такова судьба. Он и гораздо более близких знакомых в битвах терял, а эти...

Эти за время совместного путешествия так и не стали ему товарищами.

— ...и я понимаю тебя. Поэтому никому не расскажу о том, что ты сделала. Я и сам поступил бы так же на твоём месте. Наверное, — завершил он свой долгий рассказ.

Рыжая верила и больше не пыталась убить.

Молодая хозяйка — она представилась именем Лили, — смотрела на Флоки прямо и смело.

— Хорошо, что ты не умер, — произнесла, дослушав. — Мне правда жаль, что так вышло, но это мой первый опыт мести. И я не учла всех обстоятельств. Впредь буду умнее.

— Бывает, — Флоки улыбнулся краем губ и в очередной раз припал к большой глиняной кружке.

Матушка Лили наполняла ее уже раз пятый. Или шестой. А вода все проваливалась в глотку, словно в бездонный колодец. Глухо прокатывалась по горлу.

Грудь все еще жгло.

— Пей. От этого станет легче, — наставляла Лили. — Яд быстрее выйдет.

— Я пью, — соглашался Флоки. — Уже не сдохну. Точно.

— Значит, на полукровок мой яд не действует. — Бледное лицо собеседницы озарила на миг пугающая улыбка. — Буду иметь в виду.

— Это ты называешь «не действует»? — усмехнулся парень. — Ты могла добить меня моим же мечом без особых проблем. Так что, считай, отравы твоя получилась на совесть.

Он почти успокоился.

Ему уже приходилось смотреть в глаза смерти прежде, и тогда было страшнее. Промявший шлем топор. Нож, проткнувший живот и чудом не задевший внутренности. Всякое разное...

А сейчас даже весело.

Какая-то странная реакция на неведомую отраву. Флоки посмотрел на разбросанные по кухне тела. Интересно, умирая, они тоже смеялись?

Лили отследила его взгляд, помрачнела. Произнесла:

— Ты свободен. Иди куда шел. И забирай с собой лошадей. Я только одну себе оставлю. Скажу, что дана была в уплату за постой.

— Я шел к Йоремуне, — неожиданно ответил полукровка.

— Что? — Лили нахмурилась еще сильнее. — Зачем?

Флоки ответил, как есть:

— Он нанял меня.

Хотя, не как есть. Под «нанял» до сих пор подразумевалось позорное «купил».

Девушка разочарованно покачала головой.

— Знаю я одного человека, что служил Йоремуне. Ему там очень не нравилось...

Йон.

Лили задумчиво оглядела сидящего перед ней парня. Флоки, пожалуй, совсем другой. Этот, может, у Йоремуне и приживется...

Пусть идет, если решил. Ей-то какая разница?

— Мне некуда больше идти, — подтвердил ее мысли парень. — Вернусь домой, решат, что от меня отказался наниматель, будут косо смотреть. А тут — служба у духа. По крайней мере буду сыт, одет, вооружен и не на улице. Говорят, у Йоремуне красивый замок и денег много.

— Говорят, — не стала спорить Лили. — Иди и проверь, раз тебе так интересно.

— Дороги не знаю.

— Я покажу тебе путь, если не передумаешь.

— Не передумаю, — упрямо заявил Флоки.

— Ты мне тоже поможешь кое в чем. — Лили красноречиво посмотрела на трупы. — Нужно оттащить их на Пустошь.

Флоки согласился помочь.

Пришла еще одна девушка — дородная и сильная блондинка. Глянула хмуро. Имени не назвала. Втроем они закинули тела на спины лошадям, в ночи повезли к окраине.

Лили предупредила:

— Довезти получится только до балки. Лошадям по склону не подняться. — Задумалась: — Куда этих коней потом девать? До Эводеона по Пустоши путь пеший.

— Я отведу лошадей к нам на вырубку, — предложила блондинка. — Там как раз трое работников из бедной полувымершей деревеньки, что ниже по реке стоит. Они заберут и будут молчать.

— Вот и порешили, — согласилась Лили. Достала из-за пояса припасенные из дома веревки и топор. — Сделаем волокушу, чтобы допереть этих бугаев до ямы.

Перед тем, как налечь на импровизированную упряжь, Флоки сказал:

— Ты избавилась от четверых. Одного убили куттанцы. Но есть еще.

— Что? — Лили опешила так, что споткнулась о торчащий из-под Здоровяка лапник.

— Они не просто так напали на жену Тарха. Их наняли.

— Кто? — Брови Лили сошлись посреди лба в ломаную линию.

— Кто-то из Тарховых придворных. Имени я не знаю.

Флоки сразу пожалел о сказанном. Промолчи он, рыжая девчонка успокоилась бы и не мучилась больше думами о незавершенной мести. Меньше знаешь — крепче спишь. Взгляд Лили стал на миг мертвым. Заскрежетали от бессильной ярости стиснутые зубы.

— Значит, еще не все. Спасибо, что рассказал. Для меня это важно.

Флоки отринул сомнения. Все верно он сделал. Так будет честно. Правильно. Она имеет право знать.

Глава 27. Братья стальные

Bröder av stål

Höj ert mjöd och säg skål

Sej dlarna flyger I Valhalla

Om vi förgås

Får vi smörja vårt krås

För mjödet flödar I Valhalla

(C) Brothers of metal «Brothers Unite»

Парень пришел в Эводен сам.

Один.

Через Пустошь.

Йоремуне смотрел на него, раздумывая, что деньги, пожалуй, — и немалые, кстати, деньги, — вложились в дело хорошо.

Полукровка стоил той суммы, что отвалили за него перекупщикам. Совершенно точно стоил! Это наблюдалось с единственного взгляда на него, с первых минут общения. Сильный, осанистый, жилистый. Взгляд как у боевого пса — послушный и внимательный, в нем готовность немедля исполнить волю хозяина.

— Как твое имя?

— Флоки.

— Хорошо. С мечом обращаться умеешь?

— Да. Но предпочел бы топор.

— Возьми топор...

Ему принесли из оружейной.

Полукровка взвесил оружие в руке, внимательно оглядел длинное топориче — не ходит ли по нему проушина, после чего закинул оружие на плечо и выжидающе посмотрел на духа.

Йоремуне подозвал Клайфа. Указал на парня:

— Давай.

С топором Флоки управлялся легко и ловко. Клайф злился. И постепенно выдыхался.

Этот северный полукровка был нечета остальным ученикам — опытный, в боях уже не раз бывал.

В боях с хенке в том числе.

Это становилось ясно по тому, как уверенно и со знанием дела молодой воин подтыкал лезвие топора под пластины «пернатой» брони. Несколько из них ему удалось вывернуть, обнажив кожаную основу...

— Хватит. — Легкое мановение руки духа, и бой был остановлен. — Все. Я увидел, что хотел.

Флоки бесцеремонно ткнул пальцем в разъяренного усталого Клайфа.

— Если бы со мной был копейщик, мы бы вдвоем его завалили, — выдал совершенно будничным тоном. Пояснил: — В таких случаях я обычно вскрываю броню, а копейщик пробивает основу и...

— Да заткнись ты уже... — зашипел на парня униженный поражением хенке.

— Тихо, — приструнил его дух. Сказал новобранцу: — Ты хорошо справился. Молодец. Тебя отведут к остальным.

Йоремуне подозвал Алкира и приказал ему сопроводить нового полукровку в ученические покои. Пусть пока отдыхает. Заслужил. Стоит своей цены, хоть и дорог, но... Дух досадливо прищелкнул языком, мысленно признаваясь самому себе, что просчитался и, пытаясь сэкономить, наоборот, незапланированно растратился.

Нужно было сразу искать таких, как этот Флоки. Дрессированных и натасканных. Мальчишка, хоть по сути и дикарь, характер, похоже, имеет отменный — идеальное сочетание покладистости и жестокости.

Редкость...

— Пошли, — бросил новенькому Алкир, не поворачиваясь и демонстрируя спину, укрытую бархатным золотистым плащом с подбивкой из белки.

Флоки пожал плечами и пошел следом, удобно расположив на плече топор, который у него почему-то не забрали. На пути через длинную галерею, когда рядом не осталось лишних ушей, он тихо спросил у своего провожатого:

— Я тебя чем-то обидел? Или мне показалось?

— Обидел? — Хенке остановился и развернулся всем корпусом к парню. — С чего ты взял?

Желтые глаза полузверя с интересом блеснули.

— Ты заговорил со мной, не повернувшись лицом. Показывать спину противнику — оскорбительный знак. У таких, как ты... — прозвучал честный ответ.

— Откуда ты знаешь про таких, как я? В таких подробностях? — Хенке не проявлял агрессии, лишь любопытство. И оскорбительный поворот спиной был частью лицедейства, необходимого, чтобы подтвердить пару догадок. — Из того, как ты ловко расковырял броню Клайфа, я сделал вывод...

— Я общался с хенке, — новый ответ опередил концовку вопроса, который так и не успел задать Алкир.

— Общался?

— Сражался. Битва тоже общение в своем роде.

Флоки улыбнулся краем губ. Он не понимал, чего добивается зверь-провожатый, поэтому разговаривал с ним миролюбиво, как с опасным животным, которое не стоит лишней раз злить.

— Я подумал об этом. — Алкир тоже улыбнулся, продемонстрировав полукровке острые клыки. — И все же ты не только сражался. Ты разговаривал и наблюдал. Ты знаешь правила.

— Лишь кое-что. Это помогает.

— Верно, помогает.

Они дошли до продутого северным ветром открытого зала. Солнце резало каменный пол широкими линиями теней от колоннады. Флоки увидел группу полукровок, оживленно беседующих возле парапета.

Алкир подтолкнул его в спину:

— Иди. Среди них, к слову, найдется пара-тройка недурных копейщиков.

И Флоки пошел.

Спокойно, уверенно, даже весело. В памяти всплыли предупреждения рыжей, и стало странно — разве может быть тут опасно или плохо? Дух встретил радушно и, кажется, остался доволен. Другие полукровки — подходя, он успел смерить взглядом и оценить каждого из них, — скорее похожи на утонченных аристократов, чем на привычных ему

головорезов. И даже хенке тут приветливые и смиренные.

Они особенно удивляли.

Мирные хенке... Ну надо же!

Дорогу преградил слепой полукровка, низкорослый, коренастый и темноволосый. Единственный из всех темноволосый, помимо самого Флоки. Просто стоял и пялился своими белесыми буркалами.

— Пропусти его, Хэйя, — прилетело со стороны арки, что вела с террасы куда-то вглубь, к жилым покоем.

И слепой отступил с пути.

На Флоки смотрел жилистый парень с глазами то ли усталыми, то ли тревожными. Его появление мгновенно разрушило иллюзию сытого покоя.

Рыжая все-таки была права? Здесь не так мирно и спокойно, как кажется на первый взгляд?

— Здравствуй, — сказал парень, внимательно оглядывая Флоки с головы до ног. — Так ты и есть новичок, которого купил Йоремуне?

— Меня наняли, — отозвался Флоки.

— Здесь никого не нанимают. Покупают, как скот, — холодно прозвучало в ответ.

Вокруг него была лишь тьма.

Сырая, тяжелая, долгая.

Пахнувшая землей. Пахнувшая прелостью. Разложением и тайной жизнью.

Внутри Зверя было спокойно и тепло. Йон чувствовал, как разогревается в жилах кровь и питает окружившую его твердь золотого огнеметалла, пронизывает сотнями капилляров, дает разгон сердцу, спящему в гигантской груди.

И его собственное, Йоново сердце билось. Все медленнее. Все синхроннее с сердцем Зверя. Он ощущал, как кожа и мускулы горят, болят, срастаясь с чужой оживающей плотью...

Хотелось кричать, но воздуха не было. Будто окунули с головой под воду и держат, и душат, не позволяя всплыть.

В какой-то миг сознание перестало цепляться за зыбкую реальность и провалилось в туманную звериную неопределенность, в далекий мертвый мир, стертый ветрами и дождями с лица земли миллионы лет назад.

Там брезжил Рассвет.

Там было влажно и тепло.

Стояло не самое жаркое лето из всех возможных, и южный полюс уже не благоухал цветением тропиков, а покрывался первыми льдами, но тепла все еще хватало тем, кто его жаждал...

И все двигалось. Все жило.

И Йон двигался в этом текучем горячем пространстве, ловя мимолетом незнакомые запахи, звуки, вспышки цветов и дрожание земли под ногами...

... или лапами.

Потом все закрутилось дикой каруселью, полетело, понеслось.

Исчезло чужое, так незнакомо пахнущее тепло. Стало холодно. Заломило до невозможного каждую кость.

Полыхнула вспышка пронзительного света, и реальность собралась в целое из

расколотых мозаичных кусков.

Йон очнулся посреди грязной ямы под лавиной ледяного дождя.

Некоторое время он лежал на боку, скручиваясь тугим комком от пронизывающего тело холода. Потом, наконец, поднялся.

Зверь отпустил его?

Йон обернулся вокруг, отыскивая признаки присутствия золотого чудовища. Тяжело чавкнула под ногами глинистая каша, потянула за щиколотки в подземную глубину...

— Где ты? — крикнул он отчаянно Зверю, и мир потонул в раскатах грома.

— Я с тобой. Навсегда, — прозвучало в голове тяжелым эхом. — Я теперь ты. А ты я.

Небо расколола новая молния, небрежно швырнула под ноги Йону его собственную угловатую тень. Слишком большую. Слишком нелепую.

Слишком ужасную, чтобы...

И Зверь снова взревел внутри, лишая разума, заставляя потакать диким желаниям, древнему безумию явившегося из загробных далей существа, таинственного и неукротимого.

Бежать...

Бежать.

Бежать!

Тело рванулось само, разорвало пути тягучей грязи. Мощно перекатились мышцы. Щелкнули зубы. Копыта скользнули по камням.

И начался бешеный бег.

Заорали над осинником перепуганные вороны. Снялась с воды настороженная цапля, поплыла над рекой серой тучею. Уже на полях, ближе к подлеску, метнулось из-под ног в ужасе стадо ополоумевших коз. И голос Зверя шепнул: «Родня... Ты князь им теперь... Козий Князь... Кузен Китов... Когда-то бок о бок ты с ними ходил по земле...»

«Что ты такое? Что я такое?» — только и мог вопрошать Йон.

«Мы — лишь звенья одной цепи», — звучало в ответ.

Закаты по вечерам выдавались яркие, лиловые с кровью и проседью.

От них веяло чем-то нехорошим. В воздухе нарастала тревога, пронизывала и напитывала всех. Казалось, полукровки вдыхали ее и заражались глубоким, сжигающим душу изнутри страхом перед тем, что ожидает их впереди.

И вроде бы тренировки теперь проходили спокойно. Дарэ, правда, получил на последней неприятную рану: меч Клайфа полоснул его по щеке, распоров кожу от края губ до глаза. Вид у парня после этого стал совершенно бандитский. Остальные подшучивали над ним первое время, потом успокоились.

И Флоки на удивление легко с остальными ужился. Его, само собой, несколько раз проверили на прочность, но он это воспринял как должное и с легкостью показал, где чье место. Достойных противников для него оказалось раз, два, три — и обчелся.

Хэйя стойко выдержал бой и почти победил, но Флоки, не привыкший к расшаркиваниям чести, равнодушно воспользовался слепотой противника — вышла ничья.

С Валари — тоже ничья.

Третьим, успешно показавшим себя в сражении с серьезным новичком, оказался неприметный прежде Марли. Он никогда никуда не лез, особо ни с кем не общался. И не ссорился. На тренировках не усердствовал, но и в обиду себя не давал. Валари пытался разговорить его — тщетно, Марли каждый раз умело увиливал от душевных бесед.

Жил себе и жил — тише воды ниже травы.

Против Флоки он внезапно простоял не хуже, чем Хэйя.

— Ты в частной охране на северном побережье не работал случайно? — поинтересовался после боя северянин.

— Нет, — помотал головой Марли. Спросил без видимого интереса: — А что?

Флоки вздохнул. Должно быть ошибся... Судя по смуглой коже, так странно сочетающейся с белоснежными волосами, Марли был откуда-то с юго-востока. Из Куттана, должно быть...

— Нет, ничего. Неважно.

— Почему ты спросил? — В глазах Марли вспыхнуло на миг и тут же погасло волнение.

Что-то смутило его в словах нового соратника.

И Флоки разъяснил:

— Такой стиль боя я видел у элитных телохранителей, которых нанимали купчихи-южанки для безопасных путешествий по северным морям.

Марли ничего на это не ответил, только плечами пожал.

— А что они, телохранители эти, такие уж крутые? — ударился в расспросы любопытный Дарэ.

— Получал от них сам-то? А, Флоки? — попытался поддеть умелого новичка проигравший тому в первые секунды боя Уилтер.

— Получал, — прозвучал неожиданно честный ответ. — Рубил один раз. Повезло. Но получал больше. Вот смотри... — Флоки стянул с плеча мокрую от пота рубаху. Продемонстрировал шрам над ключицей. — Ударил меня, гад, тонкой острой заточкой точно в легкое. Через кольчугу под наплечник. Я потом кровью харкал и дышать не мог. Думал сдохну...

— Защитил тот телохранитель, выходит, свою дамочку-то? — не без интереса уточнил Уилтер.

— Конечно. Мы с Пелле от ее воинов еле ноги унесли. Карви со всей добычей потеряли. Там охрана такая была, что лучше уж с бешеными хенке сражаться, честное слово...

— Ого! — воскликнул Дарэ пораженно. — Вот это да!

— Потрепал бы я такого охранника на ринге, — высокомерно фыркнул Хэйя. — Если б сунулся против меня.

— Возможно, — не стал разубеждать его Флоки. — Ты, Хэйя, боец хороший.

Уилтер снова вступил в беседу.

— А вообще, я про телохранителей этих слышал. Говорят, их в специальной закрытой школе обучают. А потом сдают в найм за баснословные деньги. И ничего — покупают. Женщины богатые! Парней ведь, говорят, в той школе всяким постельным премудростям кроме воинского дела-то учат... А еще говорят, что евнухи они все... Режут им... Там... Чтобы с богатыми клиентками лишнего чего не вышло...

— Ты ври да не завирайся, — осудил товарища Роггу. — Уж либо «премудрости» — либо «евнухи». Что-то одно...

— Пф-ф-ф... — невозмутимый Марли не выдержал, рассмеялся. Добавил, копируя серьезный тон Уилтера: — А еще говорят, рога у них на башке лосиные растут, а из задницы огонь пышет. Но это неточно...

Отхлынувшее ощущение грядущей беды вернулось и усилилось вдвойне.

В тот вечер никто не ложился спать.

Небо порезала надвое рваная линия алой зари.

Полукровки смотрели на Пустошь со своей террасы. Ветер трепал их волосы, швырял в лица редкие капли назревающего дождя.

— Братья стальные, вскиньте чаши резные, скажите «За здравье!» Жди нас, Вальгала! Когда мы погибнем, мы сядем и выпьем, пусть мед пахнет морем. Жди нас, Вальгала... — запел вдруг Флоки, и голос его разнесся над ковром душистого вереска.

— Ты чего? — вздрогнул Дарэ и тут же зашипел болезненно: от резкого движения открылась рана на щеке.

— Не нагнетай, новичок. — Роггу с извечным дружелюбием похлопал Флоки по плечу. — Неплохо вроде пока живем...

— Живем... — Эхом раздался из-за его спины голос Хэйи. Слепой один не стоял у перил, потому как любование закатом было ему недоступно. — Он так поет, потому что смерть чувствует. Я верю ему. Эй, Флоки... — Он подошел к северянину, такому же темноволосому, как он сам. Спросил: — Почему все земляки мои так в Вальгалу эту рвутся? Вот и папаша мой, чтоб его море съело, говорят, все туда попасть хотел. Чего там такое, а?

— Туда воины попадают. После смерти, — спокойно объяснил Флоки. — Если в бою ты, к примеру, умер с оружием в руках, то потом тебе один путь — в Вальгалу.

— А если не в бою? — вклинился в разговор Дарэ. — Если от болезни?

— Тогда не знаю, — разочаровал товарища Флоки. — Тогда в Вальгалу вряд ли...

— А чего в ней хорошего-то? — продолжил расспросы Хэйя. — Чего делают в ней? Чего дают?

— Там воины все время тренируются, чтобы...

— Пф-ф-ф-ф, — Слепой, Дарэ и Роггу хором выдали выдох разочарования. — Мы и тут только и делаем, что тренируемся. Тоже мне, удивил.

— Мёд еще пьют, когда потренируются, — продолжил Флоки. — Едят мясо...

— Так себе, в общем, — вклинился в общую беседу надменный Уилтер. — Ничего хорошего в этой вашей Вальгале нет.

— Сам-то во что веришь? — окликнул его тут же вспыхнувший Дарэ. — Будто лучшее у тебя посмертие на примете есть?

— Я в Дам-Ахума верую, — торжественно объявил присутствующим Уилтер. — Он есть глас солнца и великий господин всего.

— В Дам-Ахума верую... Глас солнца... — зло передразнил соратника Хэйя. Сплюнул: — Тьфу! Иди Тарху солнечную задницу его полижи!

— А тебе-то чего, ущербный? — окрысился на слепого Уилтер. — Сдохни и вали в свою Вальгалу. Оружие сослепу потеряешь, так тебя и не пустят туда. От ворот поворот — пинком под зад. А я-то уж прямиком в небесный солнечный рай отправлюсь. Там тебе и столы накрытые, и сады цветущие, и девы-девственницы...

— Ага, так они тебе болвану и дали, — не остался в долгу Хэйя.

Над терраской прогремел дружный гогот остальных полукровок.

Словесная перебранка слепого с Уилтером забавляла их больше, чем возможная драка. Несмотря на острые края непримиримых характеров, полукровки так или иначе притерлись друг к другу. И даже Хэйя больше не бросался на своих.

Вредный Уилтер теперь относился к своим тоже...

— Точно! — поддержал слепого Дарэ.

— Ой, посмотрите на них, — высокомерно фыркнул Уилтер. — Спелись два коротышки. На вас-то точно ни одна дева не взглянет. Слышишь, Дарэ? Пойдет тебе навстречу какая-нибудь красотка, и даже в упор не заметит. Споткнется об тебя, как об собаку.

Дарэ покраснелся от обиды и гнева, но молчать не стал. Выдал ответную гадость:

— А ты сам-то на что рассчитываешь? У тебя все время выражение рожи такое, будто лошадь стошнило.

— У меня вообще-то невеста дома есть...

— Была, а не есть...

На этом неприятном «была» колкий разговор и оборвался, будто обрезали. Как-то жутко оно прозвучало.

Была.

— Хватит вам спорить. — Нарушил повисшую тишину Валари.

— А ты сам-то что скажешь? — обратился к нему недовольный Уилтер. — Куда после смерти поправишься?

— В землю. — Прозвучал короткий ответ. — Червям на корм. Как и вы все.

— Все готово?

Ступая мягко, словно по облакам, дух проплыл в центр экспериментального зала, где верные хенке и несколько людей, алхимиков и колдунов, расчехляли привезенные накануне из Валанса драгоценные магические аппараты.

— Почти, — кланяясь, сообщил господину Офу.

— Неполадки исправили?

— Конечно.

Йоремуне прошелся вдоль ящиков, где хранились останки древних зверей. Провел по окаменелым костям холеной ладонью.

— Скоро.

— Что это такое, господин? Что это за штука? — Один их хенке-охранников, молодой, как Алкир, но гораздо менее сообразительный, с любопытством указал на большой предмет, прислоненный к стене вертикально и укрытый бархатом.

— Хочешь знать? — Дух смерил наглеца холодным взглядом.

— Это не твоего ума дело, — прошипел Офу. — Что за дерзость...

— Не дерзость. Лишь любопытство, — неожиданно для всех улыбнулся краем губ Йоремуне. — Как тебя звать?

— Эйтар.

— Так вот, Эйтар. Это — дева, и ее вскоре ждет свидание. Иди... Иди же ближе и взгляни на нее.

Молодой хенке с любопытством сделал несколько шагов вперед. Потом прищурился, насторожился, опасливо повел носом и отступил, мотая головой.

— Как ты посмел ослушаться господина? — оскалился на подчиненного спокойный прежде Офу. — Немедленно иди туда, куда сказали...

— Не гони его, — прервал его дух и милостивым жестом остановил Эйтара. — Не хочешь подойти к ней? Боишься? — расспросил с интересом. — Все верно. Ты чувствуешь... И то, что ты чувствуешь, верно...

Офу насторожился, ведь обычно господин Йоремуне был точен в словах, а тут он

сбился. И речь его стала невнятной. Офу знал — дух волнуется. А если даже дух волнуется, грядет нечто судьбоносное и, возможно, страшное.

Йоремуме прикрыл глаза:

— Я устал. Устал ждать. Устал все просчитывать. Устал экономить время и деньги. Так что завтра закроем первого. Если не издохнет сразу — и остальных. Пора уже решиться, Офу. В конце концов, всегда можно найти еще...

Глава 28. Дева

Валари не спал всю ночь.

Ворочался в постели до самого утра, и ему казалось, что другие полукровки чувствуют то же самое.

Необратимость...

Веки смыкались через силу. Сон не шел. Бледный потолок растворялся в полумраке. Приходилось пялиться в пустоту над головой...

Вдох-выдох.

Воздух накалился и застрял в легких.

Закашлявшись, Валари сел на постели. Схватился рукой за грудь.

— Чтоб тебя...

Он поднялся и вышел из жилых покоев на террасу. Встал к парапету, оперся грудью на перила. Пустошь лежала перед ним, укрытая туманом.

— Эй... — шептал кто-то во тьме. — Эй... Валари... Поговорить надо.

— Чего? — Он понял, что это уже реальность, а голос...

...голос принадлежит Уилтеру. Он пришел в покои Валари через незакрытую дверь и стоял у входа.

— Почему они тебя слушаются? Даже Хэйя? Он же бешеный!

— Слушаются? — Валари медленно повернулся. — Разве я им приказываю? Я прошу...

— Они слушаются, — не унимался Уилтер. — Ты их вожак, командир. В чем твой секрет?

— Я... люблю их... — И это было самое честное, что он мог сказать... — Я хочу, чтобы все они были живы.

— Чего-о-о? — Голос Уилтера звучал как-то неестественно. — Бред какой-то. Они тебя просто боятся. Потому что ты опасный... Ты сильный и злой. Да-да... Зло-о-ой! Ты просто хорошо притворяешься...

В воздухе пахло алкоголем. Прокисшем вином. Тленом.

— Ты пьян.

Валари оторвался от перил и двинулся на незваного гостя, вынуждая попятиться к стене.

— Скажи правду, — не верил тот.

— Какую правду? — Валари нахмурился. — Нет никакой правды.

А Уилтер все не унимался.

— Почему... Чем ты лучше нас? Лучше меня? Я богат. Я знатен. У меня невеста...

— И? — Вожак полукровок оглядел его устало.

— И... я богат. Я лучше тебя.

— Тогда сделай лучше. — Валари прошел в общий холл. — Сделай что-нибудь, что считаешь полезным и нужным. Есть идеи?

Уилтер хотел что-то выкрикнуть в ответ, но подавился задуманной фразой, закашлялся, в горле его забулькало, заклокотало. Идеи не было. Он тяжело рухнул на пол — сел, вытянув ноги и впечатав в колени ладони, произнес хрипло:

— Нет у меня идей. И у тебя нет. Признайся! Мы в западне... Да, Валари? Признай уже это... Никто нас не спасет — ни ты, ни я... Тем более, не я... Или ты знаешь что-то, чего не

знаем мы? — Он вдруг вскинулся и посмотрел требовательно, пристально. Заявил без тени сомнения: — Ты что-то знаешь, но не говоришь. У тебя есть тайна. Так ведь? И долго ты будешь скрывать от нас свой секрет? Я носом чую, что ты как-то связан с этим местом... С проклятым Йоремуне...

На шум собрались остальные полукровки.

— Отстань от него! — вступился за вожака Дарэ.

И Уилтер сдался.

Протянул обиженно и горько:

— Сворой на меня кидаетесь? А я ведь прав. Все так... Та-а-ак.

— От тебя вином разит на милю, — поморщился Хэйя. — Чего разорался? Пропись иди.

— А я боюсь. — Уилтер сделал страшное лицо. — Боюсь, что лягу спать, и не проснусь.

Хватит с меня этих чертовых тайн! Расскажи уже... ты...

Он снова сбился.

Валари молчал. На душе камнем лежало мерзкое осознание того, что Уилтер прав.

Прав!

Есть тайна. Только им лучше не знать ничего... Ведь от знания этого ничего не изменится. И это очень больно — лелеять надежду, а потом осознать, насколько она бессмысленна... Лучше неведение.

И Валари перевел тему:

— Уилтер, я знаю, что не нравлюсь тебе, но это уже не имеет никакого значения.

— А что имеет? — донеслось в ответ.

Уилтер поднялся на ноги. Хмель начал отпускать его. С открытой террасы веяло холодом. Ветер дул с севера и пробирал до костей.

— Жизнь, — отозвался Валари. — Пока что это наша главная задача — выжить. А дальше посмотрим. Дальше по обстоятельствам.

Уилтер, кажется, понял его, живо восстановив в памяти беду, произошедшую с Никадо. От этого, как ни странно, ему стало спокойнее. И легче, потому что понятнее.

— Ладно, извини, — буркнул он мирно. — Скайскиф мертв. В волчий лес нас больше не возят. Хуже уже не будет. А смерть... Должно быть, я действительно перебрал, и после вина в голову всякое лезет...

— Быть может и так. — Губы Валари тронула натянутая улыбка. — Давайте надеяться, что дальше будет лучше, — сказал он.

И соврал.

Ночью ему снился сон, и в нем он смотрел глазами Йоремуне, и нюхал носом Йоремуне, и касался руками Йоремуне...

Касался камней.

Ложное золото вспыхивало под пальцами, обжигало кожу, но не поддавалось. Дух злился, и Валари ощущал эту злость всем существом. А еще он знал странный сон посекундно — он видел его и прежде, только всякий раз забывал. Финал был один. Путь в темный угол лаборатории, долгий взгляд на большой продолговатый предмет, прислоненный к стене, рывок ткани, стекающей на пол тяжелыми складками...

...и стальное лицо с глазами без зрачков.

То, что ждет их всех.

Так думал во сне Йоремуне. Громко думал. Отчетливо. Эти мысли пиявками впивались

в мозг. Раньше получалось забывать их, но не в последнюю ночь.

Его забрали утром, когда туманы еще ласкали вереск, окрашенный первой рассветной кровью. Когда не накричался еще на Пустоши одинокий козодой.

В лабораторию полукровку сопровождал конвой из пяти хенке.

Валари подумал: «Почему так много? Зачем? И двоих бы хватило...» А потом в голову пришла неприятная догадка — потому как дух подумал, что полукровки могут снова взбунтоваться. Но они не взбунтовались — не успели ничего сообщить толком.

И их вожака забрали.

Валари шел, судорожно соображая, что можно предпринять в сложившейся ситуации. Дух не просто так его позвал. Если увели от остальных — жди беды. Что будет? Расправа? Пытки? Смерть? Все равно уже как-то. Подобное предсказуемо и ожидаемо.

Обидно только...

В лаборатории было холодно, и ветер тоскливо выл в вентиляционных шахтах, как пес, предсказывающий покойника. И длинный ряд накрытых мешками неведомых предметов в дальнем углу навевал воспоминания о ночном кошмаре.

Кругом царил полумрак.

Из него выступил Йоремуне, белый, как привидение. Края его одежд, сотканых из неведомой ткани, воздушной, текучей и легкой, растворялись в пространстве, становясь призрачной дымкой.

— Ну, здравствуй, Валари. Мои поздравления, — произнес он с едва заметной насмешкой. — Ты будешь первым.

Валари смотрел на переливы мертвенной белизны над серым полом, понимая — это все. Осознание близкого конца стало таким ясным и четким, что захотелось рассмеяться. А он-то, дурак, гонял в голове варианты, раздумывал, ждал, предполагал...

Боролся.

Все было бессмысленно. Жить осталось, наверное, пару минут? Судя по каменным лицам стоящим вокруг хенке... А где Алкир? Не пришел... Жаль.

Валари задал вопрос:

— За что? — И сам пояснил: — За то, что не был верен. Я прав?

— Не прав. Или прав отчасти, — отозвался дух. — Я выбрал тебя, потому что ты видишься мне самым живучим из остальных. Припомнил я тут кое-что интересное из твоей биографии. Проверил. Уточнил. Вспомнил... Как я мог упустить столь важную деталь? Ну, ничего. Теперь-то я в курсе... А у тебя хорошие задатки. Ты лучший выбор. Ты мне интересен. Поэтому ты здесь.

Ответ Йоремуне оказался неожиданным. Валари не смог удержаться и спросил снова:

— Чем же я так интересен великому духу?

— Происхождением. Я все думал... правда это или нет. Но после того, как ты начал пробираться в мою голову, я понял, что слухи и домыслы не так уж и лживы.

— Мое происхождение не представляет особого интереса. Я обычный бродяга из общины нищих, — начал было Валари, но дух оборвал его:

— Ты хоть знаешь, чье ты дитя?

— Не знаю, и мне плевать на это. Я дитя улиц. Их голос и их ярость. Я создание города, его неотъемлемая часть, такая же, как крысы, голуби или бродячие коты...

— Мое. — Признание, как гром, сотрясло стены лаборатории. — Ты мое дитя. В тебе

моя сила. Твои способности — мои способности. Твои качества — мои качества. — Тягучей как у хищника походкой дух подошел к одному из стоящих в углу предметов и сдернул с него покров. Под мешковиной обнаружилось нечто похожее на железный шкаф со стилизованной женской головой наверху. — Твои реакции — мои реакции. Твоя выживаемость — моя выживаемость. Твое тело — мое тело в будущем. Твоя жизнь — моя жизнь. И я не терплю, когда забирают что-то мое. Понятно? Поэтому я преобразую твоё тело, верну его себе и буду жить в нем дальше без страха обратиться в хиси однажды... Другим хати я эту возможность тоже предоставлю. Может быть. Если наш сегодняшний эксперимент пройдет хорошо. Так что начнем!

— Что? — Валари медленно попятился и от пугающего стального лица с мертвыми глазами и от болезненной правды о собственном происхождении, и от слов, отвратительных и страшных, обезличивающих, расчеловечивающих...

...но два безмолвных громилы-хенке подтолкнули в спину.

— Это стальная дева, Валари. Знакомься. — Йоремуне похлопал холеной ладонью по ужасающему лицу из серого металла. — Единственная ее задача — причинять тебе боль. — Дух в предвкушении оскалил жемчужные зубы. — Других вариантов соединить вас с рассветной силой и вывести на новый уровень существования у меня нет. Я выяснил, что только боль сможет заставить ваши тела слиться воедино с силой древних зверей. Только так, через страдания, вы обретете способность оборота и новую магию. Магию будущего. Мощь, способную изменить этот мир. Мою будущую мощь.

Коварный дух взялся за край «шкафа» и раскрыл его, явив взгляду усыпанную острыми шипами внутреннюю поверхность. С наружной стороны приспособления из тех мест, где крепились шипы, раскидывались в стороны длинные полупрозрачные жгуты. Часть из них уходила сквозь крышку «гроба» к окаменелому телу древнего зверя, часть протягивалась к каким-то артефактам и колбам.

Животный страх захватил Валари, залил ледяной жижей грудь и внутренности. Сковал ноги и руки. Просто безумно, дико захотелось вдруг жить! Но смерть подошла вплотную и заглянула в глаза. Ужасная смерть. Скорее всего, медленная и мучительная...

Сейчас она пожрет его, потом остальных, и он больше не сможет защитить их. Не сможет даже предупредить...

Эксперимент Йоремуне провалится. Обязательно провалится!

— Оставьте меня! Отвалите! Пошли прочь! — заорал полукровка, силясь вырваться из цепких лап хенке, но жестокого хати не тронули эти крики.

— Суйте его внутрь. Скорее, — отдал он приказ. — Стальная дева ждет.

И башню огласил новый отчаянный вопль:

— Будь ты проклят, Йоремуне! Я еще доберусь до тебя... Однажды...

...Братья стальные, вскиньте чаши резные, скажите: «За здравье!»

Жди нас, Вальгала...

Глава 29. Горько-сладкая симфония

No change, I can't change, I can't change, I can't change,

But I'm here in my mold, I am here in my mold.

But I'm a million different people from one day to the next.

I can't change my mold, no, no, no, no, no... (C)Bitter-sweet symphony

День за днем, ночь за ночью его мучили кошмары.

Вернее, он мог лишь предположить, что есть сон и есть явь.

Что он сам все еще существует где-то на дне чужого безумного и дикого сознания. Что его еще не стерли жернова звериной памяти.

Зверь захватил власть и носил Йона по лесам и долам уже несколько дней.

Были моменты, когда Йон словно бы пробирался к маленьким, глубоко посаженным глазам чудовища, как к окнам, и смотрел оттуда на ломающиеся под натиском массивной туши деревья, на чьи-то измолотые кости, моментально исчезающие под ударами бесконечно длинных челюстей.

Потом его снова отбрасывало вглубь звериного черепа. И снова приходили кошмары. Пока они были неясные и незнакомые — какие-то твари, миры, ночи, ветры, болота и побережья, полнящиеся огнями — все было ничего. Но вскоре кошмары обрели знакомые черты и принесли нечто, отчего душу Йона — то, что еще оставалось от нее, — охватил непреодолимый страх.

Он видел башни Эводеона.

Он подплывал к ним в тумане.

Он звал...

А потом резко оказался в каком-то невидимом прежде, но до боли знакомом помещении. Там пахло хенке. И кровью.

А еще где-то там, за темнотой и тряпками находились его товарищи.

Йон шепчет:

— Валари...

Никто не отзывается, лишь нечто похожее на сдавленный стон раздается из-под наброшенного на продолговатый предмет покрывала.

— Где ты, Валари? Дарэ! Хэйя! Что случилось?

Снова стон, теперь отчетливый, с нотками знакомого голоса, от которого все внутри холодеет.

Руки...

В кошмаре, который Йон не желал досматривать, у него еще были руки...

И ноги.

И его собственное человеческое тело. Уже такое непривычное.

Помедлив пару секунд, он все же сдергивает ближайшее покрывало. Под ним стальной шкаф с женским лицом наверху. Запах крови становится просто невыносимым. Йон вглядывается в пугающий предмет. За прорезями, заменяющими уродливой скульптуре глаза, мелькают чьи-то зрачки.

И снова стон.

— Что случилось? Что здесь произошло? Кто это с вами сделал? — Губы Йона трясутся от ужаса. — Йоремуне... Не может быть... Но за что...

Дрожащей рукой Йон хватается за углубление в боковой части «шкафа» и распаивает...

Потом — кровавая волна, окатившая его с ног до головы...

... и истерзанное, продырявленное тело Валари падает на пол.

Бледная кожа, как у мертвеца.

— Нет... Валари... Что происходит? — Йон оседает на пол, ощущая, что руки и ноги его более не слушаются. — Ты не мог умереть...

— Не мог... Не мог... Не мог... — насмешливо грохочет эхо.

Валари очнулся на полу.

Он лежал вниз лицом, и ему казалось, что происходящее — сон. Мир вокруг тонул в киселе ирреальности. Звуки дыхания, стоны, отчетливый крик ворона где-то вдали.

Запах.

Кровь и камень.

Боль не оставляла его последние... Хм, сколько времени он провел так? В полубреду? В полусмерти? Часы...

Дни.

Тело не слушалось. Оно не слышало своего владельца, не принимало более его власти над собой. А, может, тела уже не было, как не было реальности вокруг.

Только сон.

Кошмар.

Глаза не открывались — Валари словно позабыл, какие мускулы нужно напрячь, чтобы поднялись веки. Все позабыл... В голове мягко звал голос бабушки. Там, в бездонной яме памяти она была жива и цела, не раздавлена еще безжалостными жерновами взбесившейся земли. Она читала молитву, смысла которой Валари не понимал, но теперь отчего-то ясно и точно припомнил каждое слово:

— Услышь меня, Эомайя Скансория, Мать Рассветная... Услышь, Юрамайя Драконовидица... Услышь Пургаториус... Услышь Лука... Дотяните цепь через всех предков моих до начала времен... Дайте сил выжить и помочь выжить другим...

— Эй.

В бок толкнулся мысок чьего-то сапога.

Валари замолк, заелозил руками по полу. Под ладонями было сыро и липко. Он уперся в камни, пытаясь подняться хотя бы на четвереньки, но снова рухнул на живот.

Тогда его ухватили за загривок и не слишком аккуратно перевернули на спину.

— Живой. Бормочешь чего-то...

Полукровка наконец сумел открыть глаза. Замутненные болью, они с трудом различили знакомый звериный силуэт на фоне желтой лампы под потолком. Звуки ворвались в сознание лавиной. Тихая песня? Нет, дождь, идущий снаружи...

— Где... я... — Валари невероятным усилием заставил себя сесть. — Алкир? Это ты вытащил меня?

— Нет. Не я.

— Значит, Йон? Он был здесь...

— Ты бредишь, — донеслось в ответ. — Йона тут не было и не могло быть. Ты выбрался сам. Как-то.

— А где остальные?

— Все твои там. — Хенке указал в дальний угол. — Но лучше не смотри.

— Мои товарищи. Я должен им помочь...

Валари ощутил, как в груди все сжалось, скукожилось от единственной мысли, что все, кто жил с ним за неприветливыми стенами Эводеона, мертвы...

Мертвы!

От этого жуткого слова хотелось бежать. Кричать. Вырвать и выкинуть его из головы, но оно снова и снова прокручивалось в мыслях неумолимым напоминанием о том, что конец всего даже не близко.

Он уже настал.

— Парни... Парни! Нет!

Валари неуклюже поднялся и, скользя в чем-то липком, поспешил к стальным ящикам, в которых были заперты его соратники. Он вцепился в дверь ближайшего. Пальцы не слушались.

— Хватит. Они мертвы, — прозвучал за спиной голос Алкира. — Ты тоже... Должен быть... Не знаю, почему ты еще двигаешься...

— Помоги мне скорее, — отмахнулся Валари, продолжая бороться с неподатливой дверью.

— Они мертвы, — упрямо повторил хенке. — И ты мертв. От тебя несет разложением, я не знаю, почему ты еще стоишь на ногах и разговариваешь...

— Плевать! — огрызнулся Валари. Ему наконец удалось справиться с дверью, и бескровное тело Дарэ рухнуло на него. — Сейчас это неважно... — Он бережно опустил товарища на пол. — Не имеет никакого значения.

— Но на тебе живого места нет...

— Заткнись, Алкир! Помоги мне и открой остальные двери.

Валари не узнал собственного голоса.

И хенке вдруг послушался. Перестал спорить. Молча взялся за следующую стальную деву.

— Дарэ, очнись! Давай же!

Валари понимал, что взывать к другу бесполезно. Он мертв, как мертво все в этой проклятой комнате. Жив пока только хенке, но и он скоро уйдет, оставив это обреченное место трупам...

Здесь останутся лишь смерть да издевательские улыбки стальных дев.

В накатившем отчаянии Валари перестал трясти несчастного Дарэ и безумным взглядом уставился на собственные руки. Они были проколоты насквозь во многих местах. Кровь не шла, а из образовавшихся дыр выходил наружу то ли пар, то ли дым. Черные тяжелые струйки стекали на камни и, как змеи, подползали к Дарэ. Овивали его, проникали в раны и, скользя под кожей, светились призрачной синевой...

Валари не успел сообразить, что произошло, но распростертое перед ним тело друга вдруг скрутила судорога, а потом...

— Валари... — Веки Дарэ поднялись, зрачки расширились, а потом сжались в точки. — Что происходит?

В стороне зарычал Алкир. Глаза его светились в сумраке. Когда он заговорил, в голосе прозвучали ноты неподдельного страха.

— Что ты творишь? Как такое возможно? Мертвое не может оживать...

Хенке попятился к выходу, переступая через выпавшие из стальных дев тела полукровок. Он открыл почти все двери.

— Я не знаю. — Валари поднялся, ощущая, как необъяснимая сила наполняет его. — Я же сказал, сейчас это не имеет абсолютно никакого значения. И... Мои друзья... Они не мертвы. Ты ошибся. А теперь достань мне тех, кто еще внутри. Я должен спасти их, пока не поздно.

Всю ночь Лили трясло.

Озноб колотил нещадно, как при сильной хвори. Руки и ноги будто покрылись льдом. Она куталась в кутеее одеяльце и никак не могла согреться.

Никак...

Встала за полночь, глянула в окошко: небо над Пустошью разрывала когтями алая злая заря. Что-то происходило там.

Что-то важное...

Небо билось в рассветной агонии. Закручивались спиралями ядовитые облака, прорывались то вспышками света, то клочьями тьмы. От всего этого небесного действия шел в сторону Нерки мощный порывистый ветер. Рвал тряпье с веревок — мать постирала простыни, и теперь они, словно флаги, полоскались в волнах растревоженного воздуха. И гул шел из-под земли, мерный, глухой, будто гремели в толще почвы огромные барабаны или билось гигантское сердце.

— Лили! Лили! — Крик вспорол зыбкую ткань полузабытья.

В дверь колотили изо всей силы.

Мать, разбуженная шумом, — она и так последние ночи почти не спала, — вышла из спальни, кутаясь в заношенную серую шаль.

— Кто там?

— Я разберусь. — Лили оттеснила ее от двери, открыла без особой робости. Благо, по голосу уже поняла, кто пришел. — Лия? Что случилось?

Лия, малюсенькая, тоненькая, с огромными глазищами и горбинкой на длинном носике, схватилась за руку Лили, как утопающая за соломинку.

— Они Фаю забрали... И Ирэну...

— Куда? Как?

— Мун приказал. Говорит, они ведьмами стали, и их теперь надо... — Она расплакалась, уткнула лицо в ладони.

— Что «надо»? — принялась допытываться Лили.

— Я не знаю, — всхлипнула Лия. — Я испугалась и не дослушала. Убежала...

— Ладно. — Лили смягчила тон, положила руку на плечо трясущейся соседке. — Где они, не знаешь?

— В амбаре, где братья и сестры Эвгаевы живут.

— Пойдем.

Лили накинула Регерову куртку и вынырнула следом за Лией в темноту. Ночь была тепла и мрачна. В лицо врезался ворох полуночных насекомых, пахнуло далеким костром. В спину — ледяное молчание матери.

Она осталась позади, в желтом прямоугольнике освещенной комнаты.

По пути они наткнулись на Муна. Хорошо, что успели шмыгнуть в кусты. Учитель прошествовал мимо в компании пары красноплащовых воинов. За кем еще они шли?

Уж не за ней ли?

До амбара остались считанные шаги. Он стоял рядом с отданными братству

постройками. За ними на лужке возвышался недостроенный деревянный храм.

— Уходи. Дальше я одна, — сказала Лили Лие. — Собери оставшихся девушек и отведи ко мне домой. Поняла?

— Ага.

Лия подчинилась беспрекословно, исчезла в зарослях сирени. А Лили куницей прошмыгнула мимо пары Эвгаевых братьев, дежурящих у входа и, обогнув строение, встала под крошечным окошком. Заглянуть в него не получалось — слишком высоко. Она прислушалась. Изнутри доносились всхлипы.

Девушки там.

Колени задрожали... А делать-то что? И как?

По ногам вдруг плеснуло холодом. Рябь прошла по резным листьям глядящий из-под стены крапивы. Спину будто буравил чей-то взгляд. И лед нарождался в душе, непробиваемый и чистый. Мысль ударила в голове набатом.

Не нужно бояться.

Прятаться не нужно.

Хватит!

Надо идти к двери и отворить ее. Шагать прямо и смело. Без страха. Без трепета. Без сомнений. Она победила разбойников, что ей какие-то братья? И даже воины в алых плащах ей более не противники. И хитрый Мун. Он ведь давно ее боится...

Хорохорится, давит, строит козни, но все равно боится.

И этого страха не отменить более никогда.

Никогда...

Лили обошла амбар вокруг и встала перед входом. Путь ей тут же перегородили двое громил. Они нависли, как горы, закутанные в пыльные балахоны неопределенного цвета.

— Чего надо? — рыкнул один из них, бородатый, и омыл брезгливо пустым взглядом водянистых глаз. — Пошла прочь, порченная.

— Подруг моих оттайте, — потребовала Лили.

— Прочь пошла, грешная, — эхом усмехнулся второй брат в тонкие рыжие усы. — Проваливай по добру по здорову, пока палкой по хребтине не получила. Ведьма грязная.

Лили пропустила угрозу мимо ушей и повторила настойчивее:

— Отдайте Фаю и Ирэну. Я без них не уйду.

— Пш-ш-шла! — хором рявкнули братья, дружно замахнулись кулаками, а потом так же дружно попятнулись, глядя куда-то за спину Лили. — Пресвятой Эвгай, что это?

О ногу привычно потерлась кошка.

И раскатился над всею Неркою знакомый залиvistый хохот.

Лили обернулась. Из темноты к бараку стекались серые тени. Внутри них, окутанные призрачной дымкой, светились кости животных. Тех самых, которых община приносила в жертву по разным поводам.

И не только.

Плыл высоко над землей рогатый лосиный череп, решетка ребер в лунном свете играла тенями. Скалилась голова медведя, и огромные когти единственной не истлевшей лапы скребли землю, оставляя глубокие борозды в пыли.

Кошка весело скакала под ногами мрачных призраков, игриво била их лапами по бокам и мордам, словно подгоняя, чтобы скорее шли.

— Это ты их привела? — поразилась Лили. Решив не тратить время на удивления, она

повторила в очередной раз. — Отдайте подруг. Живо.

Мгновенно растеряв боевой дух, братья не рискнули спорить дальше, послушно вытолкали на улицу перепуганных девушек и закрылись в бараке.

— Ты пришла за нами! — громко воскликнула Фая, обнимая Лили за шею. — Пришла... А говорила, что не защитишь... Говорила...

Она не выдержала и разрыдалась. Заревела на всю округу, как раненная медведица, и тени мертвых животных принялись вторить ей на разные голоса.

— Пойдемте в мой дом. Тут опасно, — позвала Лили. Она взяла за руку трясущуюся как осиновый лист Ирэну. Крепко сжала ее пальцы в своих. — Не бойся мертвых зверей. И братьев не бойся. Я с тобой. Пока я жива, вас никто больше пальцем не тронет. Я сумею нас всех защитить.

Лишь на миг она отвернулась от подруг.

Лишь на секунду ее взгляд, решительный и яростный, потух, став безжизненным.

Лишь на мгновение она позволила слабости, неуверенности и безнадее завладеть собой.

Вглядевшись в повисшую за околицей темноту, Лили мысленно попросила: «Помоги нам».

Глава 30. Час испытания

Постепенно поднялись все.

Дарэ шатался, искал руками опоры. Ноги его почти не держали. Уилтер стоял, стиснув голову ладонями, и тихо выл. Роггу качался из стороны в сторону, тер глаза. Два кровавых ручья стекали по щекам. Алые капли падали на широкую грудь, пестрящую черными дырами от шипов.

— Не вижу ничего... Проклятье... — шипел он. — Жжется... Почему в глазницах так горячо...

— Твои глаза сильно пострадали, но вскоре они вернуться... Подожди немного... — донеслось в ответ. Говорил Валари. Он единственный лежал на полу. Один его глаз неотрывно смотрел в потолок. На второй сползло безвольное веко. Выражение лица из-за этого было каким-то полумертвым. — Подожди... Я устал... Мне надо полежать... Я отдохну немного... И...

— Хватит, Валари, — прервал его слабый шепот Флоки. Северянин стоял на ногах увереннее остальных. Привычка воина не падать до конца битвы во что бы то ни стало давала о себе знать. — Ты излечил нас всех. Не знаю как, да это и неважно. Хватит. Не трать силы, или умрешь.

— Ты совсем плох, — хрипло поддержал товарища Хэйя. — Так что лежи. Дальше мы сами решим, что делать.

— Мы позаботимся о тебе, — тихо добавил Дарэ.

Его Валари уже не слышал.

Его сознание отключилось, и теперь в глубине головы, где-то у границ реальности билась единственная мысль: «Эксперимент Йоремуне удался. Они выжили. И обрели... что-то. Какую-то силу... Но что делать теперь? Ведь Йоремуне не успокоиться и вновь придет по их тела и души».

Они еще не спаслись.

Выжили, но не спаслись — никто из них.

Стая собралась вокруг своего бездыханного предводителя. Он потерял сознание. Грудь едва заметно вздымалась, и чуть подрагивало веко, так до конца и не закрывшее правый глаз. Судорога дергала тонкие пальцы...

— Ему плохо, — с сожалением потянул Роггу. Здоровяк отнял ладони от лица, и глаза, мутные, но целые, матово блеснули в окровавленных глазницах. — Он отдал нам всю свою силу... Всю жизнь...

— Залечил наши раны, — поддержал соратника Вархо.

— Мы должны что-то сделать для него, — прорычал настороженный Хэйя. — И для себя. Нас ведь не оставят теперь.

— Мы защитим Валари, — подвел итог Дарэ. — И себя. — Он требовательно взглянул на Флоки. — Ты один у нас настоящий воин. Ты сражался и убивал.

— Чего ты хочешь от меня? — непонимающе насторожился северянин.

— Выведи нас отсюда. И спаси Валари. Мы должны как-то вырваться из этого ада. Если останемся, нас добьют, тут и гадать нечего.

— Веди нас, — присоединился Хэйя. — Пусть эта битва будет последней, но мы должны хотя бы попробовать отплатить проклятому духу за его гостеприимство.

— Дадим бой... — зазвучали первые робкие голоса.

— Дадим бой! — грянуло уверенное эхо.

— Отомстим!

— И прорвемся на свободу...

— Да тише вы, — шикнул на них Флоки, прижимая к губам палец. — Чего раскричались?

Все полукровки разом замолчали, и в воздухе повисла мертвая тишина.

Ее нарушили хлопки ладоней хенке. Алкир, все это время молча наблюдавший за происходящим, приблизился к полукровкам. Прорвав кольцо из сомкнутых спин, встал возле лежащего на полу Валари и заявил с едва заметной ухмылкой:

— Мне нравится ваш настрой.

— Не издевайся, — напустился на него Дарэ. — Для тебя это игры, а для нас...

— И для вас игры, — перебил хенке. — Жестокие. — Он задумчиво взгляделся в темноту выхода. — Знаете что? На вашем месте я бы тут не стоял сейчас, а со всех ног бежал бы в оружейную. Лови, северянин!

Хенке сорвал с кольца на поясе ключ и швырнул Флоки.

— Почему ты помогаешь нам? — спросил полукровка.

— Я лишь ищу выгоду для себя, — прозвучал четный ответ. — Если вы проиграете, я сделаю вид, что ничего такого не видел и не знал. Ничего не потеряю. А если выиграете, я вспомню про наш с ним уговор. — Хенке кивнул на Валари. — Он мой должник. И в качестве возврата долга я заберу свою жизнь. И еще кое-что по мелочи...

— Свою жизнь? — не понял Флоки. — Как тебя понимать?

— Если вы вдруг решите перебить в качестве мести всех хати и хенке в Эводеоне — то будет ваше право. Я ведь тоже ваш враг по сути. Вот и попрошу не трогать меня. И... — Он вдруг осекся и чутко вслушался в темноту коридора. — Сюда кто-то идет. Этого еще не хватало... Проклятье! Это Офу.

Главный хенке выплыл из тьмы. Чутко прислушиваясь и приняхиваясь, он внимательно оглядел сбившихся в кучу полукровок. Ледяной взгляд зверя пронизал каждого...

Каждого из них, кроме Валари. Лежащего на полу вожака обступили со всех сторон, закрыли собой.

— Что тут произошло, Алкир? — спросил главный хенке.

— Они выжили, — прозвучало в ответ. — Все хорошо.

— Иди и сообщи об этом господину Йоремуне.

— Слушаюсь.

Алкир покорно кивнул и медленно направился к выходу. Поползла по полу хищная тень. Проходя мимо дяди, племянник замедлился, остановился.

— Чего ты тянешь время? Иди быстрее. Новости важные.

— Есть еще кое-что, — тихо произнес Алкир. И добавил едва слышно: — Очень важное...

— Говори, — позволил Офу.

Алкир потянулся носом к его уху, намереваясь, видимо, нашептать главному нечто судьбоносное. Офу склонился, и в тот же мир Алкир обхватил его шею, заключая старшего родича в объятия, и...

...со стороны это было похоже на горячий поцелуй, но вскоре стало понятно, что молодой хенке задумал нечто иное. Его зубастая пасть раскрылась максимально широко,

захватывая нос и рот Офу.

Перекрывая ему весь воздух.

Не позволяя более дышать...

Первым отреагировал Хэйя. Не видя происходящего, о том, что свершилось, он догадался по звукам, по вибрациям воздуха, по отчаянному мычанию Офу и свирепому рыку Алкира.

— Поможем ему!

Слепой бросился в бой, но Офу не глядя отбил его рукой, отшвырнул в сторону, как котенка.

Офу не просто так занимал положение главного хенке. Пусть силу он обычно не демонстрировал, но это и не говорило об ее отсутствии. Пальцы изогнулись, когти впились в «пернатую» броню племянника и с легкостью вывернули несколько пластин. Из боков Алкира брызнула темная кровь, но он свою жертву так и не отпустил.

Тут очнулся Флоки. Ругая себя мысленно за нерасторопность, он заорал остальным:

— Надо свалить его с ног! Иначе Алкир не удержит! Вперед! Не бейте его, просто давите всем весом. Навалимся кучей и обездвижим...

Полукровки дружно исполнили приказ.

Вскоре главный хенке рухнул навзничь, погребенный под горой тел. Некоторое время он пытался сопротивляться, но груз был слишком тяжел, а воздуха в груди оставалось все меньше...

...и меньше.

— Вот и все... — шумно выдохнул Алкир, устало прикрывая глаза. — Спасибо, что помогли.

— Ты как? — спросил его участливый Дарэ. — Сильно тебя главный потрепал?

— Царапины, — усмехнулся хенке, отирая ладонью кровоточащий бок. — Заживут. Ерунда.

— Что за жуткий прием ты использовал? — полюбопытствовал Уилтер. — Вы, хенке, всегда целуете друг друга, когда хотите убить?

Алкир расхохотался, продемонстрировав окружающим окровавленные клыки:

— Это не поцелуй. Я подсмотрел этот прием у степных львиц. Так они убивают могучих диких коней на охоте. Когда твой противник силен, с ног до головы укрыт броней и способен сопротивляться долго и упорно, самое верное — лишить его воздуха. Эй, Флоки! — позвал он северянина. — Снимай с Офу доспех. Теперь он твой. Это хорошая защита, даже хенке ее вряд ли смогут пробить с первого раза.

Флоки нахмурился.

— Лучше отдадим броню Валари. Ему сейчас нужнее.

— Дурак! — рассердился вдруг Алкир. — Валари сейчас не поможет броня. Он и в ней и без нее незащищен, пока лежит без сознания. А ты единственный опытный воин. Тебе уже друзья твои сказали. Они правы. Ты поведешь сейчас на свободу своих братьев. Прочь из Эводеона. Ты будешь командовать этой битвой, а значит, подведешь всех, если сдохнешь раньше времени. Так что живо надевай!

Флоки больше не спорил.

И не смотрел больше на кровавые пятна на полу, что как зеркала отражали узор на потолке. Страх перед непонятным и необъяснимым происходящим сменился привычным предбоевым спокойствием. Смерть дышит в спину — этого уже не избежать, а значит, надо

повернуться к ней лицом и, заглянув в глаза, дать достойный отпор.

Уилтер и Роггу помогли ему натянуть пернатую броню. Приладили сверху большой выпуклый нагрудник. Броня выглядела легче, чем оказалась на деле, зато гнулась хорошо. Да уж, хенке совсем не люди...

— Сейчас тихо, как мыши, идем до оружейной, — предупредил Алкир.

— А с Офу что? — настороженно поинтересовался Дарэ.

— Откиньте его куда-нибудь с глаз подальше, чтобы из коридора не было видно...
Времени у вас мало. Вскоре охрана почует неладное и начнет разбираться. Вам нужно вооружиться и дойти до подземного хода. Дотуда я вас провожу, если получится, а дальше сами. Если повезет — сбежите.

— Не проще ли на конях? — предположил Уилтер.

— Не проще, — оборвал его Алкир. — Вас расстреляют со стен в два счета. На открытой местности против армии хенке у вас нет шансов. То ли дело узкий подземный ход, в котором количественное преимущество врага будет потеряно. — Он взглянул опять на безжизненного Валари. — В ящик его уберите. Они захотят добить его. Они знают...

— Ты о чем? — насторожился Флоки.

— Неважно. — Алкир направился по лестнице вниз. — Нужно поторапливаться.

Зверь нес его через бурю.

Так казалось. Все кругом гудело, завивалось в бешеной круговерти, и земля уплывала из-под ног. Живот разрывало от голода, и душу терзала ярость.

Йону думалось, что теперь ярость будет жить в нем всегда. Что от нее никуда не деться...

Он цеплялся за собственную память, как мог, но сознание упорно тонуло в волнах чужих желаний. Сила зверя была несокрушимой. Он диктовал свои условия и правила.

Охотился.

А Йону оставалось лишь принимать реальность такой, какая она есть и просто быть. Существовать где-то у грани звериного дикого разума без особых возможностей как-то влиять на ситуацию.

Иногда из неведомых далей до его собственного человеческого еще слуха доносились обрывки знакомых голосов. Ветер с гор приносил заунывные песни матери, приходили с ароматом Вересковой пустоши обрывки фраз, произнесенных Лили...

...где-то там.

Лили была беспокойна. Вся в тревогах. Вся в предчувствиях скорой беды. Йон не разбирал слов, но по интонации ощущал ее отчаяние. Обреченность. И страшно хотелось бежать к ней со всех ног на помощь.

И страшно становилось от мысли, что помощь нужна ей будет скорее затем, чтобы спастись от него.

От Зверя.

В какой-то момент Йон и сам не заметил того, как близко подошел к Нерке. Зверь смыкал круги вокруг деревеньки и подходил все ближе.

Ближе...

Йон держался изо всех сил, каждый раз заставляя его... себя отступить на шаг.

И небо над Неркой было взбаламученное ветром, облаками взлохмаченное, прошитое нервной грозой. Что-то происходило там внутри нехорошее, недоброе.

И другое недоброе двигалось по направлению к деревеньке с юго-запада. В ноздри ударил запах железа, ладана, людского пота и лошадей.

Зверь облизнулся. То, что он задумал, не вызывало сомнений.

Йон хотел остановить его, уже напрягся весь мысленно, сжался, стянулся узлом, ощущая, как боль пронизывает виски, но вдруг пришло осознание — едущие в Нерку всадники опасны...

Для него?

Нет...

А для кого же? Для кого...

Мысленному взору тут же предстало лицо Лили. Бледное, осунувшееся, мертвое.

И тихая просьба на грани восприятия: «Помоги нам».

Не к нему, не к Йону обращенная...

К зверю!

Или все-таки к нему?

Копыта мягко прорезали плоть несговорчивой земли. Мышцы прокатились под шкурой, пуская тяжелое тело в неровный галоп. Засвистел в ушах рожденный движением ветер.

Никто не подойдет к Нерке, пока он здесь.

Никто не посмеет причинить ей вред.

Никто не прикоснется к Лили...

Тело Валари уложили в один из гробов, оставшийся от зверей. Его подняли на плечи Роггу, Демин, Уилтер и Марли. Остальные полукровки собрались вокруг них, не слишком понимая, что будет происходить дальше.

А сквозь щели гроба потекла на пол густая тьма. Скрипнули доски.

— Что с ним? — спросил в гробовой тишине Хэйя.

— Ты же не видишь? — шикнул на него Уилтер.

— Я чую... Тьму.

— И чем она пахнет? — поинтересовался вдруг с любопытством Алкир. — Даже я не чую.

Хэйя отозвался хмуро:

— Бедою.

— Тут все ею пахнет, — мягко прервал разговор Флоки. Странно, но приняв командование, он как-то плавно вдруг успокоился, расслабился. Будто рыбу, что билась на траве под ногами рыбаков, бросили обратно в воду. На губы его легла отрешенная улыбка, зрачки расширились, взгляд стал туманным и тяжелым. — Но мы не должны думать об этом. Мы не должны тревожиться или бояться. Нужно успокоиться и принять то, что впереди нас ждет смерть. При плохом раскладе. А значит, мы должны избежать его и прийти к хорошему финалу. Все вместе.

— Мы уже преодолели смерть один раз, — воодушевленно поддержал его Дарэ. — Благодаря Валари. Так чего нам терять?

— Нечего! — поддержали его хором Уилтер и Демин.

— Я чую запах крови, — сказал Хэйя. — И это хорошо. Кровь — есть жизнь.

— И битва есть жизнь, — поддержал его вдруг равнодушный обычно к происходящему Марли.

— Тогда вперед, — отдал короткий приказ Алкир и повел полукровок за собой.

До оружейной они добрались без особых трудов. Тускло блеснуло развешанное по стенам оружие. Предвкушение битвы охватило всех, и сердца забились чаще.

Алкир сказал:

— Они будут прыгать.

— Что? — удивился Демин. — Как это?

— Очень просто, — пояснил Флоки. — Всегда помните это. Схлестнувшись с нами строй в строй, они могут внезапно взвиться в воздух и перепрыгнуть через щиты в тыл. Эти твари... — начал он и сбился. С опаской взглянул на Алкира, но тот лишь улыбнулся в ответ во все клыки. — Хенке. Они не люди. И дерутся они по-особенному.

— Все верно, — донеслось в ответ. — Прыжки, сила ударов, скорость. Все будет иным. Не таким, как вы привыкли. Ведь ни Клайф, ни Скайскиф не раскрывали вам своих секретов. Учили сражаться против людей.

— Значит, без шансов? — спросил Уилтер, и в голосе его прозвучали ноты отчаяния. — Так и скажи сразу. Мы ведь просто ученики. Опыта у нас нет. Что-о-о-о? — Он обернулся на остальных, раздраженный повисшим молчанием. — Да ладно, парни! Посмотрим правде в глаза. Нам не справиться. Так зачем...

— Эй, северянин, — окликнул Алкир Флоки.

— Что?

— Скольких моих братьев ты уложил?

— Трех, — прозвучал ответ. — Это было трудно. Но трех. Не один, врать не буду. — Флоки прищурился, вспоминая нечто важное. Свое прошлое. — А вообще, нужен второй ряд копий... Хенке способны перепрыгнуть через щиты. При этом часть прыгает, а часть продолжает напирать с двойной силой. Тогда второй ряд копеечников подцепляет их прямо в воздухе, а первый продолжает отбивать из-за щитов тех, что идут в лоб.

Алкир азартно сверкнул глазами:

— Занятно. Учту на будущее, но это так... К слову. Щиты, копья, мечи, топоры, доспех. Берите все, что нужно, но помните, что этого недостаточно.

— Не пугай нас, — небрежно бросил ему Хэйя. — Одного из твоих клыкастых собратьев мы уже забили камнями. Разберемся как-нибудь и с остальными.

— Могли бы, — холодно ответил ему Алкир. — Если бы вожак, вдохновляющий вас на подвиги единым словом, стоял сейчас на ногах. Без него не все так радужно и однозначно. И все же у вас еще есть военный вождь, способный организовать вас во время битвы. Тоже неплохо.

— Лучше, чем ничего, — с мрачной иронией подтвердил его слова Флоки. — Для битвы нас слишком мало. С оружием или без, нам не выстоять против армии хенке. Сколько их здесь? Полтысячи? Нас же чуть больше двадцати.

— Если прорветесь к тоннелю, ведущему на Пустошь, количество врагов перестанет иметь значение.

Слова Алкира убедили Флоки, и он кивнул удовлетворенно. После чего отдал приказ:

— Облачайтесь, берите оружие и пошли.

Флоки не нравилось происходящее, но иного выбора у него не было. Ответственность, которую он взял, давила плечи тяжким грузом. Он ведь никогда прежде не делал этого.

Видал, как делают другие, но не делал сам.

Не командовал.

Наверное, потому что желание командовать не было ему присуще от природы. Флоки

всегда был послушным подчиненным на поле боя, верным старательным солдатом, частичкой единого организма той армии, к которой принадлежал. Он был наемником, и поэтому воевал всегда с пустым сердцем и холодным разумом. Убивал. Грабил. Жег чужие деревни и корабли. Но он никогда не испытывал при этом ненависти к врагам. Да и «врагов» у него по сути не было. Разве коровы враги мяснику? Работа и рутина, не более...

И все же за остальных полукровок он больше не боялся. Все они жаждали жизни и наполнили сердца надеждой. Они готовы сделать все, чтобы стать свободными.

Флоки охватило сладостное умиротворение. Он даже зажмурился, предвкушая привычное. То, для чего он, как думалось, и был рожден.

Сейчас будет жарко.

Сейчас будет больно.

Зато потом будет победа, награда и слава. Слава, впрочем, ему не особо нужна. Лучше деньгами. Золотом. Интересно, много его у Йоремуне в подвалах? Можно будет вернуться к себе на север, порадовать матушку, или обосноваться где-нибудь в Райле. На миг мелькнули перед мысленным взором бедные домики Нерки и сильные руки блондинки, в одиночку закинувшей на седло тело Лейфа. Здоровяка они поднимали вместе... Он хотел тогда спросить у могучей хмурой силачки, как ту зовут, но как-то к слову не пришлось... Чего вдруг вспомнилось?

Будет битва.

Или бойня.

Плохо, что не все останутся в живых. Возможно. Но он постарается сделать так, чтобы выжило как можно больше его бойцов...

Его товарищей.

Флоки улыбнулся и привычно опустил на плечо топор.

— Идемте, парни. Отвоюем свою свободу у старого Йоремуне.

Луна взошла над Неркой, холодная и бледная.

Девушки скользили по улице стремительными тенями.

Они дошли до дома. У дверей уже собралась толпа, и Мун стоял во главе ее. Черты его лица, изуродованные неровными тенями, павшими от пляшущего на ветру пламени факела, казались неузнаваемыми.

— Ведьмы! — заорал он режущим уши голосом. — Ведьмы проклятые! Смотрите, люди добрые! Смотрите!

Толпа молчала. Десятки тревожных взоров переходили то на Муна, то на Лили, то на тяжелую луну, прогрызшую облачный тлен.

— Лили! — Мать стояла на крыльце, растрепанная и бледная. — Лили, они тебя...

— Не бойся, мама. — Лили смерила Муна и его паству холодным взглядом. — Я справлюсь. Никто из них не посмеет причинить нам зло.

— Да я сожгу тебя, тварь! — Лицо священника перекошилось от гнева, и вес же он медлил, и медлили застывшее подле него красные плащи.

Что-то тревожило их. И Лили разглядела, что именно. Из теней, павших от стен ее ветхого дома, глядели беззрачными глазами мертвые животные. Почти невидимые, они прятались во тьме и смотрели...

Смотрели.

— Быстро идите в дом. — Лили подтолкнула Ирэну в спину. — Мама, запри дверь

изнутри. Я тут сама разберусь. — Она встала перед входом, уперла руки в бока. — Уходите прочь, учитель Мун. Вам здесь не рады.

Священник от услышанной наглости чуть дар речи не потерял.

— Ты... — прошипел он. — Ты... Пошла против самого святого Эвгая!

— Мне плевать на Эвгая, — сказала Лили, и силуэты зверей колыхнулись в темноте в такт ее словам.

И хрустнуло что-то под коньком крыши, зашипело, затрещало. Разошлись доски фронтона, выпуская наружу хохочущую лисью голову. Выросшая до размеров кабаньей, она скалила страшные зубы и щурила глаза, заходясь в спазмах безумного смеха. Меж рогов пульсировала и дрожала шаровая молния в великолепии синеватого грозового блеска.

— Ты грешница! — Лицо Муна побагровело от ярости, глаза вылезли из орбит, а в углах измятых морщинами губ взбилась пена. — Ты должна понести наказание!

— Это ты должен быть наказан, — мертвым голосом ответила Лили, ощущая, как последние всполохи страха взметнулись в груди и растаяли, будто искры гаснущего костра, облитого дождем. — Ты пришел сюда без приглашения. Ты мучил моих подруг. Ты обманывал жителей деревни. Травил и оскорблял меня. Можешь сколь угодно прикидываться хорошим и нужным, но это не так. Не так...

— Не так... — За спиной скрипнула дверь, и выпала под ноги полоса желтого света.

— Не так, — уверенно произнес еще один голос.

— Не так! — Рядом встала Фая, выпрямилась во весь свой немалый рост, распрямила плечи и потрясла большой деревянной скалкой, прихваченной в кухне. — Ты обманщик и злодей, Мун. Похотливый негодяй! Что ты делал с моими подругами, пользуясь своей властью, а? Расскажешь нашим родителям и женихам? Давай, не стесняйся! Выкладывай все как есть!

— Так вы, ведьмы, сговорились? — Мун сделал шаг вперед, но тут же отступил испуганно, потому что лисья голова оскалилась страшно и прижала уши. — Вот же гадины... Гадины! Эй ты! Жена Лота! — заорал он, обращаясь к матери Лили.

Та вышла вперед послушно. Дрожа. Подняла ввалившиеся вглубь черепа глаза. Сцепила пальцы.

— У меня есть имя, — сказала вдруг.

— Останови свою полоумную дочь, глупая ты женщина! Давай же! Слушайся меня! Повинуйся! — срываясь на хрип, взвыл Мун.

Но мать Лили будто не слышала его.

— Меня зовут Элохима, — сказала она. — Я не безымянная. Не безымянная... — Слезы застыли в бесцветных глазах, и из губы, прокусанной до крови, стекла на подбородок тонкая алая струйка. — А вы... Ты... Отстань уже от нас, слышишь? Отвяжись от моей девочки! Оставь ее наконец в покое!

— Что? — Лицо Муна скривилось, губы перекосились в жутком оскале. — Что ты несешь, полоумная? Останови, девку, сказали тебе. Пусть отзовет своих демонов.

— Не отзову. — Лили стиснула зубы. Опять... Почему опять кто-то хочет отнять у нее тех, кто рядом? Сколько можно терять тех, кто дорог? — И не отступлю. Я дома. У себя дома. А вы... — Она оглядела уставшими, потухшими глазами Эвгаевых последователей. — Вы пришли сюда незваные, установили свои злые порядки. Обвинили невиновных. Замучили слабых. Уходите прочь.

— Да как смеешь ты перечить мне, гнусная тварь? — ярился Мун. Пот тек по его

морщинистому лбу, по обвисшим щекам. — Мы казним тебя немедленно! И всю родню твою. Всю деревню вашу проклятую...

Сил говорить и терпеть не осталось. Лили давно поняла, что убеждать тех, кто всегда будет глух к ней, бесполезно. Для Муна она не человек. Так, букашка, которую можно раздавить для забавы. Так к чему разговор? Пора произнести последнее слово и закончить все. Поставить точку.

И она произнесла то самое слово.

Слово силы.

Слово власти.

Слово воли.

И надежды.

— Ин номене октаграмматон...

Тут же лисья голова под коньком крыши закричала надрывно и свирепо. Звук был столь оглушительен, так резанул по ушам, что взвыли от боли и люди, и животные.

Живые и мертвые.

Затрепетал меж раскинутых на фоне звездного неба рогов искристый шар-молния, задергался, раздулся, а потом шарахнул росчерком ярких зигзагов прямо в Муна.

И наступила тишина.

Глава 31. Час расплаты

Алкир, занявшись своими, одному ему ведомыми делами, указал им нужный путь и исчез в лабиринтах цитадели.

Полукровки ринулись вперед, но их уже ждали.

В длинном коридоре, что должен был вывести к тайному ходу.

Они знали, что примерно так и случится, поэтому были готовы.

— Щиты! — скомандовал Флоки, и первый ряд строя в единый миг обернулся стеной.

Ощетинился копиями. Оскалился вторым рядом длинных топоров, готовых перелететь через головы щитоносцев и ударить из укрытия по врагам. Замерли в глубине отряда несущие гроб полукровки. Опустились на одно колено, скрываясь за спинами братьев по оружию.

Хенке скалили из сумрака острые клыки. Большая часть из них даже не удосужилась надеть шлемы. Что им какие-то мальчишки? Добыча на один зуб, не более.

Вот только добыча не принимала своей роли.

Хенке не понимали этого. Они смеялись, мешая хохот с рыком. Один Клайф чуял неладное. Перед глазами его вставал образ изломанного и искореженного Скайскифа, лежащего в луже крови.

Под грудой камней...

— Осторожнее! — рявкнул Клайф на ближайшего хенке, но тот сверкнул серебряным командирским ошейником и отмахнулся высокомерно.

«Ну, как знаете», — решил про себя Клайф и начал медленно отступать за спины соратников. Происходящее ему не нравилось.

А из-под ног полукровок натекала на первые ряды густая тьма.

— Вперед! — рявкнул Эльгра, тот самый хенке, что носил на шее командирское серебро.

И воины его с воем и улюлюканьем кинулись в бой.

Полукровки, к удивлению нападавших, удержали строй. Первые дрогнули, но тут же выдвинули острые копья, встали крепко и остановили звериный напор. Ударили по щитам мечи и утренние звезды — излюбленное оружие хенке. Затрещало дерево, заскрежетал металл.

«Времени у нас будет мало», — предупреждал своих перед боем Флоки.

Мало...

Если не сказать, не будет совсем!

Вся надежда была на то, что высокомерные хенке не воспримут их мятеж серьезно, и разбираться придет небольшой отряд охранников. Если явится «золотой ошейник», вроде Офу или Алкира, шансов станет совсем мало.

К счастью, пока был только «серебряный ошейник», но и он создавал проблемы. Утренняя звезда в его руках крушила щиты, как щепки. Труха летела в воздух. Опадали под ноги стальные искры.

Отдав приказ заостриться клином и двинуть вперед со всей мочи, Флоки встал впереди строя. Эльгра моментально выцепил его взглядом и с громогласным рыком ринулся на вожака мятежников.

Рассекла воздух натянутая движением цепь, врезался в щит шипастый тяжелый шар

утренней звезды...

Флоки взял самый крепкий щит. Дерево выдержало, но подвело железо. Полукровка слишком поздно ощутил, как шатается заклепка в стальном умбоне над стиснувшим рукоять кулаком.

Эльгра тоже почувствовал.

Новый удар буквально содрал со щита умбон вместе с пальцами Флоки. Разорванная плоть прорвалась фонтаном крови. Полукровка стиснул зубы: без руки и защиты он обречен. Зверь растерзает его, забьет своим страшным оружием, не дав даже помыслить об отпоре.

Щит глухо ударился о камни.

Боли не было. Лишь ощущение собственного бессилия. Мозг все еще отдавал команду пальцам — сжиматься, но пальцев не осталось.

— Сюда! Давай!

Кто-то за спиной вылетел из первого ряда. Чужой щит прикрыл Флоки, не дав утренней звезде ударить по живому.

— Дарэ? Свали обратно! Нам нельзя открываться... — рявкнул Флоки на соратника, но тот огрызнулся сердито:

— Дурак! Без тебя мы обречены. Лучше думай, как добить звериного вожака. Без «серебряного ошейника» они дрогнут.

Флоки не стал спорить, крикнул Дарэ:

— Копье! Давай!

Тот понял с полуслова и ловко подsunул под занесенную руку хенке свое оружие. Стремительным движением отвернул в сторону пластину...

И Флоки мгновенно ударил в открывшуюся брешь топором. Подцепив доспех за внутреннюю часть, разорвал линию кожи под крепежом. Нижняя часть брони под своей же тяжестью провисла, уехала вниз.

Эльгра споткнулся, наступив ногой на собственный доспех, сделал дыру на брюхе еще больше и незамедлительно получил в нее мечом от подоспевшего Марли.

А потом еще раз от Флоки топором по склоненной шее...

Стоило только командиру хенке свалиться, в его рядах начался хаос.

Этот хаос, как разбушевавшаяся стихия, смешал и ряды полукровок. Подземелье огласилось треском щитов и костей, звоном мечей и скрежетом зубов.

Временно потеряв управление над своим отрядом, Флоки отыскал взглядом самого здорового хенке и сшибся с ним грудь в грудь. От удара вмялся внутрь мощный нагрудник из толстой стали. Легкие стиснуло так, что стало невозможно дышать. И все же Флоки умудрился подсесть под врага и всадить ему топор сперва в неудачно открывшуюся подмышку, потом сзади, под ремень наколенника, и уже в самом конце обрушить удар на толстенную шею чудовищной зверюги.

Под конец боя его шатало, как пьяного. Кровь утекала сквозь пальцы в буквальном смысле. И нечем, и некогда было пережать страшные раны. Остановить, чтобы не лило из них так...

Сквозь крики и лязганье он разобрал срывающийся крик Марли:

— Не пускайте их к Валари!

— Проклятье! — выругался Флоки и ринулся к опрокинутому на бок гробу.

На пути его снес оскаленный хенке. Разверзлась перед лицом клыкастая пасть. Сбоку пришел сокрушительный удар боевой палицей: шлем промялся и сорвался с головы,

зацепленный длинными шипами. Звериные челюсти оказались перед самым носом, но не достали — чужая рука в стальном наруче вставилась между ними. Хрустнули кости, и заскрежетал, корежась, металл.

— Хэйя... — только и смог выкрикнуть Флоки.

Было поздно. Рука товарища изогнулась под неестественным углом вместе с изжеванной частью доспеха.

— Иди к Валари, — свирепо прошипел слепой.

И второй, целой рукой хватил рычащего хенке по переносице. Удар вышел невероятный. Верхняя челюсть зверя сломалась пополам.

Но Флоки этого уже не видел, он двигался к перевернутому гробу, не желая представлять, что ждет его там...

Каким-то чудом бездыханный вожак полукровок очухался, выбрался из своего ящика и попытался теперь встать на ноги. На него уже перли рыча четверо хенке. Но они не успели приблизиться. Черный дым сорвался с руки Валари и, обернувшись в движении мощной волной, унес нападающих прочь.

Тьма стремительно заполняла коридор.

Она была густа, переливчата и текуча.

Она была ужасна, как сама ярость...

Флоки стоял в волнах черного живого гнева, омывающего камни с безудержной животной мощью. Эта мощь не задевала полукровок, но хенке швыряла по сторонам, как щепки.

Валари был безумен.

И кошмарен.

Тьма лилась из его глазниц, с его пальцев и волос, окутывая и захватывая все пространство вокруг.

— Не троньте моих братьев... — отразился от камней обледенелый железный голос. Такие голоса не принадлежат людям... — Не смейте подходить, или я покараю вас... Уходите прочь, псы Йоремуне...

Пойдите прочь.

Те из хенке, что еще остались на ногах, оскалили страшные зубы свои и...

...отступили.

Страх неизвестности пылал в их звериных глазах. Ноздри раздувались, вдыхая запах неведомо откуда взявшейся чужой магии. Когтистые лапы сжимали оружие, и все же здравый смысл подсказывал не ввязываться.

При виде обратившихся к нему закованных в броню спин, Флоки расхохотался:

— Давайте! Валите во все лопатки отсюда, трусливые ублюдки! — Махнул рукой. Полетели по воздуху кровавые брызги. Он бросил топор и, оборвав край чьего-то плаща, лежащего под ногами, как мог замотал разорванную кисть. — Твари тупые... — И тут же добавил, мысленно обругав себя за минутную слабость. — Вставайте, братья! Еще ничего не закончилось!

Чужая рука опустилась на плечо. Скрипнул под пальцами доспех.

Смялся, как бумага.

Валари стоял за спиной, бледный, как смерть. И жуткий, как она же.

— Оставь это мне. Пора положить конец власти Йоремуне.

— Валари, ты очнулся? — Губы Флоки тронула слабая улыбка. — Это хорошо. Теперь

будет легче сбежать тайным проходом...

— Мы не побежим, — прозвучал решительный ответ.

Флоки попытался возразить вожаку, образумить.

— Их тут сотни, Валари. Этот бой мы еле выстояли. Во втором падем все.

— Нет. Мы останемся... Если не отрубить голову змее раз и навсегда, свободы нам больше не видать.

Флоки устало оглядел соратников. Полукровки, израненные и уставшие, тяжело дышали. Вся яснее приходило осознание: бой они выиграли чудом.

— Сейчас не лучший момент, — сказал он вожаку. — У нас не осталось сил. Совсем.

Валари оглядел полукровок. Каждого. На их лицах гордость внезапной победы мешалась с ужасом новой битвы.

— Я пойду сам, а вы спасайтесь. Я не вправе заставлять вас рисковать своими жизнями. Останусь один и сражусь с Йоремуне...

Из глубин коридора донесся звук движения. Бряцала чья-то броня. Скрежет обуви по полу намекал на то, что идущий подволакивает ноги.

Валари вышел вперед.

— Осторожнее, — предупредил его напряженный Хэйя. — Там не один...

Алкир.

Он первым ступил навстречу полукровкам, окровавленный и довольный. Пасть его кривилась в хищной улыбке. Руки дрожали, пальцы стискивали добычу — мертвые звериные головы. И капала на пол кровь из остатков шей, стекала по обрывкам позвончиков...

За Алкиром безмолвно, покорно шли притихшие хенке.

— Ты очнулся? — улыбнулся зверь во всю пасть, увидев Валари, и клыки его были красны.

— Ты опять пришел, чтобы помочь? — Голос Валари грянул эхом, прозвучал чуждо и мертвенно.

— Я преследую лишь свои интересы, так что не питай иллюзий. — Алкир швырнул на пол головы убитых командиров. «Золотых ошейников». — Просто теперь я верховный вожак стаи, и как верховный вожак, я не имею ничего против вашей битвы с Йоремуне. Если ты собрался за его головой, твое время настало. — Алкир отвесил полукровкам насмешливый поклон. — Вас более не задержат. А если... — Он вскинулся, потянул носом воздух. — Я поторопился, похоже... Что ж, придется еще разок показать этим упрямым глупцам, кто тут главный. Вперед! — отдал он приказ своим воинам.

В проход повалили новые хенке, но те, что пришли за Алкиром, с дружным воем потеснили их назад.

— Я помогу тебе, — сказал зверю Валари.

Тьма стекла с его пальцев и ушла длинными лентами в тела врагов, заставив их содрогнуться и с воем отступить.

Оживились оглушенные кошмаром чудом выигранного боя полукровки. Флоки переложил топор в целую руку.

— Пальцы... Надо будет найти проклятушие пальцы... Как же я потом без них... — бормотал он себе под нос. — Потом... Все потом... Проклятье...

Он прошел несколько шагов и рухнул под ноги соратникам.

Валари мрачно оглядел измученных друзей и сказал лишь одно слово:

— Хватит.

А потом, когда новая волна врагов обрушилась на него и вставшего с ним плечом к плечу Алкира, стал одною живой и пульсирующей яростью.

Самою тьмой.

Заскрежетали доспехи, грохнули щиты, взвились в воздух смертоносные утренние звезды. Зарычал страшным голосом Алкир, и кто-то еще не смирившийся, не принявший власть нового вожака, ответил ему яростным ревом с другой стороны.

Новый бой был неукротим, как стихия.

Хенке рвали и крушили друг друга, будто еще вчера не были единою стаей. И те, кто не желал признавать нового предводителя, платили за упрямство своими жизнями.

Алкир врезался в толпу своих бывших соратников и расшвырял их, как рваное тряпье. Они должны были видеть, должны были понимать...

Когда все кончилось, он и Валари стояли рядом.

По колено во тьме.

Вожак полукровок обернулся на своих измученных братьев, после чего обратился к Алкиру:

— Присмотри за ними, пока я буду у Йоремуне.

— Не ходи один, — предупредил хенке.

— Я должен идти один. Это лишь мое дело, — отрезал Валари.

Алкир посмотрел на него с сомнением, но возражать больше не стал.

— Ну раз ты решил...

Валари поднялся в знакомую башню, где солнце, пробившееся сквозь окно, растягивало на залитом кровью полу длинную тень ближайшей стальной девы.

Дух стоял спиной к пришедшему, недвижимый, как статуя.

— Выжил? — В спокойном голосе звучало плохо скрытое недоумение. — Выходит, у меня получилось?

— У меня получилось, — ледяным тоном объявил Валари.

— И зачем ты пришел? — прозвучал новый вопрос.

— За тобой, — уверенно заявил Валари и вдруг осекся. — За собой... — И тут же нашелся. — За нашими жизнями. За нашим покоем.

— Нет у вас своих жизней больше. — Йоремуне усмехнулся и наконец повернулся к собеседнику лицом. — Я их купил. Потому что могу.

— Я тоже теперь многое могу.

Валари шагнул к Йоремуне, более не сомневаясь и не медля.

Дух взмахнул рукой, пытаясь отшвырнуть от себя наглеца единым мощным движением силы, но импульс разбился о худое тело, словно волна о скалы.

Ничего.

Йоремуне раздраженно встряхнул кистью. Упали на камни бледные искры.

Новая попытка снова ничего не дала.

А полукровка уже стоял вплотную...

Длинные пальцы вцепились с роскошные одежды духа, и ноги его вмиг оторвались от земли. Воздетый за грудки к потолку, Йоремуне захлебнулся злобным шипением.

— Что ты творишь...

— Я не прощу тебя.

Йоремуне не смог даже пикнуть — его швырнули в разверстое чрево железной девы. Хлопнула крышка, жадно чавкнули шипы, прошивая насквозь новую добычу.

И шупальца тьмы оплели ледяной металл, стискивая ту же две половины смертоносной скорлупы.

Валари задыхался.

Ярость захватила его с головой, свела тугим спазмом внутренности и засела в горле комком. Было трудно дышать. В ушах колотился пульс, и казалось, что барабанные перепонки не выдержат...

Но он справился.

Выпрямил спину и, кашляя в кулак, постучал свободной рукой по кровожадной стали.

— Самое место для тебя... — Валари отнял ладонь от крышки девы. Сквозь металл сочились белесые струйки силы и обращались снаружи в светящуюся слизь. — Гадость... — Он поморщился, скрипнул зубами и усилием воли заставил эту липкую субстанцию обернуться черным дымом. Получилось, и полукровка торжествуяще улыбнулся сам себе. — Хорошо... Ты слишком силен, чтобы просто издохнуть, но это тебе не поможет. Ты теперь будешь подчиняться мне... Хотя... Не только мне, каждому моему брату, что попросит твоей силы. И их детям... Внукам... Всем потомкам. И еще кое-что... Я запечатаю тебя здесь на веки вечные и ты никогда... Никогда не выберешься наружу! А еще я истреблю каждого хати, осмелившегося бросить мне вызов. Рискнувшего встать у меня на пути. И следующим будет Амаро. Я не забыл того, что он сделал. Он тоже заплатит.

Валари отступил на пару шагов, вытянул перед собой руку, сбрасывая с пальцев ключья мрака. Чернота окутала стальную гробницу Йоремуне и стала стискивать ее до тех пор, пока металл створ не пророс друг в друга.

Теперь из стальной девы не было выхода.

Валари развернулся к ней спиной и направился прочь из лаборатории. Тьма затопила помещение, стоило полукровке уйти. И дверь заросла толстым камнем.

Вожак стаи сделал то, что должен был сделать.

Он выжил. Он защитил своих товарищей. Он обрел силу, пусть странную и необъяснимую, но вполне подвластную и послушную. Покорную самым легким манованиям души. Легко напитываемую гневом и яростью. Болью. И это хорошо! Ведь питайся эта сила радостью и счастьем, была бы она вечно голодна. Тлела бы едва-едва, ведь радости и счастья в мире Валари всегда было ничтожно мало...

Так что, неважно как, но справился.

И он готов вести свою стаю дальше.

Вперед.

И только вперед.

Глава 32. Ноль секунд до рассвета

*In the promise land
We join our hands
And we all will fight forever and ever.
(C) Solid Base*

Все изменилось в Эводеоне.

Валари поднялся на донжон и осмотрел Пустошь.

Лиловое марево вереска мешалось с густым туманом. Блестела роса. Рассвет тлел над горизонтом, предвещая новый день. Пели птицы, и последние знамена с полуденной луной обреченно колыхались на ветру.

Их снимали одно за другим по приказу Валари.

Утекала из ворот вереница конных хенке. Четверка мохноногих кобов тащила повозку с золотом Йоремуне.

— Зачем ты отдал ему так много? — поинтересовался у вожака Уилтер.

Он встал подле правого плеча Валари, весь перемотанный бинтами с проступившей сквозь них смолянистой мазью, перемешанной с кровью.

— Это их плата за службу на год вперед. Они не требовали лишнего, только то, что им положено по договору с духом.

— Но Йоремуне больше нет.

— А договор есть.

Хэйя вышел из-за спин товарищей, оперся на каменный бордюр и устало вздохнул.

— Чего стоите тут?

— Видом люблюемся, — неосмотрительно бросил Уилтер. — Присоединяйся.

— Ага, щас! — раздался недовольный рык. — Издеваешься что ли? Я ж слепой.

Он показал Уилтеру посиневший искореженный кулак.

Валари поймал его за запястье, хмуро оглядел омертвелые пальцы и сломанную руку, туго обмотанную тряпицей. По коже тек из-под повязки желтый гной.

— Как рука?

— Нормально, — пробурчал Хэйя. — После твоего лечения осколки костей собрались вместе, хоть и не срослись до конца. А ведь мне эта рука нужна как воздух...

С ладони вожака сорвался всполох силы, заполнил пространство плотной темнотой.

— У меня осталось мало магии, — посетовал Валари, окутывая гниющую плоть черным искристым дымом. — Вот еще немного. Этого не хватит для полного исцеления, но все равно возьми...

— Ладно. Не трать зря. — Хэйя вырвал руку и потряс ею недовольно. — Я не нежный цветок, вроде этих аристократов... Само пройдет.

— Сам ты цветок! — не остался в долгу Уилтер, ведь неуместное сравнение адресовалось именно ему.

Усталый вожак осадил обоих:

— Тихо. Вы битву плечом к плечу простояли и опять грызетесь? Не надоело? — Глаза слипались. Слабость подкашивала ноги. — Пойду, посмотрю как там Флоки.

Но Флоки уже сам выбрался из постели и хромяя приплелся на донжон к остальным. Примотанные к кисти пальцы торчали из-под повязки синими крючьями. Изрядно

потрепанный, он плохо стоял на ногах. Опирался на длинный топор, как на костыль. Пламя битвы все еще плескалась в его глазах, поэтому он так и не выпустил из рук оружия.

— Все живы? — Спросил первым делом.

— До сих пор, — ответил Валари. На губах его криво дернулась слабая улыбка. Ни миг. Сразу исчезла. — Ты как?

— Бывало и хуже... — Флоки вспомнил, как после сокрушительного удара врага лежал на палубе корабля, а Пелле вливал ему в рот омерзительный луковый бульон и нюхал страшную рану в животе на предмет продырявленного желудка или оборванных кишок... Обошлось тогда... — А бывало и лучше.

Он шевельнул пальцами. Те плохо слушались и почти не ощущались, и все же импульс прошел — пальцы криво двинулись.

Валари вздохнул. Он потратил много сил на то, чтобы вернуть эти несчастные пальцы на место. Они провалялись почти сутки отдельно от хозяина. Шанс был мал. Силы тратились почти впустую. И тьма уже не текла в руку Флоки. Поврежденные кости и плоть давно пресытились ею...

Валари сказал соратнику:

— Выздоравливай поскорее.

— Да уж не издохну теперь, — устало улыбнулся в ответ Флоки.

Остальные полукровки стянулись к своему вожаку.

Демин, Марли, Роггу, Дарэ...

Все.

— Мы останемся в Эводеоне, командир? — поинтересовался Демин. — Или что?

— Не останемся. Тут все еще опасно. — Валари бросил короткий взгляд в сторону башни с лабораторией. — Тут придется запечатать все.

— Чем? — с любопытством поинтересовался Дарэ.

— Силою. Тьмою... — Валари внимательно оглядел собственную ладонь. В прожилках кожи назрела чернота. — Вам надо тоже осваиваться в новых телах, учиться ими пользоваться.

— Как? — хмыкнул Хэйя. — Пока я только дурные сны вижу. Будто бегаю на четвереньках по какому-то странному лесу.

— И жарко... — добавил вдруг Роггу.

— И влажно... — сказал Уилтер.

— И мир другой, — согласился с ними Марли.

— Точно! Так и есть, — подтвердил Хэйя. — Я там тоже слеп, в этих снах, но запахи... Запахи, что грезятся мне, абсолютно чужие.

— Звери. Это их мир, — предположил Валари. — Мир далекого прошлого.

— Что нам со всем этим делать? — поинтересовался Флоки. — Ты научился использовать силу, но мы...

— И вы научитесь, — пообещал Валари. — Обязательно. А пока готовьтесь к походу. Выбирайте лучший доспех, лучшее оружие и лучших лошадей из тех, что остались. Мы идем в злополучный лес. Будем охотиться на волка. — Он развернулся резким движением и направился в темный проход, ведущий на лестницу. Уже внизу, во дворе, крикнул перепуганным слугам, хлопочущим возле погребов с провизией. — Снимите со стен знамена с полуденной луной и приготовьте ткани для новых на замену.

— Что на них будет, господин? — раздался робкий отклик. — На ваших новых

знаменах?

Валари задумался на секунду, хмуро свел над переносицей брови, после чего кивнул сам себе и сказал:

— Стальная дева в лучах рассвета.

Спустя сутки, когда, забрав слуг, последние хенке покинули цитадель, собрались в путь и полукровки.

Белый конь Йоремуне стоял оседланный и покорно ждал нового всадника. Валари похлопал его ладонью по шее. Нужно было испытывать триумф, но в душе жила пустота.

Усталость.

Он вставил ногу в стремя, подтянулся в седло...

Позвал свою стаю:

— Вперед.

И в этот раз путь до волчьего леса показался короче. Сначала через Пустошь по древней дороге, вымощенной плитами из желтоватого камня, потом перелесками и болотами восточной Райлы.

Лес встал перед ними, в этот раз не такой пугающий. Наоборот, притаившийся, словно испуганный, весь перечеркнутый тенями, заросший лишайниками, серый.

До руин замка полукровки добрались без проблем. Спешились. Привязали лошадей к покосившейся коновязи.

— Я его даже не чую, — сказал Хэйя.

Дарэ с надеждой взгляделся в неприветливый ельник.

— Может, волк ушел отсюда?

Валари оперся спиной о прогнивший воротный ворот, лежащий возле остатков ржавой герсы, давным-давно выпавшей из пазов.

— Он здесь, — произнес уверенно. — И он придет. Просто ждите.

Иханна стояла на холодной террасе, и волосы ее развевал северный ветер. Шелковистые пряди то поднимались над головой блестящими змеями, то опадали на гладкие плечи.

— Госпожа...

Верный Грэм склонил голову низко-низко, чтобы никто не увидел слез. — Это правда? Я не хочу верить...

— Правда...

Иханна медленно повернулась к старому воину и отняла от левого глаза шелковый платок. На жемчужной ткани растеклась черной кляксой густое влажное пятно.

— Почему... — Голос Грэма дрогнул. — Почему это случилось именно с вами? Не уходите.

— Грэм... Милый мой Грэм... — Холеная ладонь коснулась небритой щеки. — Это однажды ждет всех нас. Всех хати. Я не исключение. — Иханна оторвала руку от лица преданного слуги, поправила перевязь с мечом, перестегнула фибулу на плаще. — Я благодарна вам всем. Я ценю и помню то, что вы для меня сделали и именно поэтому хочу уйти, чтобы не доставлять более никаких проблем. Живите здесь, как и прежде. Тут ваш дом. Я все сказала.

— Я понял, госпожа, — встрепнулся Грэм. Жесткий тон Иханны привел его в чувства. — Я буду заботиться обо всех обитателях замка в ваше отсутствие и... Позвольте мне хотя бы надеяться, что вы однажды вернетесь.

— Я не могу обещать. — Иханна скомкала почерневший платок и мощным движением швырнула его за перила террасы. — Не знаю, что будет дальше. — Она прошла мимо Грэма к выходу. Остановилась в путанице теней, перечеркивающих пространство под плетущимися по стене цветущими вьюнами. — Моя лошадь готова?

— Да.

— Тогда последнее, о чем попрошу... — Она замялась. Говорить было трудно. Но нужно. — Если увидите Йона, передайте ему, что я не отказывалась от него тогда, не предавала. Не продавала его Йоремуне. Наоборот, я пыталась его защитить. Ведь я уже тогда... была... другой.

— Госпожа...

— Я не могу больше врать ни вам, ни себе, — отрезала Иханна. — Я должна уйти, пока еще могу контролировать себя.

Спустя полчаса белый конь с заплетенной в косы гривой унес ее в туман, спустившийся с гор. Со стороны могло показаться, что Иханна бежит бесцельно прочь от замка, подгоняемая воем невидимых хиси, но это было не так. Она скакала на север. Именно туда указала ей прошлой ночью внезапно обострившаяся до предела память.

Там.

И рисовался в мыслях замысловатый корпус неведомого сооружения — звездного корабля...

Из глубин забвения всплыло даже его давно забытое имя.

«Зима»...

Белый волк Хати-Амаро спустился к развалинам замка по склону холма.

Над замшелыми стенами клубился туман, и что-то двигалось в нем, чужое, опасное, неприветливое. Лес, подступающий к древней твердыне со всех сторон, качался в предрассветном сумраке. Шуршали лохматые ели: «Не подходи... Будь осторожен... Впереди тебя ждет только смерть».

Но Хати-Амаро, могущественный дух этого леса и всех окрестных лесов, был, как прочие духи, горд и самоуверен. Не желал он, полноправный владыка зеленых далей, отступить пред врагом на своей же собственной земле.

Хати-Амаро встал под стеной и, ощетинив на холке шерсть, приказал:

— Выходи! Ты, жалкий полукровка!

У края стены бесшумно и быстро возник силуэт. Враг духа, беловолосый, жилистый и молодой, окинул огромного волка взглядом, подобным вспышке молнии.

— Полукровка... — повторил холодным тоном. — Именно так нас все и называют. И вы, великие духи-хати, зовете так, вкладывая в это название все свое презрение. Мое имя — Валари. И у каждого из моих братьев оно есть. Имя. Оно было и у того из нас, кого ты убил на охоте. Помнишь загрызенного тобой полукровку? Никадо его звали...

— Мне плевать и на твоих друзей, и на ваши имена. Убирайся вон с моей земли, или познаешь гнев высшего существа! — свирепо прорычал Хати-Амаро, на что Валари лишь усмехнулся:

— Не уйду. Мой путь ведет в Город-Солнце, что лежит по ту сторону ельника.

Дух оскалил внушительные клыки:

— Я хозяин здешних лесов, и через них я тебя не пропущу. Ты не пройдешь!

— Не пропустишь? — Полукровка метнул со стены новый сияющий взгляд. — Значит,

умрешь. Хотя, умрешь ты уже в любом случае.

Тьма сгустилась вокруг его угловатой фигуры, подсветилась изнутри, запульсировала.

При виде этого сердце самоуверенного хати сжалось от ужаса. Живая, чужеродная, древняя тьма пахла кровью и болью, ненавистью и отчаянием...

Хати-Амаро в страхе отступил назад на склон. Ужас сковал все его естество. Немыслимо! Как ошибался он, возгордившийся собственным могуществом, ведь то, что смотрело на него со стены, несло в себе мощь, необузданную и неподвластную даже воле великих первородных...

Валари, почуяв замешательство духа, приказал в тишине:

— А теперь беги.

И Хати-Амаро побежал.

Со всех лап кинулся к деревьям, надеясь отыскать там укрытие и защиту. Вихрем взлетел вверх по склону, нырнул в густой ельник. Белая шкура замелькала меж темных стволов. Не желая сбегать вот так — молча, трусливо, оставив последнее слово за дерзким противником, — он обернулся и выкрикнул:

— Я вернусь не один! Я приведу подмогу, и ты падешь, проклятый бастард!

— Не получится.

На стене возник еще один человеческий силуэт. Туда взошел темноволосый слепец, чьи глаза были затянуты плотными бельмами. Из-под бельм, как ночная вода из-подо льда, проступали очертания зрачков.

Слепой парень встал рядом со своим предводителем и подал длинное копьё. Зоркий Хати-Амаро даже издали разглядел привязанный к древку обрывок хоругви с полуденной луной. Такие поднимали перед боем знаменосцы Хати-Йоремуне.

Волк в ужасе присел на задние лапы. Глаза его расширились, дрогнувший голос понесся над лощиной:

— Значит, Хати-Йоремуне мертв? Ты убил его, непревзойденного мастера метаморфоз? Ты... чудовище...

— Может, и чудовище. Только ведь Йоремуне сам создал меня, — прозвучало в ответ.

Валари вскинул руку с крепко зажатым в пальцах копьём. Замахнулся для броска. Из ладони потек на древко черный дым или пар. Он словно щупальцами оплел оружие, окружив острый наконечник ореолом непроглядного мрака.

Тут на стене появился еще один, третий, полукровка и тревожно спросил:

— Валари, ты уверен, что нужно так с ним поступить?

— Уверен, Флоки. Тебя не было на той охоте. Ты не знаешь... — Сияющие глаза прожгли усомнившегося насквозь. — В любом случае этот волк — приспешник Йоремуне. А теперь вспомни, что сделал с нами проклятый дух. Вспомни, как несколько суток подряд, насквозь проткнутый стальными шипами, ты бился в чреве железной девы... Такое нельзя забывать и прощать!

Флоки, понимая, склонил голову и отступил.

Тогда предводитель полукровок метнул копьё. Оно с воем прошло заряженный воздух и, ломая хребет, вошло ровно промеж лопаток хати. Наконечник, прорвавший грудь, тяжело воткнулся в землю.

— Ты... пожалеешь... — сползая по древку, прошипел Хати-Амаро.

— Отлично, командир, точное попадание, — кровожадно улыбаясь, похвалил своего вожака слепец.

Он не мог видеть, как прямо на глазах тело поверженного хати задымилось и начало разлагаться. Провалились в голову уши и глаза, роскошная белая шерсть потускнела и осыпалась, будто осенняя листва, почернела и стекла с костей плоть, развалился на части скелет. Лишь белый череп двигал зубастыми челюстями, отправляя беззвучные проклятья врагу на стене, но вскоре и он вознесся к небесам, обернувшись клубами дыма.

— И все-таки зря, — нахмурился Флоки. — Лес взбесится теперь без своего покровителя. Как мы пройдем?

Но Валари был по-прежнему уверен в своих действиях.

Он ответил:

— Не взбесится. Амаро не хозяин лесу — никогда не был. Запомни, все хати — чужаки в нашем мире, захватчики. Лес теперь свободен, и в благодарность он пропустит нас...

Полукровки стояли на стене и смотрели туда, где черное пятно на земле, оставшееся от духа, истончалось и уменьшалось на глазах. Два взгляда были устремлены вперед. Один, невидящий, в пустоту. Далеко впереди, за махровыми конусами молодых елей, начиналась горячая степь с перелесками, над дымкой которых, словно призрачный мираж, сверкал куполами дворцов Город-Солнце — столица благословенного и процветающего Куттана.

Флоки мотнул головой в сторону города. Прямые черные пряди упали на левый глаз.

— Что нам делать там? — спросил. — Куттан — не лучшее место для таких, как мы. Его единодушно обходят стороной и духи-хати и язычники севера...

— Боишься идти туда, потому что северянин или потому что бывший разбойник? — поддел соратника Хэйя. — Скольких язычников-пиратов, вроде тебя, прилюдно порвали конями солдаты владыки Тарха?

— Я бывал в Куттане и ничего не боюсь, но... — принялся оправдываться Флоки. — Да ты и сам северянин, Хэйя! Тебя то же самое ждет.

— Там я им и дался! — самодовольно фыркнул слепой.

Валари красноречиво посмотрел на них обоих, заставив умолкнуть. Пошарив за воротом рубахи, вытянул на свет ключ, пристегнутый к стальной цепи.

Сказал:

— Я вырос на окраинах Города-Солнце, и там осталось кое-что важное, принадлежащее мне. Мое наследие, которое я должен во что бы то ни стало забрать.

Лили остановилась у въезда в Нерку, принялась ждать.

Одна.

Мун грозился, что изгонит ее из деревни. Не выгнал. Говорил, что предаст ее суду. Не вышло. Угрожал, что уничтожит. Не смог.

Ничего он не смог ей сделать...

Лили сжала кулаки и свирепо взгляделась в натянутый над дорогой туман.

Придут? Или не придут? Лгал ли Мун, сообщая, что придут к нему в скором времени на подмогу новые воины в красных плащах?

Пока не пришли...

А сам Мун исчез в сиянии многоцветной безжалостной молнии. Превратился в черное пятно на земле. Лисья голова испепелила его в один миг, досыта напитавшись безмерным гневом Лили.

Яростью, рожденной из безысходности. Выплавленной из усталости...

Узрев величие и мощь темной магии, приспешники Муна тут же разбежались, бросив

свои пожитки и недостроенный храм. Проклиная Нерку и страшную ведьму, порушившую все их планы в ней. Жители ничего не сказали, проводив их безразличными взглядами.

От Лили они глаза теперь отводили.

От греха...

И никто не остановил ее, не окликнул, когда двинулась она по дороге туда, откуда прочил коварный Мун прибытие своих приспешников. Лишь подруги ринулись следом, но Лили их остановила.

Вдруг и правда придут красноплащевые?

Лили поежилась.

Сил не осталось. Утянуло их в молнию, в землю.

В беспросветную долгую ночь.

Исчезла под стрехой лисья голова, и животные-призраки мягко расползлись к деревенским окраинам.

Пусть не придут...

Все же закончилось?

Или не все?

Лили остановилась.

Из наплывшего со всех сторон тумана долетел до ушей костяной мертвый звук. Копыта глухо ударяли по утопанной земле, и тяжесть, что несли они, была неимоверна.

Тень, что чернее безлунной ночи, надвинулась и нависла над головой. Потянуло мускусом и грязной шерстью больного животного. Из разверзшейся пасти пахло мясом и кровью.

И знакомый голос спросил:

— Что мне делать, Лили? Что мне делать теперь?

— Йон... — Лили коснулась ладонью жесткой шкуры. Без страха. Без сомнений. Без колебаний. Из глаз покатались слезы. — Ты пришел...

— Пришел. И убил... Что мне делать? — спросил он снова. — Я опасен. Я неуправляем. Я сам себя боюсь. Мне кажется, я становлюсь хиси... Даже хуже хиси! Я не хочу! Лили, прости меня...

— Йон, ты не виноват ни в чем. Ты помог мне... Помог! Не проси... Не нужно просить прощения! — воскликнула Лили громко и прижалась лицом к мощной шее исполинского существа. — Борись. Не сдавайся, держись. Скажи, как я теперь могу помочь тебе?

— Ты не можешь помочь, — донеслось в ответ.

— Могу. — Лили стиснула зубы и отступила на шаг. — Я могу...

Ведь есть сила.

Магия...

Лили так и не разобралась, как с ней обращаться правильно. Как управлять, направлять и действовать тонко, как в сказках. Там магия подчинялась специальным заклинаниям — своим для каждого действия. Волшебным палочкам и кольцам. Артефактам. Там все было четко, понятно, конкретно.

В реальности оказалось не так.

Сила была как стихия.

Почти неуправляемая, яростная и свободная.

И королевское слово не давало власти, нет, оно просто указывало направление, куда эта сила должна была обрушиться.

И мысли...

И чувства: они придавали силе нужный тон. Лили хотела, чтобы Йон выжил, и сила срастила его со зверем. Лили хотела, чтобы Мун навеки замолчал, и сила стерла его с лица земли.

Как-то так...

И она решила попробовать снова.

— Ин номене окта...

— Чего ты добиваешься? — произнес кто-то со стороны обочины.

Костяной зверек глядел из зарослей седой полыни.

— Хочу излечить его от недуга, — ответила Лили.

— Недуга? — Глазницы с тлеющими на дне огнями вперились в нее. — Ты пока не поняла одну важную вещь. Королевское слово может заставить молнию ударить во врага. Или закончить начатый магический процесс. Но оно не может обратить серебро в золото. Не может изменить суть одной вещи, превратив ее в другую.

У Лили руки опустились.

— Я не понимаю... — прошептала она.

— У твоего друга теперь иная суть. Не та, что прежде. Теперь он существо с двумя телами. Так от чего ты пытаешься его излечить?

— От зверя.

— Но зверь — не его недуг. Не хворь. Зверь — его неотъемлемая часть теперь.

— И как быть?

— Изучать. Понимать. Постигать. Контролировать. — Светящееся костяное личико обернулось к Йону. — Ты ведь слышишь меня, полужверь? Разъединить тебя обратно на две части не получится, но раз уж ты еще жив там, внутри, оборотись к тому звериному, что есть в тебе и пойми...

— Что понять? — Огромные челюсти неуверенно двинулись. Йон сел. Опустился на землю кургузый зад. Щетинистый хвост мазнул по дорожной пыли. — Что зверь убивает все живое вокруг просто потому, что ему хочется?

— Ему ли хочется? — Будь физиономия Люмафоры не такой костяной, имей она кожу и губы, наверное, на них появилась бы насмешливая улыбка... — Когда зверь метался и мучился, что делал ты? Не твоя ли ярость преумножалась в нем? Не твой ли страх? Не твои ли отчаяние?

— Что ты хочешь сказать? — Лили подбежала к зверьку и присела рядом. — Ты ведь знаешь, как помочь Йону...

— Ему не нужно помогать. — Люмафорина тонкая лапка легла на колено Лили. — В этих телах правит лишь одна душа. И если твой друг-полукровка все еще здесь, значит, он правит телами, и человеческим, и звериным.

— А как же ярость? Это же...

— Твоя ярость. И зверь преумножил ее, преувеличил, как кривое зеркало. Все, что осталось от него — это желания, воспоминания и сны. Но ты выиграл.

Квадратики зубов насмешливо щелкнули. Яркое вспыхнув, Люмафора исчезла с легким хлопком, оставив в воздухе завиток черного дыма.

— Вот как... — Лили отступила поближе к Йону. Посмотрела на друга непонимающе. — Выходит... Ты... теперь навсегда такой?

— Выходит... — Звериный выдох разочарования был столь мощен, что полетели над

дорогой маленькие смерчи — водоворотики пыли.

— Ну и ладно, — объявила Лили решительно. — Главное, что ты — это все еще ты. Пойдем на Пустошь. Тебе лучше спрятаться там пока.

— Пойдем.

Йон поднялся и пошагал за ней сквозь аромат донника, стоящего стеной вдоль дороги. Ему вспомнился праздник солнцестояния и венки лорда Майи. Летняя беззаботность, мед и теплая ночь...

Теперь все стало другим.

Но придется привыкнуть.

— А что ты сама собираешься дальше делать? — спросил он у Лили.

— Присматривать за деревней и за тобой. Копить силу. Потому что... — Она посмотрела на Йона строго. — В общем... Мне надо много тебе рассказать. Про все... Простое, как я отомстила убийцам Табиты... — Она скрипнула зубами от досады. — Ты понимаешь, я думала, что добралась до каждого из них, но казалось, что кроме разбойников в нападении был замешан кто-то из вельмож Тарха. Кто-то заплатил разбойникам за их черное дело. Все сложнее, чем я думала. Гораздо сложнее! Но я не сдамся. Я сейчас немного отдохну, подкоплю сил и знаний, и пойду... За ним.

Йон не знал, что сказать. Просто слова поддержки?

— Пусть у тебя все получится. — А потом странная мысль пришла в голову и озвучилась слишком быстро: — Ты не думала, что Табита могла выжить?

Он пожалел о сказанном, ведь такие слова могли дать беспочвенную надежду или, наоборот, больно ранить...

...но было поздно.

Сказанного не вернешь.

Лили вздрогнула. Остановилась. Скомкала в ладони кулон со звездой.

Произнесла едва слышно:

— Могла выжить... Знаешь, Йон, а ведь я о таком никогда прежде и не думала...

Где-то у границы Куттана и Райлы...

Телега скрипела, тряслась и раскачивалась из стороны в сторону, как лодка на волнах. Дорога крутилась по скалам, завивалась серпантинном, сужалась до того, что крайние колеса почти повисали в воздухе. Лошадь жалась боком к отвесной скале. Хотя она и не первый раз тут ходила, привыкнуть к круговерти опасных круч было невозможно.

Возница, седой мужичок неопределенного возраста, мягко посвистывал и ослаблял повод, позволяя кобыле вытянуться удобно, держать равновесие и не нервничать лишней раз из-за скованности.

На одном из поворотов заднее колесо все же соскользнуло с края. Охнули пассажиры, прильнули к противоположному борту. Дородный парень и девица медвежьей стати — взрослые дети возницы — выскочили наружу и принялись втаскивать телегу обратно на дорогу. Старушка, мать седого мужичка, кряхтя подняла костыль и тоже собралась вылезать.

— Ну что вы, бабушка, — тронула ее за руку худая девушка в бедном плащике с глубоким капюшоном, надвинутым на бледное до прозелени лицо. — Вы останьтесь. Я выйду...

— Что вы, госпожа, — ласково проскрипела старуха. — Сидите уж. Не пристало вам.

— Нет-нет. У вас ноги болят, а я здоровая, — мотнула головой девушка и быстро

выпрыгнула из телеги.

Она попыталась помочь детям возницы, но от ее слабосильной попытки никакого толку не вышло. Она больше мешалась: могучие братец с сестрой боялись ее затолкать, отчего их усилия по возвращению телеги на место заметно приуменьшились.

— Отойдите лучше, госпожа. А то придавим вас ненароком, — пробасила девица-великанша. — Раз уж вышли, идите, поодаль ножки разомните, а мы тут сами как-нибудь.

— Хорошо, Ирия, — послушалась девушка в капюшоне и отошла.

— Давай-ка, Фрай, поднажми еще! — скомандовала Ирия.

Ее брат напряг мускулы, и телега, наконец, прочно встала на четыре колеса.

— Вот это детушки! — Возница смахнул с глаз слезу гордости. — Была бы жива ваша мать, как бы радовалась, как бы гордилась.

— И не говори, Павик, — поддержала его старушка. — Мира всю душу в детей вложила. Жить бы ей, да радоваться... А все разбойники проклятые! Все они!

— Не надо, баб-Гань, — урезонила ее Ирия. — Не вороши прошлое. Тебе волноваться нельзя.

— Так как же? — попыталась спорить старушка, но к внучке присоединился Фрай.

— Давай лучше о хорошем поговорим? О будущем! Как приедем к владыке нашему милостивому. Как примет он нас. Как наградит.

— Попросим его, чтоб прислал отряд солдат в нашу местность. Чтоб всех-всех разбойников оттуда прогнал, — поддержала брата Ирия.

— Я б сам к нему в солдаты пошел, — мечтательно протянул Фрай, пригладил широченной ладонью непослушные светлые вихры.

— И я бы, — сказала Ирия. — Вот только девушек он, говорят, на службу не берет.

— Он никого из райлийцев не берет, — поставил крест на их мечтах отец. И подытожил: — Ни к чему вам в солдаты идти, детушки. От вашей силы в мирной жизни больше блага будет.

— Госпожа! О нет, госпожа! — вскрикнула вдруг высоким голосом старушка. — Остановите же ее! Павик, Ирия, Фрай! Ну, не стойте! Бегите же скорее! Спасайте! Беда.. Беда!

Брат с сестрицей и отец семейства дружно взглянули туда, куда махала им из телеги старая женщина.

Девушка, которую все они называли «госпожой», стояла на краю обрыва, раскинув руки в стороны. Мыски ее стоптанных башмаков уже нависали над бездной. Стоило ей только качнуться вперед и...

— Нет! Стойте! Не нужно! — Ирия рванулась стремительно, оказалась за спиной у худенькой попутчицы, обхватила ее своими лапищами, прижала к груди. Зашептала в отчаянии на ухо: — Не нужно, госпожа... Пожалуйста, не делайте этого... Просим вас и на милость вашу уповаем.

— Ты не понимаешь, Ирия... — По серой щеке девушки прокатилась слеза. — Ты не представляешь, что мне пришлось пережить. Я хочу... Я мечтаю снова забыть обо всем, но теперь не могу. Это до сих пор убивает меня, мучает, выжигает изнутри... Я не могу, Ирия! Не могу... Отпусти меня, прошу.

— Нет, госпожа. Не надо так говорить... — Ирия заревела вдруг, завывала по-волчьи. Слезы градом полились из ее глаз. — Мне так жалко вас, но, пожалуйста, не нужно прыгать. Поживите еще. Мы вернем вас домой, и все будет хорошо. Будете жить да радоваться.

В ответ донеслось холодное:

— Не буду. Я уже мертва, и оттого не смогу жить дальше счастливо и безмятежно.

Радоваться я больше никогда не смогу.

И тогда в спор вступила бабушка Ганя.

— Вы, госпожа, может и мертвы, но мы-то еще живы, хоть и бедны, в отличие от вас. Вспомните, как мы заботились о вас, как отдавали вам последние крохи, как лечили от истощения, после того, как случайно нашли в лесу. Три года... До того, как вы вспомнили, кто вы. Все вспомнили... Так позвольте нам отвезти вас домой, к отцу. К владыке Тарху. Позвольте надеяться на его благодарность и милость — нам это важно и нужно. Пусть и небескорыстно все это звучит, но мы так бедны и слабы, что не можем обойтись без корысти. И знайте, если бы вы не оказались принцессой, не вспомнили все, мы бы все равно вас холили и лелеяли, как свою... Вы уж простите меня, старую, госпожа Табита, но кто-то должен был это сказать вам.

— Вы правы, бабушка. — Табита горестно склонила голову. — Вы во всем правы. — Она вдохнула глубоко и взяла себя в руки. — Уж не сердитесь на меня. И простите. Я слаба духом. Телом слаба... Они убили меня тогда, разрушили до основания, хоть я и кажусь вам все еще живой и целой... Но вы поступаете верно. Вы должны вернуть меня в Город-Солнце и передать владыке Тарху, чтобы он одарил вас на долгие годы и разобрался с разбойниками в дальних провинциях Райлы. Вы это заслужили. Вы мне помогли. — Она погладила руку Ирии, все еще пережимающую ее грудь. — Спасибо, названная моя сестрица. Если я еще раз забудусь, расслаблюсь, поддамся унынию, ты удержи меня, ладно?

— Ладно, госпожа Табита. Я завсегда к вашим услугам. Уж я вас поймаю. Уж я удержу. А вы... Вы только о хорошем думайте! О плохом — ни-ни. — Ирия отвела принцессу как маленькую за руку от края. Помогла забраться в телегу. Крикнула отцу: — Трогай, бать.

Лошадка потащила свою ношу по серпантину сквозь предрассветный сырой сумрак.

Табита сидела, привалившись к борту, и наблюдала, как далеко у восточного края неба вырывается из земли и уходит ввысь черный столб то ли дыма, то ли пара...

...то ли какой-то неведомой силы.

И мешается с утренней зарей.

Принцесса закуталась в истрепанную рогожу и прикрыла глаза. Постаралась подумать о хорошем, как советовала ей Ирия. Не получилось. В голову затхлой болотной водою хлынули воспоминания прошлого.

Люди, которых...

Она тряхнула волосами, сляясь скинуть болезненное наваждение.

И четко, живо восстал из глубин памяти образ Лили.

С огненными как у демоницы глазами, в черных развевающихся одеждах подруга качала недовольно растрепанной головой и шептала беззвучно: «Только не вздумай сдать себя теперь».

Внизу, под скалами, птицы шумели, просыпаясь. Ветер трепал шкуру сонного леса. Где-то вдали звенела река...

— Я постараюсь, — пообещала Табита тихо. — Я буду как ты, Лили. Я научусь бороться. Я не сдамся. Слышишь?

Край солнца вспорол горизонт, и рассвет наступил.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net